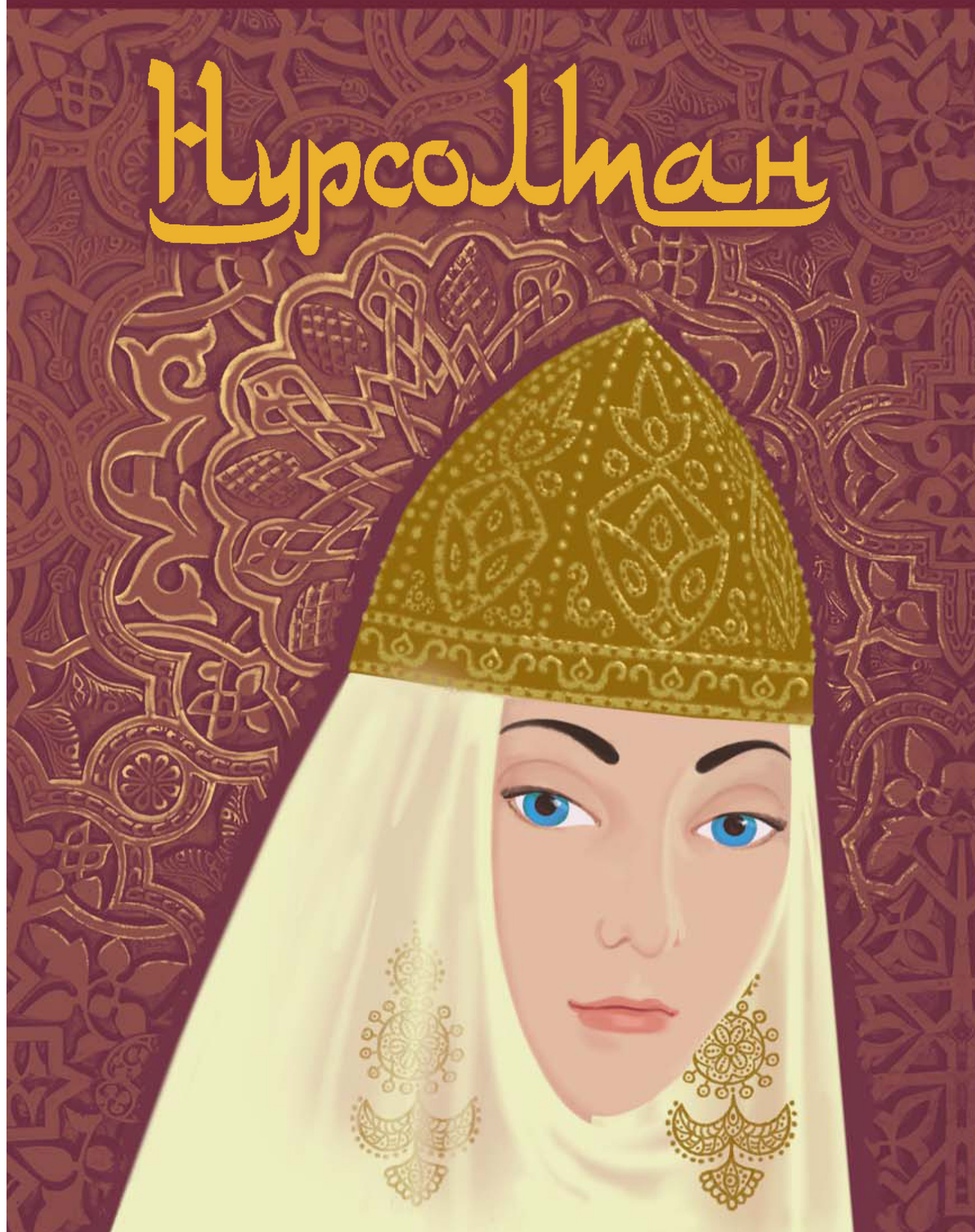

Ольга ИВАНОВА

Нурсолтан

Повелительницы Казани

Ольга Иванова

Нурсолтан

«Татарское книжное издательство»

2017

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)-4

Иванова О. Е.

Нурсолтан / О. Е. Иванова — «Татарское книжное издательство»,
2017 — (Повелительницы Казани)

ISBN 978-5-298-03474-6

Перед нами первая книга трилогии «Повелительницы Казани» – «Нурсолтан». Главные героини трилогии – известные исторические личности, легендарные женщины эпохи Казанского ханства. В романе оживают исторические события 500-летней давности. Вы отправитесь в увлекательное путешествие по средневековой Казанской земле, окунётесь в мир дворцовых интриг, заговоров, переворотов и завораживающей истории любви крымского хана Менгли-Гирея и казанской ханум Нурсолтан.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)-4

ISBN 978-5-298-03474-6

© Иванова О. Е., 2017
© Татарское книжное
издательство, 2017

Содержание

Ожившая эпоха Казанской земли	6
Часть I	8
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	24
Глава 7	27
Глава 8	30
Глава 9	33
Глава 10	36
Глава 11	39
Глава 12	42
Глава 13	45
Глава 14	48
Глава 15	51
Глава 16	55
Часть 2	58
Глава 1	58
Глава 2	62
Глава 3	66
Глава 4	70
Глава 5	74
Глава 6	77
Глава 7	80
Глава 8	83
Глава 9	86
Глава 10	90
Глава 11	93
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Ольга Иванова

Нурсолтан

© Татарское книжное издательство, 2017

© Иванова О. Е., 2017

Ожившая эпоха Казанской земли

С большим интересом прочитал исторический роман «Нурсолтан», написанный Ольгой Ивановой. Роман является первой книгой трилогии «Повелительницы Казани» («Нурсолтан», «Гаухаршад», «Сююмбика») и включает в себя длительный период на стыке XV–XVI веков. Это время становления и расцвета Казанского ханства, непростых отношений Казани с Московской Русью, судьбоносных битв Крыма с Большой Ордой, потери самостоятельности Крымского ханства и его вассальной зависимости от Османской империи, время изгнания с Крымского полуострова генуэзцев и падения княжества Феодоро. Все эти события полно и достоверно отражены романистом в её труде.

Писателем охватывается период конца правления казанского хана Махмуда, краткое царствование его старшего сына Халиля и, государственная деятельность хана Ибрагима и его сыновей – Ильгама, Мухаммад-Эмина и Абдул-Латыфа. Также события романа переносят нас в Крым, где автор прослеживает весь нелёгкий путь прихода к власти крымского хана Менгли-Гирея. Немало страниц в своём произведении Ольга Иванова посвящает великому княжению Ивана III и его сына Василия.

Но главной героиней исторического повествования романист представляет известнейшую женщину того времени ханшу Нурсолтан. Её политическая и просветительская деятельность упоминается во многих источниках, как в восточных, так и в русских летописях, в дипломатических переписках. Сохранилось немало свидетельств тому, что матери, жёны и сёстры правителей восседали в ханских советах – диванах. К их мнению прислушивались, они возглавляли политические партии и нередко становились «серыми кардиналами» заговоров и дворцовых переворотов. Пожалуй, в этом нет ничего удивительного, нам известно, что в эпоху средневековья во многих восточных государствах высокородные женщины играли важную политическую роль. Так было и в Османской империи, и в Золотой Орде. Казанское ханство здесь не стало исключением, об этом свидетельствуют сохранившиеся документы.

Ольгой Ивановой в доступной и красочной форме изложены межгосударственные и межличностные конфликты правящих династий, правдиво, в художественном изложении прослеживаются причины гибели Казанского ханства. Широко и подробно представлена тема взаимоотношений Казанского ханства и Великого Московского княжества и понимание неизбежности завоевания Казани в 1552 году.

Автором даются образные картины экономической жизни, социального строя, внутренней и внешней политики, духовной и материальной культуры Казанского и Крымского ханств, Великого Московского княжества в XV–XVI веках.

В трилогии Ольги Ивановой прослеживается концепция научных трудов М. Г. Худякова, А. Х. Халикова, С. Х. Алишева. При описании автором крымских событий чувствуется влияние работы Л. П. Колли. В «московской теме» заметно влияние трудов Н. М. Карамзина, С. М. Соловьёва и В. О. Ключевского. Автор мастерски использует фольклорные источники – предания, сказания, легенды и эпосы.

Но не стоит забывать, что перед нами исторический роман, а не научная монография. Здесь наряду с кропотливым восстановлением событий эпохи (войн, смен правящих династий), описание которых базируется на документальных источниках, присутствует и образное мышление автора, её видение. Но следует ещё раз отметить, что богатая фантазия романиста подкреплена историческими фактами, реальными датами и имеет под собой крепкую фундаментально-научную основу.

На мой взгляд, автору удалось решить художественную задачу, когда необходимо было трансформировать историю в эстетический объект. В романах Ольги Ивановой проглядывается предметная детализация и художественный язык, которыми красочно и убедительно изоб-

ражается та далёкая эпоха. У романиста вымысел удачно сживается с историческими фактами, не противоречит им. У историков нет права на вымысел, но для исторического романиста вымысел в освещении эпохальных событий – это почва, на которой взращено художественное произведение. Считаю, чтобы понять закономерности исторического прошлого в художественном произведении не обязательно воспроизводить их во всех точных подробностях и деталях. Романисту куда важнее дать художественный образ, который раскроет смысл происходящего. Кстати, к такому видению исторического романа склонялся и Л. Н. Толстой.

Хочу заметить, что Ольге Ивановой удалось смоделировать картины исторического прошлого на основе событий и фактов того времени, придать им своеобразный смысл. Стоит отметить и то, что автор беспристрастен в своих оценках, ей удаётся не вставать ни на чью сторону, не раздувать костёр межнациональной неприязни. С одинаковым сочувствием описываются страдания и бедствия народа как с одной, так и с другой стороны. В происходящих тогда войнах, переворотах не видно авторского «указующего перста» на виновного. Прослеживается мысль романиста, что всё это ход истории, её закономерность.

Следует заметить, что в истории как Казанского, так и Крымского ханства остаётся ещё немало «белых пятен», и во многом это обусловлено несохранившейся письменной документацией тех времён. Существует всего около десятка документальных источников периода Казанского ханства. Как пишет об этом С. О. Шмидт: «Письменные источники на восточных языках по истории Казанского ханства почти полностью погибли при взятии Казани в 1552 году».

При описании роли хана Менгли-Гирея автор упоминает об имеющихся на этот вопрос противоположных мнениях разных историков. Действительно, в источниках трактовка того или иного исторического события, либо исторического лица иногда описывается противоречиво и порой с совершенно противоположной точки зрения. И участие крымского хана Менгли-Гирея во взятии Кафы в некоторых источниках описывается на стороне Османской империи, у других авторов – на стороне генуэзцев и княжества Феодоро, с которым у хана был союзный договор. Автор романа в таких «спорных» случаях выбирала трактовку более подходящую для дальнейшего развития сюжета.

Не побоюсь сказать, что перед нами монументальный труд с прекрасным захватывающим повествованием. Ольге Ивановой удалось передать удивительную атмосферу того времени, но при этом не перегрузить язык романа чрезмерным количеством историзмов и архаизмов. Хочу отметить, что с исторической точки зрения данная эпоха показана убедительно, красочно, живо. Романист в своих произведениях прекрасно передаёт национальное своеобразие и содержательное богатство тысячелетней истории Казани. Это большой исторический труд об эпохе, навеки оставшейся одним из ярчайших и трагических периодов в истории Татарстана. Считаю, что такие книги, как романы Ольги Ивановой, сегодня особенно актуальны и необходимы широкому кругу общественности. И они в состоянии обогатить духовный мир, насытить «исторический голод» современного читателя.

Э. Р. Тагиров

доктор исторических наук, профессор Казанского государственного университета культуры и искусств, заслуженный деятель науки РТ

Часть I

Глава 1

Весна на обширные просторы Ногайской степи пришла внезапно. Казалось, ещё вчера вся степь была бела от снежного, режущего глаз, покрова. Вчера она была уныла и неуютна. Редкие звери, пробежавшие по своим делам, спешили укрыться в норах. Седые стебли сухого ковыля печально шелестели под короткими порывами холодного ветра. Если какому-то степняку приходилось в это время года оказаться вдали от стойбища, то погонял он коня без оглядки. Спешил одинокий всадник добраться до людского жилища, подальше от жуткого снежного безмолвия, которое в любой час могло обернуться страшным бураном.

Совсем другое дело весна! Весной по степи можно скакать часами, пьянеть от аромата цветущих трав, расстилающихся пёстрым ковром под копытами быстроногого скакуна. А вылетит из-за зеленеющих холмов на берег могучего Яика¹, и закричишь от восторга, переполняющего сердце. Вот она – огромная река, отражавшая в своих кипучих водах необъятное голубое небо!

Четверо смуглых, обгоревших под щедрым степным солнцем мальчишек, почти одновременно домчались до крутого яра. Крепко держась за косматые гривы коней, они с азартом пинали их взмокшие бока босыми пятками. Айтула опередил младших братьев, первым выплеснул победный клич в широту безбрежной степи:

– Охо-хей!

Рядом радостно и возбуждённо закричали младшие братья:

– Эй! Э-э-й!!!

Непоседливый Акшобат подбросил вверх старую войлочную шляпу, закрутился юлой на беломордом жеребчике. Казалось, ещё немного, и шляпа окажется под копытами коня, но проворная рука успела ухватить её у самой земли. Акшобат засмеялся, и от его задорного, взвизгивающего смеха стало ещё веселе на душе.

– Айда! – закричал он. – Кто со мной купаться?

Черноглазый Турыиш с готовностью развязал кушак², распахнул полы стёганого казакина³, обнажив худенькую смуглую грудь. Но Айтула нахмурился, как-никак, он самый старший из братьев, ему уже четырнадцать, совсем взрослый.

– Турыиш! Вода ещё совсем холодная. Да и в стойбище пора, отец ждёт.

– И то верно, – поддержал его Акшобат. – Есть хочется, айда, кто вперёд?

Мальчишка уже натянул поводья, да остановился, привстав на стременах:

– Айтула! Табун!

Но его брат и сам услышал нарастающий, лавинообразный гул десятков тысяч копыт, приближавшийся к ним.

Темноволосый Хыяли, юркий как ящерка, соскользнул с неосёдланного коня, потянул его за гриву вниз, к реке:

– Спрячемся, если воры гонят косяк, заметят нас – убьют!

Айтула напряжённо сузил и без того раскосые глаза, пытался увидеть что-нибудь в растущем на глазах облаке степной пыли. Сегодня с утра они оставили своего отца – табунщика Журмэя, стерегущего коней беклярибека Тимера, одного. Не у него ли угоняют лошадей? От

¹ Яик – Урал.

² Кушак – длинный пояс из мягкой ткани.

³ Казакин – жилет с длинными рукавами.

этой мысли даже жарко стало, Айтула стянул с головы мягкую войлочную шляпу, вытер ею пот со лба.

– Сойдём к реке, спрячемся. И глядите в оба, если наш табун, будем отбивать.

Акшобат лишь покачал головой. «Как можно отбить добычу у вооружённых угонщиков? Мы ещё совсем малы, а оружие на всех – старый лук за спиной Айтулы!»

Но старший брат не желал сдаваться, снял саадак с плеча, достал из потёртого колчана стрелу. Спустились к реке, поручив коней присмотру младших братьев – десятилетнему Хыяли и восьмилетнему Турыишу. Айтула с Акшобатом притаились наверху. Пригнулись к траве, напряжённо ждали приближения первых жеребцов. По ним, главенствующим в косяке, могли узнать, их это табун, или какой другой. Акшобат узрел первым, подскочил возбуждённо, заорал, пытаясь перекрыть бешеный стук копыт:

– Дикий табун! Дикие кони, Айтула!

Но Айтула, казалось, не слушал, медленно поднялся на колено, нацелил свой лук. Мощные спины мышино-серого цвета с чёрной полосой по крестцу мелькали перед его взором, взлетали в воздух и опадали в такт бега чёрные гривы. Но прищуренный глаз Айтулы не сбить с прицела ничем. Он дождался последние замыкающие ряды табуна, где неслись совсем молодые жеребцы, не отличавшиеся столь буйным нравом, как вожаки. Палец напрягся, натянул до предела тетиву и в какую-то неуловимую долю секунды сорвался, послав вдаль смертоносную стрелу.

– Есть! Попал, Айтула, попал! – Акшобат от восторга так и заплясал на месте, едва дождался, пока последние лошади промчались мимо, и бросился вперёд. Айтула бежал за ним следом, а по яру взбирались вослед младшие братья.

Молодой жеребец, тёмная шкура которого ещё не приобрела присущего взрослым сородичам серого цвета, лежал на истоптанной табуном траве. Стрела Айтулы попала прямо в глаз, и Акшобат даже присвистнул от удивления.

– Хороший выстрел, – раздался рядом незнакомый голос.

Мальчишки испуганно встрепнулись, обернулись и отступили за спину старшего брата. Отряд вооружённых незнакомцев появился неизвестно откуда. Воинов возглавлял молодой вельможа. За ним неотступно следовал седобородый всадник в простой кольчуге, но с дорогой саблей на боку. Он не сводил с мальчишек настороженного взгляда, а рассечённая старым сабельным ударом бровь придавала его лицу свирепое выражение. Самый маленький из братьев, Турыиш, уткнулся в плечо Айтуле, чтобы не встречаться со сверлящими насквозь глазами старика.

– Из какого вы улуса, джигиты?

Молодой вельможа, задавший вопрос, улыбнулся. И этой открытой улыбкой он сразу расположил Айтулу к себе.

– Мы из стойбища беклярибека¹ Тимера.

– А далеко ли до улусов мурзабека Мусеки?

Мальчишки переглянулись меж собой.

– Мурзабек недавно отправился в сады Всевышнего. А его сыновья никак не решат, кто возглавит их род. Говорят, поделили людей, табуны и разъехались в разные стороны.

Вельможа помрачнел, с тревогой взглянул на старого воина:

– Что же делать, Эсфан-оглан, отец посылал нас к мурзабеку Мусеке, как к своему давнему соратнику. До улуса братьев Махдумсолтан далеко, пока доберёмся до них, битва начнётся без нас. И к кому же мы теперь обратимся за помощью? – Но тут же посветлел взором: – Может, сама судьба привела нас на земли беклярибека Тимера? Направим своих коней к владельцу мангытов, в его улусе накоплена великая воинская сила. Чем больше сотен приведём, тем удачливее будет битва с ханом Махмудом.

Эсфан-оглан недовольно замотал головой. С тех пор как старый воин ступил на землю, где кочевали степняки, всё вызывало в нём приступы недоверия и обострённого чувства опасности.

– Стоит ли доверять неразумным мальчишкам? Кто станет сообщать птенцам о раздорах в улусе могущественного бека? Они всё придумали, и неизвестно, что скрывают в своих головах. Мы поедem к мурзабеку Мусеке и не будем заезжать к другим бекам, потому что это опасно, мой господин!

– А я думаю, стоит прислушаться к словам юного джигита. – Вельможа вскинул голову, и упрямый блеск миндалевидных тёмных глаз заставил Эсфан-оглана тяжело вздохнуть. Теперь уж точно ничего не поделать. Если знатный воспитанник решил ехать в улус беклярибека Тимера, его никто не сможет остановить. А солтан уже обращался к мальчишкам: – Эй, батыры, кто из вас покажет дорогу к стойбищу вашего господина?

Вездесущий Хыяли кинулся к своему коню, но Айтула остановил его:

– Я поеду, надо позвать отца, чтобы помог разделить добычу.

Он вскочил на подведённого братом каурого жеребца и оборотил гордый и независимый взгляд чёрных глаз на незнакомцев:

– Следуйте за мной.

Молодой господин с улыбкой глядел на мальчугана в старенькой залатанной одежде, но державшегося с необыкновенным достоинством. Это чувство, должно быть, сидит в каждом кочевнике, оно впиталось с молоком матери, возросло на вольных бескрайних просторах. Разве увидишь такую гордую посадку, такой независимый взгляд у жителей крымских городов или у землепашцев с их вечно согнутой спиной?

– Мой солтан, стоит ли доверяться этому проныре, неизвестно куда он нас заведёт, – вновь заворчал старый воин.

– Эсфан-оглан, ваша подозрительность становится просто смешной. Ну какая беда может нам грозить от мальчишек? – И уже потише, чтобы не слышал Айтула, добавил: – Они сами боятся нас, но виду не подают, настоящие джигиты.

– Как прикажете, мой господин, – не скрывая своей обиды, промолвил оглан. – Но ваш отец, высокочтимый хан Хаджи-Гирей, велел мне присматривать за вами. Он-то знает, каким вы бываете безрассудным.

Солтан лишь рассмеялся, хлопнул военачальника по плечу:

– Не обижайтесь, Эсфан-оглан, я ценю вашу преданность. Но мы все слишком утомлены, и почему бы нам не воспользоваться гостеприимством беклярибека? Там узнаем и о давнем союзнике отца.

Солтан отдал приказ воинам следовать за мальчишкой, а Эсфан-оглану осталось лишь подчиниться, не вступая более в спор. Обида, нанесённая словами молодого господина, никак не проходила. Оглан всегда был подозрителен и осторожен, оттого и дожил до преклонных лет. Что может знать о настоящих опасностях, таящихся в этих необъятных степях, сын крымского хана? А Эсфан-оглан знает! И не важно, что господин посмеялся сейчас над ним, он, его верный телохранитель, всё равно остережётся, и не только потому, что оберегать сына приказал сам повелитель.

Эсфан-оглан недовольно насупился, но только суровый взгляд его коснулся молодого господина, как сразу потеплели глаза, подёрнулись влагой. Никому, даже себе самому, не признавался Эсфан-оглан, как любил он солтана Менгли-Гирея. Из всех сыновей хана Хаджи только он, Менгли, был похож на погибшего сына. Вот таким же безрассудно смелым, молодым и красивым был его Сарман, слишком смелым и слишком безрассудным, оттого и сложил голову десять лет назад в этих ненавистных оглану степях. Старик вздохнул, расправил плечи, словно скинул с себя груз тяжких воспоминаний, и решительно направил коня вперёд, в голову отряда. Если опасности не избежать и мальчишка заведёт их в западню, он, Эсфан-оглан, встретит эту

опасность грудью. И тогда не один кочевник расстанется с жизнью, прежде чем смогут сломить такого воина, как он. А в голове солтана Менгли чувства тревоги даже не возникало, молодой господин задумался о предстоящем сражении. Где он найдёт помощь, если мальчишка сказал правду, кто даст ему воинов для битвы с правителем Большой Орды? Ведь хан Хаджи-Гирей отправил его в Ногайские степи в надежде на поддержку старого друга.

Сам солтан последние годы провёл в Кырк-Ёре⁴. Отец дважды женил Менгли, словно торопился получить внуков от своего любимца. Он был шестым сыном хана Хаджи, но Менгли больше всех напоминал крымскому господину его самого. Оттого и привечал младшего сына, и выделял среди всех братьев, хотя наследником объявил старшего – солтана Нур-Девлета. А Менгли привязанности отца не замечал, ему быстро наскучила однообразная дворцовая жизнь, страстная натура звала к непокорённым вершинам. И вот пришёл час славного дела, достойного настоящего мужчины. Хаджи-Гирей решился на открытую битву с давним врагом ханом Махмудом, правившим Большой Ордой⁵. Своего любимого сына Менгли крымский повелитель отправил в Мангытский юрт⁶ с надеждой привлечь грозную силу, которая таилась в степях, на свою сторону. Мурзабек Мусека мог дать не одну тысячу воинов, но его неожиданная смерть расстроила планы хана. Кто теперь в улусе Мусеки обладает весомой силой? И если наследники враждуют меж собой, то решатся ли в тревожное время отправить своих воинов на битву, до которой им и дела нет?

Эсфан-оглан решил, что крымский солтан направился в стойбище беклярибека Тимера из упрямства, но он ошибался. Менгли-Гирей отклонился от прежнего пути в первую очередь для того, чтобы в улусе правителя этих обширных земель узнать ответы на свои вопросы. К тому же при удачных переговорах беклярибек Тимер мог отправить хану Хаджи своих воинов. Его следовало только убедить в этом. А прибыть в ставку отца во главе нескольких тысяч было большой удачей. С такими мыслями крымский солтан и въехал в стойбище беклярибека Тимера.

⁴ *Кырк-Ёр* – в те времена столица Крымского ханства.

⁵ *Большая Орда* – с конца 1430-х годов Золотая Орда перестала существовать. Территория кипчакских степей, оставшаяся от былых владений Золотой Орды, стала именоваться Большой Ордой.

⁶ *Мангытский юрт* – так назывались улусы, кочевавшие в Ногайской степи. Большая часть кочевников относилась к племенам мангытов.

Глава 2

– Всем известно, что хан Махмуд – правнук высокочтимого повелителя Тимура-Кутлука, а мой дед, знаменитый Идегей, был правой рукой Тимура-Кутлука. – Беклярибек Тимер говорил медленно, словно обдумывал каждое слово, и всем присутствующим на этом вечернем пиру казалось, что его речь звучит смертным приговором заманчивому предложению крымского хана.

Но Менгли-Гирей думал иначе. В улусе беклярибека он гостил четвёртый день и ещё ни разу не услышал прямого ответа от могущественного мангыта. Теперь восточные учтивости и хитроумные сплетения разговоров, где никогда не говорили прямо «нет» и «да», остались позади. Беклярибек Тимер наконец высказал всё, что держал в уме все эти дни, с тех пор, как в его улус прибыл сын Хаджи-Гирея – Менгли. Молодой солтан выдохнул с облегчением, он привык сражаться, глядя в лицо сопернику. Открытые слова Тимера разрешали и ему высказаться с такой же прямоотой.

– Достойнейший из владык, мы высоко ценим и чтим память эмира Идегея, того, кто создал могучий и непобедимый Мангытский юрт. Только речь не о благородном хане Тимур-Кутлуке, верном союзнике эмира, а об его недостойном сыне. Разве не коварного Тимура ваш благородный дед с почестями усадил на трон Сарая⁷, не ему ли отдал в жёны самую прекрасную и юную дочь свою, чем же ответил эмиру Идегею хан Тимур?

С внутренним удовлетворением Менгли-Гирей заметил, как дрогнуло каменное лицо беклярибека, и с ещё большим пылом продолжил:

– Вы знаете не хуже меня, что хан Тимур отплатил вашему деду чёрной неблагодарностью. Из-за него владельцу Мангытского юрта пришлось бежать в Хорезм, а после в Сарайчик, в Ургенч! И всюду зависть хана Тимура преследовали эмира, пока гнев Всевышнего не покарал его⁸. А теперь подумайте, высокочтимый беклярибек, кому вы храните верность? Правнуку хана Тимура-Кутлука, который был другом вашему деду, или внуку хана Тимура – злейшего врага всего Мангытского юрта?

Тишина воцарилась в богатой юрте беклярибека. Солтан Менгли осушил чашу с кумысом, ему казалось, что блестящая речь не могла не произвести впечатления на старого мангыта и его людей. Желанная победа была так близка. Хан Махмуд, как верный продолжатель идей своего отца – Кичи-Мухаммада и деда – хана Тимура, этим летом будет уничтожен вместе с Большой Ордой, если сейчас беклярибек Тимер скажет «да». Но повелитель мангытов молчал, молчали и все присутствовавшие. Они пытались угадать, каким будет решение господина. Наконец беклярибек поднял задумчивый взгляд на сидевшего перед ним крымского солтана:

– Кто виновен, а кто – нет, о том судить не нам, а Всевышнему! Аллах более сведущ в неведомом! Если хан Тимур причинил много бед и неприятностей нашему прародителю, могущественному Идегею, то его внук, хан Махмуд, правящий с помощью Аллаха в Сарае, не доставил нам никаких хлопот. Но и ваш отец, высокочтимый хан Хаджи-Гирей, никогда не был врагом мангытов. Потому я не стану ни на чью сторону! Вы можете передать своему отцу, уважаемый солтан, что я не поведу своих воинов осаждать Сарай. Но и когда ваш отец пожелает это сделать, не дам помощи хану Махмуду, даже если он будет об этом просить. А сейчас, Менгли-Гирей, вы можете гостить в моём улусе сколько пожелаете, и в любое время здесь вас встретят, как дорогого гостя! Отдайте должное угощениям, мы за разговорами совсем забыли о пире и веселье.

⁷ Сарай – столица Золотой Орды, а после 1430 года столица Большой Орды.

⁸ Раздоры, начавшиеся между ханом Тимуром и Идегеем, были на руку сыновьям Тохтамыша. В 814 году хиджры (1411–1412) они напали на Орду, разгромили войска Тимура. Хан Тимур бежал и умер в изгнании.

Повелитель мангытов хлопнул в ладоши. Зазвучала музыка, по шатру заскользили смуглые танцовщицы. Засуетились прислужники, принялись подносить блюда с горячей, истекающей жиром, бараниной. Гости словно очнулись от долгого безмолвия, зашевелились, оживлённо переговариваясь, принялись за еду.

А Менгли, расстроенному неудачей, кусок не лез в горло. Он уже решил незаметно покинуть пир, как к нему подсел один из сыновей беклярибека, мурза Хусаин. Он дружески обнял его за плечи, зашептал:

– Не переживай, Менгли, будь я на месте отца, пошёл бы с тобой воевать против самого египетского султана. Но мой отец больше занят торговлей, чем войной, ему важнее, чтобы преумножались наши табуны, а не враги.

Менгли-Гирей улыбнулся, мурза Хусаин был единственным из сыновей правителя улуса, с кем солтан успел подружиться. Был мурза немногим моложе Менгли, статен, широкоплеч и красив нездешней красотой. Ничто в его безупречном лице не указывало на мангытскую кровь, а глаза были такой глубокой синевы, какую не встретишь среди раскосых тёмных глаз степняков. Но удаль в Хусаине была настоящая, доставшаяся от воинов-кочевников. Звон сабель будоражил его кровь, близкая битва разжигала желание окунуться в неё с головой.

– Знаю, Хусаин. Верю, что пошёл бы со мной, если бы позволил отец. Тогда дай совет, если нет надежды на родственников покойного мурзабека Мусеки, куда кинуть клич? Я бы отправился к братьям моей второй жены Махдумсолтан, мурзам из рода Мансур, но их земли слишком далеко. А ваши степные воины превратились в мирных торговцев, пасут скот, считают барыши, а сабли их ржавеют в юртах!

– Не горячись, Менгли! Если мой отец разочаровал тебя, в том не его вина, он осторожен, как все старики. И сыновей покойного мурзабека Мусеки не вини, им хватает свары меж собой. А настоящих батыров и горячих головой в Степи хватает, завтра укажу тебе их. А сейчас, если насытился, пойдём прогуляемся.

Они выбрались из юрты, и Менгли-Гирей полной грудью вдохнул свежий, дразнящий воздух весенней степи. Вечер уже опустился на стойбище, и женщины в простых домотканых одеждах доили кобылиц. Крымский солтан с интересом наблюдал за их нехитрыми монотонными движениями. Менгли рос совсем в другой обстановке, там быт простых людей был скрыт от его глаз. А здесь, наблюдая, как тугие белые струйки ударяются о стенки сосуда, он вдруг почувствовал, как постепенно успокаивается, и мысли приходят в порядок. Поистине, прав был поэт, принёсший в мир слова:

Кто заботами подавлен,
Тем скажи: «Не вечно горе!
Как кончается веселье,
Так проходят и заботы⁹».

То, что он потерпел неудачу у беклярибека Тимера, не должно было заставить его опустить руки. Беклярибек – не единственный могущественный владетель степного улуса. Знатный мангыт просто оказался первым на пути у Менгли, и это не повод для расслабления. Завтра же он поблагодарит Тимера за гостеприимство и отправится дальше.

Менгли-Гирей и не заметил, как они с Хусаином оказались на окраине стойбища. Остановились, решая, взять ли коней, чтобы промчаться по степи с ветерком, или отправиться к реке, ведя неспешную беседу. Не сразу услышали тихое девичье пересмеивание, словно кто-то невидимый перекатывал стеклянные бусинки. Менгли обернулся и замер. Перед ним стояли две девушки, но будь ими полна вся степь, в тот миг он увидел только одну. Ту, кто ослепляя сия-

⁹ «Тысяча и одна ночь».

нием и нежностью тонкого лица, внезапно перестав смеяться, не отрывала от него тёмно-синий взгляд сапфировых глаз. Сердце солтана забилося, словно пойманная в клетке птица, и звенящая тишина воцарилась вокруг. «О Всевышний, откуда в этой степи, в этом насквозь пропахшем дымом и пыльным зноем стойбище явилась пери, достойная быть царицей среди красавиц?! Не могла простая женщина произвести на свет столь прекрасное совершенство. Должно быть, сам Всемогущий Аллах послал на землю лунный луч, а он превратился в девушку, явившуюся передо мной!»

Как сквозь сон услышал он слова Хусаина:

– А это, Менгли, мои сёстры. Смешливая, которая никак не может остановиться, Шахназ, её имя означает «много нежности и ласки». И не будь мы сводными братом и сестрой, клянусь, испробовал бы на себе, так ли уж верно её имя! А вот и любимица, Нурсолтан. Она моя единоутробная сестрёнка, и я люблю её больше всех на свете. Мужчины просто сходят с ума, едва увидев её. Да и наш отец, ты уж не обижайся, Шахназ, любит Нурсолтан больше других дочерей!

– Мне ли это не знать! – Шахназ надула губки, чем сразу заслужила порцию утешений от синеглазого красавца Хусаина.

Они пересмеивались, вспоминали ногайских мурз, ставших жертвами их прекрасной сестры, и не замечали, что главная героиня их рассказов, бессердечная Нурсолтан, не ответившая ни на одно горячее признание в любви, сейчас краснела и трепетала под взглядом крымского солтана.

– Нурсолтан! Нурсолтан, да что с тобой? – Шахназ дёрнула сестру за тонкий жёлтого шёлка рукав кулмэка¹⁰.

И девушка очнулась, взглянула на Шахназ, затем на Хусаина, на смутившегося Менгли. Её взгляд ещё на мгновение задержался на солтане, как вдруг, спрятав лицо в ладонях, дочь Тимера бросилась бежать.

¹⁰ *Кулмэк* – вид рубахи, обычно длинной, просторной, с широкими рукавами, принадлежность как женской, так и мужской одежды.

Глава 3

Шахназ вздохнула и откинулась на мягкие шкуры. Нурсолтан, с которой всегда можно было поговорить о чём угодно, сегодня молчала, словно воды в рот набрала. И зачем только Шахназ осталась ночевать в юрте Нурсолтан? Похоже, с тех пор, как сын крымского хана покинул их, её подруга потеряла интерес к девичьим посиделкам. Подумать только, и что Нурсолтан нашла в этом Менгли-Гирее? Шахназ он вовсе не заинтересовал. Менгли всего-то шестой сын хана, а это значит, не быть ему повелителем Крымской Орды. К тому же у Хусаина она вызнала, что солтан уже дважды женат, а кого прельстит быть третьей женой? А вот у Хусаина она согласна быть хоть четвёртой! Шахназ опять вздохнула и произнесла:

– Почему Аллах так несправедлив, надо же было создать такого красивого мужчину и сделать его моим братом.

Нурсолтан прикрыла утомлённые глаза. Она не спала уже вторую ночь, с того самого дня, как узнала от Хусаина, что Менгли-Гирей уехал. Спасительный сон никак не шёл к ней, а она так нуждалась в нём, чтобы хотя бы немного забыть про боль, которая терзала её сердце. Жалобы Шахназ были так привычны, но не ответить на них было неучтиво. К тому же начатый сестрой разговор мог отвлечь от тягостных мыслей.

– Ты как всегда страдаешь о Хусаине? Очнись, сестра, детство закончилось, эти твои игры в любовь с братом смешны.

– Не вижу в этом ничего смешного!

Шахназ обиделась и надула губы, но долго молчать она не могла:

– У нас разные матери, мы с ним совсем не похожи! И почему Всевышнему вздумалось запрещать браки между такими, как мы?

– Шахназ, родная! – Нурсолтан присела рядом, обняла сестру. – На свете так много мужчин. Почему тебе вздумалось влюбиться в собственного брата? Уверена, это просто детские капризы. И Хусаин виноват, вечно дразнит тебя, я обязательно поговорю с ним.

– О нет! – вскричала Шахназ. – Если поговоришь об этом с Хусаином, он станет избегать меня, а я этого не переживу!

Девушка даже топнула ногой, крепко стиснула кулачки. «Совсем как в детстве», – подумала Нурсолтан и улыбнулась. Когда Шахназ не удавалось заполучить то, что она хотела, она топала ногами, грозно сверкала глазами и готова была убить всех нянек.

– Хорошо, Шахназ, ничего не скажу Хусаину, но и ты пообещай, что будешь вести себя благоразумно.

– Как скажешь, – недовольно буркнула Шахназ. – Обещаю быть благоразумной, только это не по мне.

– Да услышит тебя Аллах! – улыбнулась Нурсолтан.

Помирившись, они устроились на широком ложе, укрылись верблюжьим покрывалом. Сёстры были рождены от разных матерей, и им обоим должно было исполниться по пятнадцать лет. Это был возраст, когда их сверстницы уже качали зыбки с собственными детьми¹¹. Девушки из знатных родов редко выходили замуж по любви, их уделом была политическая сделка. Беки искали выгодного союза с соседями или дальними сородичами, оплачивали временное спокойствие на границах собственными дочерьми.

И такая судьба ждала Шахназ. Пока своевольная дочь Тимера мечтала о несбыточном, отец решил её участь. Казанский хан Махмуд просил у беклярибека одну из дочерей в жёны для своего второго сына солтана Ибрагима. Переписка по этому поводу продолжалась несколько

¹¹ По шариату девочек можно было выдавать замуж с 11 лет.

месяцев, и к лету повелитель мангытов решил отправить в далёкую Казань бичу¹² Шахназ. Из ханства уже выехали тойчи¹³ во главе с беком Шептяком. Ему, главному казанскому послу, хан Махмуд поручил ещё одну важную миссию – найти жену наследнику, солтану Халилю. Могущественный повелитель не доверял этого дела обычному ритуалу сватовства. Разве разглядишь нрав невесты за хитросплетениями переписки, разве поймёшь, глупа она или умна, добросердечна или злоязычна? Бичу Шептяку были даны на этот счёт строгие напутствия, и опытный дипломат всю дорогу размышлял, как ему выполнить поручение господина.

Казанское посольство прибыло в улус Тимера в тот день, когда крымский солтан Менгли-Гирей пересёк границу Мангытского юрта и направился в Кырк-Ёр. Там его ожидал с вестями отец. Менгли удалось склонить на свою сторону двух мурз, которые обещали выставить по тысячи всадников. Он не стал больше тратить времени, зная, с каким нетерпением ожидает его отец. Даже эти две тысячи казались Менгли большой удачей после краха самонадеянности, какой он испытал на последнем пиру у повелителя мангытов.

Как только мысли коснулись злополучного дня, солтан тут же погрузился в мечтания, далёкие от битв и сражений. Вновь и вновь возникал перед ним нежный образ Нурсолтан. Никогда ещё он не был влюблён. Менгли считал, что женщины входят в его жизнь для утоления мужской страсти и продолжения рода. Но эта девочка, возникшая перед ним в весенней Ногайской степи, вырвала сердце Менгли и оставила себе как изысканное украшение.

Хотелось сразу просить отца заслать сватов к беклярибеку Тимеру, но он понимал, как некстати была эта просьба. Им предстояла тяжёлая и может даже смертельная битва. Хан Хаджи любил говорить: «Пока не будут уничтожены потомки Кичи-Мухаммада, династия Гиреев не сможет чувствовать себя в полной безопасности в Крымском улусе». И Менгли знал, как важна для отца предстоящая битва. В своё время, чтобы обезопасить завоёванный юрт от хана Кичи-Мухаммада, Хаджи-Гирей обратился к турецкому султану. Султан его поддержал, но Крымское ханство надолго попало в вассальную зависимость от Османской империи¹⁴.

И во многом на этот отчаянный шаг хана Хаджи толкнули генуэзцы. Выходцы из Генуи в большинстве своём проживали в Кафе¹⁵, и пользовались там огромными привилегиями. Город Кафа был не просто хорошо укреплённой крепостью, но и богатейшим центром работоторговли. Доходы он приносил баснословные. Кафейцы не желали делить свою власть с новым крымским повелителем, поэтому они объявили о своей приверженности хану Кичи-Мухаммаду. А подчинить себе непокорных генуэзцев Хаджи-Гирей мог только с помощью турецкого султана, который владел сильным флотом и войском. Тогда и был подписан договор, согласно которому крымский повелитель становился вассалом османов. Ханство, едва успев образоваться, потеряло свою независимость, но получило взамен могущественного суверена и надежду на то, что потомки Гиреев будут владеть крымским тронem всегда. Давний враг Кичи-Мухаммад умер спустя четыре года после заключения этого договора, но остались живы его сыновья. И первый из них, хан Махмуд, собрался в большой поход. В планы правителя Орды входил набег на русские земли и крымские владения. Хаджи-Гирею достаточно было одного упоминания о том, что заклятый враг собирает большое войско, чтобы в тот же час отдать приказ своим огланам.

¹² Бича – княжна, княгиня.

¹³ Тойчи – свадебщики, организаторы свадебных церемоний и тоя (праздника, пира).

¹⁴ Договор этот был заключён ханом Хаджи-Гиреем с турецким адмиралом Демир-Кяхья в районе Керчи в 1454 году.

¹⁵ Кафа – Феодосия.

Глава 4

Шахназ проплакала весь день. В бессильной ярости она металась по своей юрте и грозила сбежать в степь, а то и вовсе покончить с собой. Нурсолтан не находила нужных слов для утешения сестры. Как она понимала её! Шахназ вскоре должна была навсегда покинуть не только улус своего отца, но и сами степи, где она родилась и выросла. Северная страна¹⁶ забирала очередную жертву из вольного юрта. Ещё одна «кыр карысы»¹⁷ должна была войти в клан казанского правителя. А будет ли она счастлива там, это не волновало ни одного мужчину, ни здесь в улусе мурзабека Тимера, ни в далёкой Казани.

О, горькая доля юных бике, взращённых в неге и любви для того, чтобы однажды шагнуть в неизведанную даль своей судьбы! Шагнуть наощупь, замурив глаза, и не ведать, какой подарок или удар судьба уготовила им за крутым поворотом жизни.

Нурсолтан задумалась, невольно сдвинула чёрные изогнутые брови. Сегодня пришла очередь Шахназ, а они одногодки, значит, и её черёд совсем близок. Она с внезапным облегчением подумала: «Как хорошо, что в Казань забирают Шахназ, а не меня! А за мной скоро приедет солтан Менгли. Только рядом с ним я испытаю полнейшее счастье. О Менгли, я – узница твоей любви! Но если бы ты знал, как пленительна и прекрасна твоя темница!» При одном только воспоминании о любимом сердце сладко затрепетало. Щёки девушки порозовели, и нежные губы невольно раскрылись, выпуская тайное имя на свободу:

– Менгли! О Менгли, где ты?

– Нурсолтан!!! – Шахназ налетела на сестру, словно коршун: – Как ты можешь думать о своём Менгли, когда у меня такое горе? Да ты самая бессердечная, самая никчёмная сестра на свете! Другая на твоём месте давно бы уже помогла мне сбежать с Хусаином! С ним я готова жить в драной кибитке, на краю степи, отверженная всеми. С ним я была бы счастлива где угодно. А теперь? Теперь меня продали Ибрагиму, которого я в глаза не видела. О Аллах! Почему ты так жесток ко мне? Почему это горе постигло меня?

И Шахназ упала на постель, устеленную одеялом из белой верблюжьей шерсти, и зарыдала.

Нурсолтан соскочила со своего места. Она застыла, стиснув руки на груди. Неподдельное горе сестры вызвало в душе такие сильные угрызения совести, что в первую минуту бика не могла найти слов утешения, в которых так нуждалась сейчас рыдавшая девушка.

– Шахназ, сестрёнка, прости меня, я так виновата перед тобой.

Нурсолтан опустила на колени перед сестрой, рука робко легла на вздрагивающее плечо:

– Мне очень стыдно за мои мысли. Но если ты на самом деле любишь Хусаина, то поймёшь меня. Я не могу не думать о Менгли. Днём он в мыслях и мечтах, а ночью – им полны мои сны! Но посмотри на меня, Шахназ. Скажи, что ты уже не сердись, или твои слёзы будут мучить меня до конца жизни!

– Всё, что ты говоришь, похоже на бред больного, – пробурчала Шахназ. Она оторвала своё ещё мокрое от слёз лицо от одеяла. Длинные ворсинки светлого меха пристали к мокрым щекам девушки, и Нурсолтан едва сдержала смех.

Шахназ устроилась поудобней и с важным видом продолжила:

– Мне пришлось вылить полный кумган слёз, прежде чем я услышала от тебя признание в любви к крымцу. Я понимаю свои чувства к Хусаину, его я знаю с детства и люблю давно.

¹⁶ Северная страна – так обычно называли в мусульманских странах Казанское ханство.

¹⁷ *Кыр карысы* (мангыт.) – дочь степей.

А ты? Что за глупая и непонятная любовь сразила мою неприступную сестрёнку? Ты видела его всего один раз, одно мгновение!

Нурсолтан опустила голову. Стыдливый румянец оживил нежный овал её лица.

– Нет, – еле слышно прошептала она, – не один раз...

Шахназ охнула и вопросительно заглянула в глаза сестры:

– И ты скрыла это от меня? О, да тебя убить за это мало! Как ты могла не рассказать мне? Но где, где это могло произойти? Ведь мы почти всегда вместе. Не молчи, Нурсолтан, или я снова рассержусь на тебя! Заклинаю тебя Всевышним, говори же!

– Не сердись, Шахназ, я хотела тебе рассказать, но не успела. На следующее утро после нашей встречи он уехал. А я и не думала, что разлука причинит мне такую боль. Я боялась даже говорить об этом. Боялась, что боль станет ещё сильнее. И потом, мне было так стыдно.

– Сестрёнка, – Шахназ с удивлением смотрела на Нурсолтан. Всегда спокойная и уравновешенная, сейчас она казалась ей неузнаваемой с этой бурей страсти и муки на юном лице, с этой светящейся любовью в залитых слезами сапфировых глазах. – Сестрёнка! Да ты и в самом деле любишь его!

– Люблю, – просто ответила Нурсолтан. – И если бы за мной приехало это свадебное посольство из Казани, я бы, наверно, умерла.

Шахназ бросилась к плотно задвинутому пологу юрты, выглянула из-за него, не подслушивает ли кто. Вернулась на цыпочках, глаза её заговорщицки горели, как два чёрных уголька:

– А он обещал вернуться за тобой?

– Да.

Глаза Нурсолтан подёрнулись дымкой воспоминаний. И Шахназ, видя, что сестра сейчас слишком далёко от неё, со вздохом отошла в сторону. Она уселась на пёстром ковре и принялась разглядывать драгоценности, присланные в подарок казанским солтаном Ибрагимом, её будущим мужем. Лишь изредка взгляд девушки отрывался от усыпанных камнями золотых и серебряных украшений и задумчиво скользил по Нурсолтан.

А по губам девушки бродила лёгкая, едва заметная улыбка, и юная бика была так далёко от юрты своей сестры Шахназ, в том солнечном весеннем дне, на берегу Яика, когда она встретила солтана Менгли...

Менгли-Гирей с вечера отдал распоряжение Эсфан-оглану готовить людей к поездке в соседний улус. Путь этот указал солтану мурза Хусаин.

– Мой друг мурза Саучура не из тех, кто засиживается в стойбище. Для него звон сабель и шум битвы лучший из звуков. Он – настоящий степной батыр! И воины у него – лихие джигиты. Мурза Саучура не откажет тебе в помощи. А к кому ещё направить своего коня, сам Саучура тебе и укажет, – говорил Хусаин.

Менгли-Гирей слушал, согласно кивал головой и мысленно благодарил Всевышнего за то, что тот не оставил своими милостями и дал ему такого друга и советчика, как Хусаин. Идея проехаться по кочевавшим по соседству небольшим улусам, бросив клич молодым и горячим мурзам, подобным мурзе Саучуре, была более чем удачной.

– А на рассвете отправимся на берег Яика, – добавил Хусаин. – Не отпущу тебя, пока не позабудемся рыбной ловлей.

Менгли-Гирей ещё не приходилось ловить рыбу в реках, а мурза уверял, что эта утеха не менее увлекательна, чем охота. К Яику отправились на рассвете. Солтан с интересом наблюдал, как слуги зашли в воду и раскинули плетёные из конского волоса сети. Из такого же крепкого конского волоса были сплетены тонкие верёвки с укрепленными на концах железными крючками. Снасти погрузили в воду, укрепили концы за крепкие ветви густого кустарника, которым заросли берега Яика. Клёв начался почти одновременно на всех приготовленных ловушках. Молодые мурзы со смехом накидывались на туго натянутые верёвки, ловко перебирали руками, тянули ускользающую добычу. Иные рыбины были в человеческий рост и биться с

ними приходилось всеми силами. Менгли и сам не заметил, как увлёкся вместе со всеми этой забавой, туго натянутая верёвка больно резала ладони, но он, казалось, не замечал этого. На первого вытянутого ими осётра накинута вместе с мурзой Хусаином, глушили изгибающееся на берегу живое бревно попавшимися под руку заострёнными камнями. Когда рыбина перестала рваться к воде, шумно дыша, откатились прочь. Вскоре травянистый покров берега усеяли несколько десятков крупных и средних осетров. Пока слуги занялись разделкой добычи, отправились прогуляться. Вдалеке заметили стайку девушек в ярких нарядах, их окружали грузные строгие няньки. Хусаин махнул рукой Менгли-Гирею:

– Что за удачный день, друг Менгли! Рыбалка была славной, а теперь Всевышний ниспослал нам целый табун красавиц. Айда туда!

И помчался навстречу разноцветной стайке весело завизжавших девушек. Менгли только покрутил головой, неиссякаемая энергия молодого мурзы заражала его своей беззаботностью и весельем, но сейчас ему не нужны были девушки. Чувствуя утомление во всём теле, солтан опустился в густую, уже поднявшуюся до колен, сочную траву. Издалека слышался громкий весёлый голос Хусаина и сопровождающий его озорной смех и пронзительный визг девушек. Менгли улыбнулся расслабленно, прикрылся ладонью от бьющего прямо в глаза солнца. Как хорошо было лежать в мягкой траве, слушать отдаляющиеся от него голоса и смех и близкие, неназойливые звуки жизни, кишашей среди упругих зелёных стеблей. Вот затрещал кузнечик, над ухом прожужжал деловитый жучок, юркая ящерка прошуршала в траве длинным гибким хвостиком. И вдруг шаги, чьи-то лёгкие, осторожные шаги. Солтан живо сел, готовый, как всегда в минуту опасности, ухватиться за рукоять кинжала, и... опешил. Прямо перед ним удивлённая этой неожиданной встречей стояла Нурсолтан. Изящные ступни девушки были босы, а свои разноцветные ичиги она держала в руках. Менгли-Гирей медленно поднялся ей навстречу, степь вокруг них внезапно опустела. Руки девушки теребили мягкую кожу ичиг, нежный румянец разливался по её лицу, оттенял ещё больше эту невозможную синь в её глазах. Не помня себя, он протянул руки и поймал её тонкие пальцы, медленно сплёл их со своими пальцами. Влюблённые не отрывали взгляда друг от друга. В глазах обоих светилось чувство, которое не требовало ни слов, ни объяснений. Он потянул её к себе, и девушка послушно, словно во сне, шагнула в его объятия. Менгли прижимал к себе гибкий девичий стан и не верил, что всё это не видение, не мираж, который должен был рассеяться спустя мгновение. Но девушка, которую он сжимал в своих объятиях, была живой, и он сквозь туман, застилавший его сознание, ощущал, как она горяча, как гулко, испуганной птицей, бьётся в её груди маленькое сердечко.

– Нурсолтан, – еле слышно прошептал он. – Ты похитила мой покой, я не могу не думать о тебе. Я полюбил тебя в тот миг, как увидел...

Она затрепетала от этих слов и вскинула на него сияющие, любящие глаза. Сердце Менгли дрогнуло, пропуская удар. Он почувствовал себя неопытным юнцом, впервые приоткрывшим тайную завесу любви, той любви, о существовании которой он и не догадывался. Он ощущал дрожь возбуждения, которая внезапно охватила его. Коснувшись рукой девичьего лица, Менгли медленно обвёл пальцами гладкий лоб, щёки, на них трепетал непослушный завиток вьющихся волос, и губы, алые лепестки которых раскрылись навстречу его чувственной ласке. Не в силах отказаться от этого немного доверчивого приглашения он приник к девичьим губам, целуя их сначала робко, словно пробуя на вкус, а через минуту уже со страстью, захлестнувшей его с головой. Он не помнил, в какое мгновение она оттолкнула его, вырвалась из безумных мужских объятий и бросилась бежать. Онемевший, он смотрел, как удаляется от него стройная девичья фигурка, но, словно очнулся и крикнул ей вслед:

– Нурсолтан, я приеду за тобой! Я заберу тебя, жди меня, Нурсолтан!!!

Эти слова до сих пор летящей музыкой отзывались в девичьей душе, она не помнила себя от счастья, он любит её, он придет за ней! Её Менгли, имя которого она была готова повторять вечно!

Глава 5

Казанцы загостились в улусе Тимера, и глава посольства – бек Шептяк не спешил отправляться в обратный путь. Причиной тому было письмо от повелителя, нагнавшее бека уже здесь в главном стойбище беклярибека. В письме своём хан Махмуд сообщал, что единственная жена солтана Халиля скончалась, и следовало поспешить с решением вопроса о новой женитьбе наследника. Тон письма казанского правителя был тревожен, и мудрый государственный муж сразу уловил это. Беку Шептяку нетрудно было понять, что творилось сейчас в душе стареющего господина. Он вновь припомнил последний разговор с повелителем, в котором хан раскрыл все свои сомнения перед верным царедворцем:

– Ты знаешь, Шептяк-бек, как я люблю своего мальчика. Он всегда был слаб здоровьем, но характером, умом и осторожностью весь в меня. Только он, солтан Халиль, должен сесть на казанский трон после моей смерти, и ты должен помочь ему в этом.

Хан говорил с ним с глазу на глаз в уютной приёмной, где повелитель встречался со своими особо доверенными и близкими людьми. Он протянул беку прочитанную им только что грамоту, потёр утомлённые глаза:

– До меня доносят тревожные вести с приграничных земель. Моему брату Касиму кажется тесноватым удел, данный в управление князем урусов. И он осмеивается поговаривать, что имеет право на казанский трон. Да и здесь, в столице, среди карачи¹⁸ ходят разговоры о том, что наследником следует провозгласить моего второго сына – солтана Ибрагима. Конечно, Ибрагим силён, деятелен. Он – первый на охоте и первый – в рядах воинов, но, что касается государственной мудрости, в этом он уступает Халилю. А наши беки, мурзы и огланы видят лишь внешний вид. Им и невдомёк, что солтан Халиль – это орешек с хрупкой скорлупой, но сильным крепким ядром, а Ибрагим – крепок внешне, а внутри...

Хан устало махнул рукой, словно длинная речь утомила его самого. Слуга внёс дымящийся кальян для господина, другой поднесли Шептяк-беку. Несколько минут оба, властитель и вельможа, провели в полном молчании, вдыхали пьянящий дым, расслабляющий напряжённое тело и мозг.

– Я хочу, – голос хана звучал слабо, и беку пришлось придвинуться поближе, чтобы не пропустить ни единого слова. – И я приказываю, чтобы ты помог обрести Халилю уверенность в своих силах. Уверенность, которой ему так не хватает! Приступы болезни сделали его робким даже с женщинами. Три года назад я женил его на такой же робкой и несмышлёной девочке, это была моя ошибка. Он привык к жене, не замечает других, а она с годами не поумнела, все разговоры о цветах и нарядах. Разве об этом следует говорить с будущим наследником? Да, и здоровьем оказалась слаба, в прошлом году ребёнка скинула, а в этом снова тяжела, но с постели не встаёт. Лекари опасаются, доживёт ли солтанша до лета. Я приказал лучших целителей созвать, сын Халиля должен родиться, он придаст ему сил и мужества, а ещё уверенности в будущем. Но одна жена и один ребёнок это слишком мало для будущего хана, хочу женить его ещё раз, только вторая жена должна стать надёжной опорой моему сыну. Завтра ты отправишься в улус к беклярибеку мангытов Тимеру. Между нами было уговорено, что одна из его дочерей станет женой моего сына Ибрагима. Солтану Ибрагиму давно пора привести в гарем вторую жену, его ногайка Фатима любит власть, и интриги плетёт неустанно. Но мангытка ей не уступит! Дочь Тимера, которую ты привезёшь для Ибрагима, не захочет сдавать своих позиций. В борьбе за внимание мужа Фатиме придётся забыть об интригах. Не торопись уезжать от Тимера, приглядишься, может, в его улусе найдёшь достойную жену для солтана Халиля...

¹⁸ *Карачи* – так назывались в Казанском ханстве князья четырёх золотоордынских родов, входящих в состав ханского дивана (правительства).

Кальян расслаблял, слова и мысли текли вялой струйкой, подобно лёгкому дымку. Заботы уходили прочь.

– Исполню всё, как ты прикажешь, великий хан. Будь Аллах милостив к твоему роду, повелитель, ибо ты достоин благодеяний Всевышнего, – бормотал в ответ бек и кивал расслабленной головой.

Этот разговор сейчас явственно вспомнился Шептяк-беку. Теперь же, в своём письме хан Махмуд торопил вельможу с выполнением поручения, которое он дал послу в Казани. «... Сегодня ночью супруга Халиля покинула нас, так и не родив наследника. Мой сын опечален и разбит. Его посещают сомнения, хватит ли у него сил достойно править в ханстве, когда меня навестит Та, кого зовём мы Разрушительницей наслаждений и Разлучительницей собраний¹⁹. Ему нужна новая жена, и как можно быстрее. Я надеюсь на вашу мудрость, мой дорогой бек!..»

Шептяк-бек задумался, мысленно перебирая строчки письма повелителя. Ясно было одно: хан Махмуд ждал его не с одной, а с двумя невестами сразу. Вопросы, где начать поиски невесты для наследника Халиля, не возникало. В улусе повелителя мангытов была ещё одна девушка по своему положению и по возрасту подходящая в жёны будущему казанскому хану. Но он не мог забыть слов, сказанных повелителем в их доверительной беседе: «... вторая жена наследника должна стать надёжной опорой ему». «Надёжная опора!», значит, выбор падёт на ту, что окажется умной, заботливой и красивой. Только с такой Халиль не просто забудет покойную жену, а сможет полностью довериться новой супруге. Он всем сердцем полюбит её и, наконец, почувствует в себе силы управлять государством, которое, как опасался бек, очень скоро тяжёлой ношей ляжет на него. Халилю необходимо крепкое надёжное плечо рядом. Конечно, он, Шептяк-бек не оставит его советами и своим опытом, но для такого человека, как Халиль, семья значит гораздо больше, чем мудрый советник.

– Жена, – прошептал Шептяк-бек. – Ему нужна достойная супруга, и как можно скорей. Если я посчитаю, что вторая дочь беклярибека Тимера недостойна стать будущей казанской ханум, я должен буду поехать к мурзабеку Вакасу, или Тенсубею. Я объеду всю Ногайскую степь, но к осени вернусь с новой женой для Халиля. Я исполню поручение, возложенное на меня повелителем, во славу Аллаха, Господа миров!

А уже в середине лета беклярибек Тимер с пышной торжественностью провожал в Казанское ханство обеих своих дочерей. Шахназ предстояло стать второй женой солтана Ибрагима, а любимицу всего улуса Нурсолтан ожидала честь быть женой наследника – солтана Халиля.

Едва улеглась пыль, поднятая колёсами арб и кибиток,²⁰ нагруженных невольниками, слугами, приданым и добром, столь необходимым в дальней дороге, как в стойбище каждый занялся своим делом, забыв об обеих биках.

Шептяк-бек спешил. Из волов и коней, которые тянули поклажу, выжимали все силы, привалы были коротки. Казанский вельможа желал как можно скорей доставить своему господину драгоценную добычу. Его особой гордостью была Нурсолтан. Нурсолтан! То, что он нашёл такую невесту для солтана Халиля, было большой удачей. Мангыт Тимер не жалел для дочери учителей, и Нурсолтан изучила каллиграфию и грамматику, языки и толкование Корана, врачевание и времяисчисление, и игру на увеселяющих инструментах. К тому же девушка оказалась редкостной красоты. Он и сам, презрев свой почтенный возраст, не мог отвести от неё взгляда в те минуты, когда на стоянках Нурсолтан вместе с сестрой выбиралась из душной, обтянутой кожей кибитки. Одно беспокоило бека: слишком уж бледна была невеста, слишком молчалива, не больна ли она каким тайным недугом. Но няньки бики, которых он расспросил со всей строгостью, уверяли, что Нурсолтан всегда отличалась крепким здо-

¹⁹ Так в эпистолярном жанре восточного средневековья называли смерть.

²⁰ *Кибитка* – здесь, возок, обширный экипаж, обычно крытый кожей.

ровьем. А печаль девушки объяснима, какая невеста не грустит, когда её увозят из родного дома в незнакомые ей, далёкие земли, к мужчине, которого она никогда не видела. Эти страхи неизбежны, и любая девушка на месте Нурсолтан боялась бы неизвестности. Только девушки по-разному ведут себя в подобном положении, стоит только посмотреть на своевольную Шахназ. Бек довольно улыбнулся, наблюдая, как будущая супруга солтана Ибрагима с сердитым и капризным выражением на лице отказывается в очередной раз забираться в надоевшую ей кибитку.

– Вы должны привести мне коня! – громко и резко звучал её требовательный голос. – Не полезу в этот сундук на колёсах. Я – мангытка, я родилась на коне, и признаю только два способа передвижения – на своих ногах или на четырёх копытах моего скакуна. Передайте вашему господину, если мне не приведут коня сейчас же, не сойду с этого места!

Шептяк-бек всё ещё смеялся над словами своевольной бики, когда испуганный слуга подбежал к нему передать угрозу солтанской невесты.

– Я всё слышал, – остановил он заикавшегося слугу, – не стоит расстраивать нашу маленькую бику. Приведите ей скакуна, но, – он поманил пальцем казака из личной охраны, – присматривайте за ней. Будьте всегда поблизости!

Он понаблюдал, с какой гордостью и чувством удовлетворённого самолюбия дочь Тимера взлетела на подведённого для неё красавца-скакуна и самодовольно потёр рыжеватую, подкрашенную хной, бородку:

– Этой девушкой мой господин тоже останется доволен. Она – достойная соперница властолюбивой Фатиме-Шах-солтан!

Глава 6

В этот летний день природа разразилась нудным бесконечным дождём. Казанцы, высыпавшие на улицы столицы, чтобы встретить солтанских невест, вымокли до нитки. Не менее жалкое зрелище представляли собой и казанские вельможи. Их роскошные одежды потемнели под струями дождя, а пышные перья на чалмах и тюрбанах потеряли свои воздушные очертания. Хан Махмуд в эту отвратительную погоду ждал невест сыновей, но его постигло разочарование. Девушка, предназначенная в жёны наследнику, в дороге тяжело заболела, и слуги вынесли её из кибитки на руках.

Переодевшись во всё сухое, раздражённый хан ожидал у себя Шептяк-бека с докладом и объяснениями. И Шептяк-бек не заставил себя ждать. Хан Махмуд грозно взглянул на советника и вынужден был признать, тот не выглядел виноватым, держался с достоинством, словно выполнил данное ему поручение блестяще. Хан движением руки прервал приветственную речь.

– Я ждал вас, бек, надеялся на вас. Ваше последнее письмо вселило в моё сердце радость – вы написали, что везёте в жёны для наследника именно такую девушку, какую я хотел видеть рядом с ним. И что же я вижу? Не прошло и полгода, как солтан Халиль потерял жену, теперь вы привозите ему девушку, над которой уже нависло дыхание смерти. Вы словно желаете, чтобы солтан почувствовал себя самым несчастным человеком на земле. Вы на корню губите все усилия, какие я прилагаю к тому, чтобы мой наследник окреп духом. Что можете сказать в своё оправдание, прежде чем я назначу наказание?

– О властитель, дающий нам благоденствие. – Шептяк-бек с достоинством склонился перед своим повелителем. – Если вы считаете, что я не справился с поручением, то приму любое наказание из ваших рук. Но молю вас, не торопитесь скидывать со счетов девушку, которую я привёз для солтана Халиля! Вы должны встретиться с ней, должны поговорить, она может стать лучшей женой нашего наследника, она создана для него! Виню себя лишь в том, что Нурсолтан заболела в дороге. Когда мы выехали из стойбища, она показалась мне бледной и слабой. Но няньки успокоили меня, уверили, что госпожа всегда отличалась завидным здоровьем, а её печаль связана с отъездом из родного улуса.

Хан Махмуд слушал бека и в задумчивости крутил в руках маленькую шкатулку из сандалового дерева. В ней лежали бесценные розовые жемчужины из сокровищницы хана Тохтамыша. Жемчужинами этими некогда владел его отец – великий хан Улу-Мухаммад. Теперь, в свою очередь, хан Махмуд приготовил их в дар невесте своего наследника.

– Значит, вы уверены, что девушка не покинет этот мир раньше положенного времени и сможет родить моему сыну крепких детей?

– Да, мой господин, – твёрдо отвечал Шептяк-бек. – Я не вижу причин сомневаться в этом.

– Хорошо, я подожду, когда бике станет лучше и навещу её. Но говорить с вами стану только тогда, когда невеста моего сына поправится. До той поры не попадайтесь мне на глаза. Иногда я бываю несправедлив в своём гневе, а потому советую вам отдохнуть вдали от Казани...

Прошло три дня, а Нурсолтан не становилось лучше. Исхудавшая, безразличная ко всему, она лежала в отведённых для неё дворцовых покоях, и ничто, казалось, не могло заставить её бороться за свою жизнь. День клонился к закату, когда больную навестила Шахназ. Сестра Нурсолтан готовилась к брачной церемонии и была полна впечатлений. При виде задорного личика девушки, её живых раскосых глаз, лицо Нурсолтан осветила слабая улыбка.

– Шахназ, дорогая моя, ты единственный человек, кого мне ещё хочется видеть на этом свете.

– Вот ещё! – фыркнула Шахназ. – Думаешь, я поверила тебе?

Оглянувшись на служанок, которые были увлечены приготовлением травяного отвара, Шахназ склонилась ближе, к лицу сестры.

– Мне ли не знать, кого ты хочешь увидеть сейчас больше всего на свете. Если сейчас один джигит, известный нам двоим, явился бы вдруг, ты заговорила бы стихами.

Девушка шаловливо вскинула голову и, заломив руки, громко продекламировала:

Погодите, вы мне на прощанье
даруйте хоть взгляд!
Им утешится сердце, в разлуке вкусившее яд.
Но когда вам для этого надо немного усилий,
Не насилуйте душу,
уж лучше погибну стократ²¹.

– О Шахназ! – Слёзы потекли из кажущихся огромными на похудевшем личике синих глаз Нурсолтан. – Не мучь меня.

– Не мучить тебя? Ну уж нет, не дождёшься! Ты, видно, и в самом деле вздумала умереть из-за своего Менгли. О Аллах, да я лучше отгрызу себе палец, чем буду так страдать из-за мужчины, пусть они страдают из-за меня!

– Шахназ, но я ничего не могу с собой поделать, я... я не могу жить без него, сестрёнка. Хорошо, что тебя пустили ко мне, теперь есть кому передать последнюю просьбу.

– Последнюю просьбу?! – Шахназ так хлопнула себя по бёдрам, что все служанки удивлённо обернулись. – Аллах пусть отвратит худшее! Неужели ты думаешь, что я позволю тебе умереть?! Да я переверну весь этот город, а если понадобится, весь мир, но не позволю тебе покинуть меня!

Она обернулась, строго взглянув на раскрывших рот невольниц:

– Чего уставились, глупые коровы, занимайтесь своим делом, или я вас отправлю на выпас!

И, повернувшись к Нурсолтан, добавила:

– А теперь говори свою просьбу, дай мне сполна насладиться человеческой глупостью.

– Но это не глупость, Шахназ. – Нурсолтан вытянула из-под покрывала тонкую руку, дрожащая холодная ладонь её легла на руку сестры. – Умоляю тебя, принеси бумагу и калям²². Напишу письмо, а когда меня не станет, ты отправишь его в Крым...

– Письмо в Крым... так вот в чём всё дело.

Задумчивый мужской голос, произнёсший эти слова, заставил вздрогнуть Нурсолтан и подскочить со своего места Шахназ. Перед девушками стоял хан Махмуд.

Нурсолтан, в отличие от Шахназ, впервые видела в лицо казанского господина, по повелению которого она оказалась здесь. И если в тайниках своей души она и досадовала на этого человека, сломавшего её жизнь своим решением женить наследника на ней, то сейчас, увидев его перед собой, почувствовала внезапное спокойствие. Хан Махмуд был гораздо старше её отца, благородная седина сплошь покрывала его бородку, и как он не пытался прямо держать спину, от глаз Нурсолтан не ускользнуло: человек, стоявший перед ней, устал от жизни и борьбы за неё. О том говорили и скорбные морщины на лбу, и печально опущенные плечи, и утомлённые глаза. Но в этих глазах, кроме утомления и усталости, она разглядела простое человеческое сочувствие. Не глядя на оторопевшую Шахназ, ожидавшую грозную бурю, хан подал знак рукой:

²¹ «Тысяча и одна ночь».

²² *Калям* (калам) – палочка для написания. Обычно делалась из тростника или пера птицы.

– Оставьте нас наедине.

В тот же миг служанки и Шахназ исчезли. А хан опустился в канапе²³, придвинутое к ложу больной. Несколько минут он молча разглядывал лежавшую перед ним девушку.

– Вот ты какая, дочь Тимера, – в задумчивости, словно разговаривая сам с собой, произнёс хан. – Хотя сейчас я застал тебя не в лучшее время, но должен признать, и за свою долгую жизнь я не встречал девушки красивей. А теперь ты пожелала попрощаться с жизнью и написать письмо в Крым. О самонадеянная юность, как ты прекрасна и смешна!

– Но мой госпо... – начала Нурсолтан и осеклась под взглядом мудрых, всё понимающих глаз хана.

– Ничего не говори, доченька, всей правды ты не скажешь, а лжи мне не нужно. А если и скажешь, зачем мне твоя правда? Ты решила умереть, чтобы не нести дальше груз, что дал тебе Всевышний. Как же это просто покончить со всеми бедами одним махом, это очень легко, юная моя! Гораздо сложнее выжить, подняться навстречу жизни, как бы больно она не была. Наш небесный повелитель указал тебе твой путь, он привёл тебя сюда, на берега могучего Итиля²⁴, потому что он, наш мудрый Учитель, видит гораздо дальше, чем мы – его ничтожные рабы. Каждый из нас пришёл в этот мир, чтобы принести в него своё семя, чтобы жить до того момента, пока нам позволяет Всевышний. Дитя моё, тебе сейчас больно и тоскливо, ты стремишься в сады Аллаха, потому что там хочешь найти успокоение для своей души, но ты совершаешь ошибку, не будет там покоя. Всевышний направил тебя сюда, чтобы ты помогла человеку, который нуждается в тебе. Нелегко будет это сделать, но в этой борьбе острота твоей боли покинет тебя. Подумай о моих словах, девочка, разберись в своих страхах и бедах. Так ли они огромны, чтобы боясь их, ты бежала из этого мира?

Нурсолтан молчала, с удивлением взирая на казанского хана. Она знала его всего несколько минут, но ни с одним человеком рядом не ощущала такого твёрдого надёжного спокойствия, воцарившегося вдруг в душе.

– Этот человек, о котором вы говорили, тот, которому я нужна. Кто он?

– Это – мой сын Халиль. Это, Нурсолтан, твой будущий муж.

Хан коснулся старческой узловатой ладонью лица юной бики, словно останавливая её протестующий жест.

– Не спеши, не спеши отринуть его, дитя. Ты должна увидеть Халиля, должна познакомиться с ним, и тогда поймёшь всё, о чём я говорил. Ты достаточно умна, я чувствую это, а иначе и не говорил бы с тобой. Как только ты почувствуешь в себе силы принять моего сына, дай мне знать, и я всё устрою.

Повелитель поднялся, тяжело опираясь на резные подлокотники.

– Только не затягивай со своим решением, дочка. Я боюсь, что у меня слишком мало времени, силы оставляют меня. Боюсь, что уйду в мир иной, так и не докончив своих земных дел. Близок день, когда я скажу: «Удел распределён, и срок установлен, и всякое дыхание должно испить чашу смерти...» Но это слова старика, который видит конец своего пути, а не твои слова. Выздоровливай, дитя моё!

Хан кивнул головой, прощаясь, и вышел.

²³ *Канапе* – кресло, широкое сидение со спинкой.

²⁴ *Итиль* – Волга.

Глава 7

Солтан Менгли-Гирей второй день следовал по степи с небольшим отрядом воинов. Временами ему казалось, что невидимые крылья несут его к улусу беклярибека Тимера, где крымского солтана ждала прекрасная Нурсолтан. Менгли-Гирей чувствовал себя необыкновенно счастливым. Всё в его жизни складывалось удачно. Битва между войском хана Большой Орды Кичи-Мухаммада и воинами крымского хана Хаджи-Гирея, произошедшая в трёх днях пути от мангытского улуса на реке Дон, закончилась полной победой крымцев²⁵. Хан Хаджи-Гирей взял богатую добычу и весь гарем Кичи-Мухаммада. В ставке повелителя, раскинутой на месте битвы, во время шумного пира Менгли-Гирей обратился к отцу с просьбой о женитьбе.

– Ещё одна жена? – хан Хаджи-Гирей снисходительно усмехнулся. – Мой мальчик, не много ли сил ты тратишь на женщин? У тебя уже есть две жены.

– И обе ждут прибавления, – пытаюсь всё свести в шутку, засмеялся солтан. – А мне опять нужна женщина!

– Для этого не обязательно жениться, хочешь, – хан щедрой рукой обвёл сгрудившийся в стороне гарем. – Здесь жёны и наложницы Кичи-Мухаммада, бери себе любую! В этой битве ты показал себя настоящим воином, я доволен тобой, сын, а чтобы воин по-настоящему почувствовал вкус победы, он должен отведать добычи. Верно я говорю?!

Вокруг одобрительно зашумели нойоны и тысячники, предающиеся пиршественному веселью:

– Живи тысячу лет, великий хан!

– Каждое твоё слово – драгоценный камень, а повеления веселят душу, и сабли наши пляшут в ножнах!

– Приказывай, благородный хан, правь нами!

Хаджи-Гирей поднялся с широкого походного трона, обложенного шёлковыми подушками, приблизился к замершим женщинам. Его верные соратники по битвам, предчувствуя развлечение, придвинулись поближе. Крымский хан ухватил за руку и выдернул из толпы женщин гибкую девушку, почти девочку, с расширенными от страха глазами. Юное создание дрожало в своих ярких одеждах, пытаюсь прикрыться расшитым золотыми нитями покрывалом.

– Как зовут? – спросил хан, приподняв заострённый подбородок девушки своими крепкими пальцами, усеянными массивными перстнями.

Губы девушки затряслись, и она едва сумела совладать с собой:

– Зилия, повелитель.

– Ты посещала ложе своего господина, этого сына трусливого шакала?

Она поспешно затрясла головой:

– Нет, повелитель, я прибыла в гарем хана недавно. Я ещё не получала приглашения от господина.

– Вот и бери её! – Хан Хаджи-Гирей толкнул девушку к сыну.

Поманив его пальцем, шепнул на ухо:

– Поверь, сын, они все одинаковы, что дочери ханов, что простые невольницы. Если тебе нужна женщина, для этого не обязательно жениться. Ну, а не нравится, бери любую другую из этих красавиц. Ни одна не откажется согреть ночи такого джигита, как ты!

И крикнул громко, чтобы слышали все:

²⁵ Событие произошло предположительно в августе 1465 года. Сведения об этом отражены в русских летописях и в хронике послов папы Павла II, прибывших ко двору Хаджи-Гирея 10 сентября 1465 года. Во время их приёма было сообщено о победе, произошедшей несколько дней назад.

– О мои отважные воины, закалённые в битвах и сильные своим единением! Я дарую вам женщин побеждённого врага нашего! И желаю, чтобы воины мои превратили животы красавиц в ложе для своего отдыха!

Хмельной смех и гул оживления пронесли над станом. Хаджи-Гирей обернулся к сыну:

– Так ты доволен моим даром, отважный солтан?

– Я благодарен вам, отец, за подарок, но мне нужна не просто женщина... – Менгли невольно смутился, не зная, какие слова подобрать, как объяснить свою любовь. – Я хочу жениться, отец, хочу взять в жёны дочь мангытского беклярибека Тимера – Нурсолтан.

– Вот как! – Отец озадаченно взглянул на него. – Дочь человека, который даже не пожелал помочь нам в нашей славной битве, который не захотел разделить с нами блистательную победу?

– Но он, повелитель, не стал помогать и Кичи-Мухаммаду!

– Как горячо ты его защищаешь! – Хан Хаджи-Гирей с внезапным добродушием рассмеялся. – Значит, тебе понадобилось жениться, и только на дочери беклярибека Тимера? Вот, значит, как!

Менгли-Гирей замер, умоляюще заглядывая в глаза отца. Хан покачал головой:

– Я боялся этого, мой сын. Боялся, что когда-нибудь ты полюбишь женщину. Только любовь к женщине делает воина слабым, но я вижу, здесь уже ничего не поделаешь. И самое верное средство, чтобы потушить этот огонь в твоих глазах, женить тебя на той, что приворожила моего сына. Ворчливая жена под боком, жалующаяся на своих соперниц, убивает любовь в сердце мужчины быстрее, чем неизведанная женщина, которой ты будешь грезить всю жизнь. Можешь хоть завтра отправляться в улус беклярибека! Только захвати подарки пороскошней! Сын крымского владыки, победителя хана Большой Орды, может позволить себе посвататься к любой девушке!

И вот уже до улуса Тимера остаётся день пути. Всего лишь один день, и он увидит Нурсолтан, заглянет в её незабываемые глаза и скажет: «Я пришёл за тобой, Нурсолтан, как и обещал!» От этих мыслей, тёплой волной разлившихся в груди, стало ещё радостней. Менгли-Гирей хлестнул скакуна камчой, оставил далеко позади своих нукеров. Вперёд! Он должен как можно быстрее достигнуть стойбища мурзабека, он хочет увидеть Нурсолтан, ведь каждый час разлуки с ней тянется, как вечность!

Да, только, что это впереди? Менгли-Гирей замедлил бешеный бег скакуна. По иссохшей от летнего солнца степи, поднимая клубы пыли, навстречу ему мчался отряд. Солтан оглянулся, его воины были ещё далёко, а здесь, в степи, где можно встретить как друга, так и врага, лучше оказаться во главе хорошо вооружённых воинов, а не одиноким всадником. Менгли-Гирей остановил коня.

Его нукеры на взмыленных скакунах поравнялись с ним, когда в мчащемся навстречу отряду уже можно было разглядеть отдельных всадников. Самый зоркий из воинов, ездивший с ним в улус беклярибека Тимера в прошлый раз, привстал на стременах и выкрикнул:

– Мой господин, я вижу мурзу Хусаина, с ним люди из его улуса.

Менгли-Гирей и сам уже видел, что впереди отряда едет его друг – мурза Хусаин, брат Нурсолтан. Мурза и солтан спешили и обнялись.

– Привет и благословение молодому господину! Я очень рад видеть вас живым и здоровым, мой друг! – Мурза Хусаин похлопал крымского солтана по плечу. – До нас долетели вести о вашей победе, я и не сомневался в вашем успехе. Разве можно было в этом сомневаться, если на битву вышел мой друг?

– Ты, как всегда, шутишь, Хусаин! Присядем, – улыбаясь, солтан устроился на расстеленной воинами кошме. – Рассказывай, что нового в вашем улусе?

– Что нового? Скоро осень! – Мурза Хусаин обвёл рукой степь, расстилавшуюся до самого горизонта. – Табуны и отары съели почти весь корм, отец послал меня проверить дальние пастбища, скоро начнётся кочёвка.

– Значит, я ещё застаю улус на старом месте.

– Конечно, застанешь, Менгли, если не будешь тут рассиживаться со мной! – Весело рассмеялся Хусаин. – Правда, застанешь в улусе не всех.

– Там не будет тебя, – поддерживая шутливый настрой разговора, засмеялся Менгли-Гирей.

– Меня там, конечно, не будет, и ещё не будет моей смешливой сестрёнки Шахназ и маленькой Нурсолтан.

– Нурсолтан? – Менгли почувствовал, как внезапно, словно жёсткой удавкой, перехватило горло.

С трудом вытолкнул из себя слова:

– Где Нурсолтан? Что с ней?

– Она далеко, мой друг. Сестрёнки уже второй месяц в Казани. Ты знаешь, Нурсолтан стала женой наследника казанского хана. Моя сестра будет казанской ханум, она достойна такой чести!.. Что с тобой, Менгли? Менгли!

Хусаин безмолвно уставился на рванувшего ставший вдруг тесным камзол крымского солтана, на его бледное несчастное лицо. Золотые застёжки с рубинами как простые камешки посыпались на кошму, из-за пазухи выпал бархатный кошель, расшитый жемчужинами. Как безумный, солтан уставился на него. Непослушными пальцами развязал тесьму, высыпал прямо на увядшую траву красивое ожерелье с огранёнными в сканые бляхи сапфирами.

– Это я вёз для неё... подбирал сапфиры к её глазам. – Голос солтана был хриплым и неузнаваемым. – Как же это случилось, друг Хусаин? Как же это случилось?!

Глава 8

Нурсолтан со всеми удобствами устроилась в круглой уютной беседке, которую обнаружила в самом конце аллеи ханского сада. Конец лета наполнил пышным и буйным цветением уголок природы, отгороженный от всего мира. Именно этого сейчас и хотелось юной бике, покинувшей, наконец, своё ложе. Ей хотелось в полном уединении от дворцовой суеты встретиться со своим будущим мужем – солтаном Халилем. Она знала, этого шага от неё долго и терпеливо ожидал старый хан, и ей не хотелось обмануть надежды утасяющего правителя.

Молодой солтан не заставил себя долго ждать, вскоре появился на дорожке сада. С внутренним напряжением вглядывалась Нурсолтан в приближавшегося солтана. Наследник казанского хана был худощав и невысок, отчего казался гораздо моложе своих лет, он скорее напоминал нескладного подростка, чем двадцатипятилетнего мужчину. У молодого солтана были печальные и усталые глаза, напомнившие ей глаза хана-отца. И вёл он себя так робко, что сердце Нурсолтан дрогнуло, она поняла, перед ней всего лишь ребёнок, нуждающийся в защите и материнской любви.

Халиль замедлил шаг и остановился, так и не дойдя до скамьи. И Нурсолтан вдруг смутилась, опомнившись, что она без всякого стеснения разглядывает своего жениха, забыв о правилах этикета.

Она поднялась со скамьи и изящно склонилась перед своим будущим господином:

– Я приветствую вас, мой повелитель.

– Не нужно! – Он поспешно шагнул ей навстречу, взял за плечи, не позволяя склониться в более глубоком поклоне, как того требовал строгий обычай. – Вы ещё очень слабы, у вас может кружиться голова. Я знаю, как бывает нехорошо, когда человек много дней находится в постели.

У Нурсолтан и в самом деле заложило уши и зашумело в голове. Она позволила солтану усадить её на скамью и заботливо запахнуть в шёлковую зелёную шаль. Тонкое покрывало, закрывавшее нижнюю половину лица, показалось бике плотной дерюгой, сквозь которую невозможно дышать, и непроизвольным движением она нетерпеливо откинула его в сторону. Пахнувший в лицо свежий ветерок, отчётливо донёсший до неё благоуханную волну аромата цветущих роз, заставил её в блаженстве откинуть голову на высокую спинку скамьи, прикрыть глаза и жадно вдохнуть живительный воздух.

Очнувшись она не сразу, распахнула глаза, с тревогой вглядываясь в замершего перед ней солтана. Что подумал о ней её будущий супруг? О, как она неосторожна! Жёны хана Махмуда, навещающие её во время болезни, неустанно обучали хорошим манерам: «Девушка не должна открывать своего лица перед мужчиной, даже если он её будущий муж!» Она должна была навсегда забыть о вольных нравах, царящих в степи, где суровая жизнь позволяла относиться к подобным условностям свободно. Нурсолтан поспешно ухватила за край покрывала:

– Простите...

И тут же почувствовала его горячие пальцы на своей руке.

– Нурсолтан.

Она с обречённостью подняла свой взгляд: «О Аллах, всё как всегда! Сейчас он будет говорить ей о том, как она прекрасна, что он сражён ею и не может жить без её красоты, что один взгляд на неё породил тысячу вздохов... Но почему?! Почему её внешность вызывала во всех мужчинах неумную страсть и желание обладать ею во что бы то ни стало?!»

– Нурсолтан, если вам тяжело дышать, то не закрывайтесь. Здесь никого нет, и никто не увидит, что вы нарушили обычай.

Халиль отпустил её руку, и она невольно подчинилась, оставив лицо открытым. Солтан устроился на скамье напротив, но, избегая глядеть в лицо своей невесты, перевёл взор на цветущие розы.

– Как вы могли догадаться, что эта беседка – моё самое любимое место во всём нашем дворце? – И, не дожидаясь её ответа, продолжал, словно ведя неспешную беседу сам с собой: – Мы бывали здесь часто с моей покойной женой. В последние месяцы она совсем ослабла, а ей очень хотелось дожить до лета и увидеть, как зацветает наш любимый розовый куст. Розы зацвели, но мы любимся ими уже без неё. И печаль в моём сердце так сильна.

Нурсолтан еле слышно вздохнула, но даже этот звук, долетевший до солтана, вдруг смутил его:

– Простите, Нурсолтан, я веду себя глупо. Сажу рядом с вами и вспоминаю другую. Простите, но я совсем не умею разговаривать с женщинами. Как глупо!

В досаде на себя солтан решительно поднялся со скамьи, желая немедленно удалиться. Нурсолтан с трудом уговорила его остаться. И они проговорили до обеда, совсем забыв о времени.

С улыбкой выслушивала Нурсолтан поэтические строфы, написанные самим солтаном и посвящённые его жене, отцу, любимому городу. Она видела, как он оживает и загорается под её внимательным взглядом, с какой жадностью вслушивается в ответные речи. Он был словно большой ребёнок, но ребёнок с чистой, тонко чувствовавшей душой. И когда настало время намаза и будущим супругам пришлось расстаться, Нурсолтан испытала чувство лёгкой досады.

– Я в жизни не видела дня благословеннее этого, – прошептала она. – Мы не знаем всего, что начертано Аллахом на покрывале нашей судьбы, когда противимся его мудрым решениям.

Засыпая этой ночью в своей постели, Нурсолтан с изумлением думала: «Сегодня я уже не желаю умереть с такой безудержной силой. И уже не проклиная судьбу, толкнувшую меня в объятия нелюбимого. Моя боль уже не так сильна, и образ Менгли, о котором я молю Всевышнего все эти дни, меркнет в тумане забвения».

Наутро ханские табибы, осмотрев Нурсолтан, нашли, что она вполне здорова, и хан Махмуд назначил день бракосочетания. Шахназ, которая сочеталась браком с солтаном Ибрагимом месяц назад, было позволено навестить невесту наследника. Нурсолтан встрече с сестрой обрадовалась, а Шахназ с порога затараторила о новостях, которых у той накопилось более чем достаточно. Вторая жена солтана Ибрагима выглядела вполне довольной жизнью. По её словам, муж был внимателен и ласков с ней. А сопернице Фатиме-солтан, до того бывшей единственной женой Ибрагима, Шахназ не дала спуску с первых же дней.

Слушая, как сестра расписывает свои победы над старшей женой солтана, Нурсолтан улыбалась. Её Шахназ совсем не изменилась, казалось, никакими переменами нельзя было погасить боевой пыл, горевший в этом черноглазом создании Всевышнего.

– Она считает, что имеет все права на Ибрагима, потому что родила ему сына и ожидает второго ребёнка. Мне ничего не стоит принести моему господину хоть десять сыновей, я очень крепкая и никогда не болела! Кендек-эби²⁶ запретила Фатиме посещать хана в ночные часы, потому что это может повредить ребёнку, и Ибрагим все ночи проводит со мной! – Шахназ довольно хихикнула. – О Нурсолтан, я была бы с ним вполне счастлива, если бы у него были такие же синие глаза, как у Хусаина, и будь он так же красив.

Упоминание о своей детской любви вдруг разом испортило задорное настроение Шахназ. С глубоким вздохом она уселась на скамью, оглядывая ханский сад, по которому они прогуливались с Нурсолтан.

– А ты вспоминаешь о Менгли?

²⁶ *Кендек-эби* – повивальная бабка.

– Шахназ! – Нурсолтан с тревогой огляделась. – Ты ведёшь себя так беспечно. Последний раз, когда мы говорили о нём, наши речи услышал сам хан. Мне не хотелось бы, чтобы ему донесли, что невеста наследника вздыхает о посторонних мужчинах.

– А ты о нём, конечно, не вздыхаешь, – с сарказмом произнесла Шахназ. – Должно быть, ты увлечена своим будущим мужем! Представляю тебя влюблённой в наследника Халиля! Мой муж говорит, что Халилю следовало родиться девочкой, надеть на него платье и драгоценности...

– Прекрати, Шахназ! – рассердилась Нурсолтан. – Какие глупости ты повторяешь? Должно быть, твой супруг просто завидует солтану Халилю, ведь хан выбрал в наследники не его!

– О-о!!! Что я слышу! – Шахназ даже подскочила на скамье. – Да ты, похоже, и в самом деле влюбилась в своего Халиля! Как горячо ты защищаешь его, ещё немного и ты расцарапала бы мне лицо.

– Оставь свои шутки, – Нурсолтан откинулась на спинку скамьи. – Солтан Халиль – достойный человек. Он мне нравится, но я боюсь. – Она замолчала, почувствовав, как внезапно задрожали губы, перед тем как вымолвить имя, которое она запрещала произносить себе уже много дней. – Я боюсь, что Менгли мне не забыть никогда.

Нурсолтан задумалась, не обращая внимания на Шахназ, которая, как всегда, легко перепорхнув на другую тему, принялась увлечённо расписывать подарки, которыми одаривал её Ибрагим. «Да, старый хан был прав, – думала она, – боль почти ушла. Я уже не чувствую её острых шипов. Но как печально, как тоскливо становится на душе, когда возникает передо мной твоё лицо, Менгли. А помнишь ли ты обо мне, вспоминаешь ли тот солнечный день на берегу Яика?» Нурсолтан провела рукой по лицу, словно отгоняя запретные видения, от которых начинало шуметь в голове, и глаза застилал туман. «Я запрещаю себе думать о тебе, Менгли! Оставь меня, уйди из моих снов! Через два дня я стану женой Халиля. Я отдам ему всю себя, потому что половины он не примет, он почувствует любую фальшь и замкнётся в своей раковине, как одинокий отшельник. А я не должна ему позволять этого. Я не подведу хана Махмуда, я не подведу Казанскую Землю, которая ждёт верного шага от меня. Я клянусь перед Аллахом Всевидящим, что буду хорошей женой солтану Халилю и не нарушу своей клятвы, Менгли! Уходи, я прошу, уходи!» Она не почувствовала, как одинокие слёзы одна за другой покатались по её щеке. Нурсолтан так и сидела безмолвно, словно издалека слыша беззаботный щебет Шахназ.

Глава 9

– О всемилостивый Аллах, что же могло случиться?

Нурсолтан с недоумением разглядывала осколки тонкой фарфоровой чаши, которую только что разбила. По рассеянности она поставила её мимо низкого резного столика, и осколки жалобно звякнули под её ногами. Нурсолтан сцепила пальцы на груди, пытаясь унять бешеный стук сердца. Сегодня с утра её одолевало тревожное чувство какой-то страшной неотвратимой беды. Она пыталась заниматься обычными делами, но всё валилось из рук. Когда приступы тревоги одолели её, она послала невольниц узнать о здоровье солтана Халиля и самого хана. Невольницы возвратились с утешительными вестями: и хан, и его наследник были здоровы и целый день в приёмной казанского господина занимались государственными делами.

Только сейчас она вдруг явственно поняла: что-то случилось у Шахназ, она нужна сестре, это она всё утро призывает её к себе. Обе сестры проживали в пределах Казанского Кремля, но виделись редко. Строгий дворцовый этикет предусматривал целый ряд церемоний, прежде чем супруга солтана Ибрагима, проживавшая в доме своего мужа, могла навестить в ханском дворце Нурсолтан, ставшую женой наследника. Нурсолтан была в гостях у Шахназ только один раз, во время празднеств, связанных с её бракосочетанием, тогда солтан Халиль представил её своему младшему брату. А сейчас не могло быть и речи, чтобы она отправилась туда одна, без позволения супруга.

Нурсолтан опустилась в канапе, лихорадочно обдумывая, как ей попасть в дом к Шахназ. Она могла послать письмо со служанкой, но Шахназ была не любительницей писать, а передать на словах с чужим человеком свои тревоги едва ли возможно. Нурсолтан уже не сомневалась в том, что у Шахназ что-то случилось, и даже почувствовала прилив сил, призывающий её к действию. Подобное случалось всегда, когда она чувствовала приближение опасности.

Такое же было совсем недавно, когда у мужа, солтана Халиля, случился приступ болезни, не посещавшей его долгие годы. В ту ночь от сильного чувства тревоги Нурсолтан никак не могла заснуть, и потому не растерялась при виде бьющегося в судорогах супруга. В час испытания, ниспосланного ей Аллахом, она кинулась через весь дворец босой к престарелому табибу. А когда целитель занялся больным, Нурсолтан проделала ещё один путь по холодному ночному дворцу к покоям хана. Она до сих пор помнила сумасшедшее биение сердца и дрожь, охватившую её с головы до ног. Нурсолтан позволила ощутить себя слабой женщиной лишь тогда, когда приступ благополучно завершился, и солтан заснул глубоким, не вызывающим опасения, сном. Хан Махмуд тогда крепкими ладонями ободряюще сжал озябшие плечи молодой женщины и сказал:

– Я знал, что не ошибся в тебе, доченька, и благодарен тебе за это.

Ей хотелось сказать старому хану, что жизнь Халиля так же дорога ей, как и ему, что её не за что благодарить. Но губы тряслись от холода, и она ничего не смогла вымолвить. Тогда хан приказал принести горячего травяного отвара для неё и с заботливостью отца заставил прилечь Нурсолтан на ложе под тёплые стёганные покрывала.

Воспоминания о недавнем происшествии укрепили Нурсолтан в мысли, что ей необходимо попасть к Шахназ. Но как это можно сделать? Открылись резные створки дверей, и вошёл Халиль, лицо молодого солтана сияло:

– Нурсолтан, ты только взгляни! Сегодня мы с отцом чертили план нового медресе. Отец обещал, что я буду лично руководить строительством.

Солтан разложил на столике чертежи и рисунки.

– Да, это очень интересно, – рассеянно ответила Нурсолтан.

В любое другое время она бы с увлечением принялась обсуждать проект нового медресе, но только не сейчас. Не сейчас, когда её сердце снедала тревога!

– Что с тобой, родная?

Она перевела дух. Как всегда, чуткое сердце Халиля уловило её настроение, и она сказала ему о своей тревоге.

– Но почему ты так уверена, что с Шахназ случилось что-то? Наверняка, тебе первой бы сообщили о несчастье, – выслушав её сумбурную, взволнованную речь, произнёс Халиль.

– Поймите, мой господин, может быть, не случилось ничего страшного, обычные женские страхи! Но я должна узнать об этом от самой Шахназ или я просто не смогу заснуть.

– Ну хорошо, Нурсолтан! Чтобы освободить твоё сердце от забот, я пошлю с тобой личную охрану и напишу письмо брату, в котором извещу его о твоём визите.

– О Халиль, благодарю вас!

Она в неосознанном порыве склонилась и быстро поцеловала его руки, приведя солтана в замешательство неожиданной своей лаской. И в тот же миг бросилась к дверям приказать служанкам подать одежды.

На улицах столицы ханства стояла глубокая зима. От крепкого мороза и у лошадей, и у людей струились клубы пара из ноздрей. Главный ханский конюший тихонько ворчал на нерасторопных рабов, собравшихся возле кошёвы, которую закладывали для молодой жены наследника. Нурсолтан появилась на крыльце в окружении служанок и охраны, которую ей дал муж. Устроившись в полутёмных недрах кошёвы, она запахнулась в обшитую соболями шубу и с нетерпением поинтересовалась, как скоро возок тронется в путь. Но словно все сговорились сегодня против неё: что-то случилось с упряжью, и Нурсолтан потеряла ещё несколько мгновений, ставших роковыми в судьбе её сестры.

Шахназ все эти полгода, с тех пор, как оказалась в столице Казанского ханства, чувствовала себя вершиной горы, сложенной из сладкой халвы почитания, лести, наслаждений и благоденствия. Густонаселённая Казань с её богатыми, зажиточными домами, обширными слободами, великолепными базарами сразу покорила её жадную до разнообразия, деятельную натуру. Большой дом мужа, солтана Ибрагима, своими постройками напоминал ей ханский дворец в миниатюре. И даже сад, раскинувшийся за домом, был так похож на ханский, только гораздо меньших размеров. Дом звался Кичи-Сарай²⁷, и в нём Шахназ очень быстро стала ощущать себя хозяйкой. Стычки с властолюбивой и резкой Фатимой-солтан, старшей женой Ибрагима, лишь привносили необходимое разнообразие и остроту в её повседневную жизнь. Слуги в доме слушались и боялись её. А муж был ласков и покорен, как укрощённый тигр, мурлыкавший у ног. Получая от солтана Ибрагима дорогие подарки и любезные знаки внимания, Шахназ сразу уверилась в сильной и горячей любви своего мужа. А затем быстро остыла в чувствах к супругу. Её всегда интересовало только то, что невозможно было получить, как это было в далёких Ногаях, когда она страдала от любви к синеглазому брату Нурсолтан – мурзе Хусаину. Образ мужчины, которого она так и не увидела у своих ног, стал посещать молодую женщину всё чаще. Она ощущала необычайное томление в своей душе, словно стояла на пороге большого неизведанного чувства. Она томилась и ждала, когда же произойдёт то, что предчувствовало её сердце. И это случилось.

В один из осенних дней она пожелала прогуляться по саду. Гуляла Шахназ всегда в одиночестве: глупые служанки и евнухи с тонкими, визгливыми голосами, своими разговорами раздражали её, а соперница Фатима-солтан никогда не появлялась там, где находилась вздорная младшая жена. В этот день Шахназ надела на себя лучшие драгоценности, словно желала ослепить весь мир своей красотой. Дочь Тимера, крутясь перед большим зеркалом в украшенной затейливой серебряной чеканкой раме, наслаждалась своим образом. У кого ещё так могли блеснуть раскосые глаза? И чьи ещё полные, чувственные губы можно было сравнить со сладкой вишней? Оправив богато расшитый бархатный казакин и полюбовавшись цветными пере-

²⁷ *Кичи-Сарай* – дословно Малый дворец.

ливами на шароварах из исфаханского атласа, Шахназ позволила прислужницам накинуть на плечи шубу, подбитую серебряной парчой и отороченную светлым мехом. Решив, что теперь она выглядит неотразимо, молодая женщина направилась в сад.

Она никогда не глядела по сторонам, с достоинством вышагивая мимо застывших в немом молчании стражников. Но в этот раз у входа в сад остановилась. Молодой стражник, стоявший с алебардой у ворот, показался ей очень похожим на Хусаина. Она даже ухватила за сердце, чувствуя, как перехватило дух. Безумная мысль промелькнула в её очаровательной головке: «Может быть, Хусаин, восплавав ко мне страстью, тайно прибыл в Казань и пробрался под видом стражника в мой дом?» Такое часто случалось в прочитанных ею книгах, и Шахназ даже на миг не задумалась о невозможности своих мечтаний. Под впечатлением романтических видений, она шагнула к стражнику, откидывая в сторону яркое покрывало. Ещё мгновение, и она увидела – это не Хусаин, но мужчина, стоявший перед ней, был ослепительно хорош, и в восхищении глядел на неё незабываемыми синими глазами...

Эта встреча у ворот перевернула всю жизнь Шахназ. Чувство детской влюблённости к Хусаину теперь вдруг переросло в нечто огромное, страстное, смышающее мощной волной все доводы разума. Поначалу она не хотела признаваться даже самой себе, что влюбилась в стражника, охранявшего сад её мужа, но время шло, и она убеждалась в неотвратимости своего чувства. Шахназ пыталась запретить себе бывать в саду. Осенние дожди, которыми разразилось хмурое свинцовое небо, помогли ей в этом намерении. Но вскоре пришла зима, укрыв дорожки сада и деревья пушистым белым ковром, и Шахназ снова начала свои прогулки, бродила в тихом снежном безмолвии и тайно ожидала очередной встречи. Она знала все дни, в какие покоривший её сердце стражник дежурил у садовых ворот. Она не пропускала ни один из них и возвращалась в свои покои каждый раз безмерно счастливая. Если вздыхала она, то вздох вырывался и из его груди. Они делились безмолвными взглядами, но сколько было сказано одними глазами! Завораживающая, опасная игра, которая заманивала их в омут безрассудств.

В роковой для них день Шахназ впервые решилась заговорить с ним, а мужчина только и ждал её слов. Словно иссохшая земля, она жадно впитывала в себя восхитительные слова любви, тая под взглядом сверкающих страстным огнём синих глаз.

– Прекрасная госпожа, я ваш раб и невольник, ваш слуга. Если я чёрная ночь, то вы – золотая луна, если я – белый день, вы – моё ослепительное солнце! Видел ли мир женщину прекрасней вас? Моё сердце не бьётся, если я не вижу вас, а глаза покрывает покрывало скорби. Вы – пир для моего взора, ваш голос – мёд для моего слуха...

Не помня себя, шагнула Шахназ навстречу покорившему её красавцу, руки влюблённых соединились, а мужчина всё продолжал шептать:

– Я не видел губ, желанней ваших. Они, как источник воды в пустыне. О моя повелительница, я готов умереть за один лишь поцелуй...

– Так почему же тебе и в самом деле не умереть! – раздался за спиной Шахназ ядовито-желчный голос её мужа.

Шахназ, смертельно побледнев, обернулась. Солтан Ибрагим стоял перед ними, гневно сжимая в руках нагайку. Смерив презрительным взглядом младшую жену, он окликнул нукеров:

– Бросьте безумца в мой подвал, там с ним и побеседую. А госпожу проводите в покои, ею я займусь после.

Глава 10

Шахназ была в смертельном страхе. Ей хотелось сбежать к Нурсолтан под защиту мудрой рассудительной сестрёнки, но возле дверей были приставлены нукеры мужа, и они не позволяли покинуть комнату, превратившуюся теперь в зиндан. Всю ночь она провела в слезах и молитвах. А наутро распахнувшиеся двери впустили в покои солтана Ибрагима. Она простёрлась перед ним в униженном поклоне:

– Мой господин, пощадите меня, я была не в себе, когда позволила слушать эти признания... мой господин, ведь ничего не произошло, он только коснулся моих рук...

– Твоих рук, Шахназ?

Голос солтана показался ей спокойным, и она робко вскинула глаза, с надеждой вглядываясь в грозно возвышавшуюся над ней фигуру мужа. «Он не может не простить меня, ведь Ибрагим любит меня! – Лихорадочно думала она. – Конечно, он сердится, и может теперь запрет меня в моих комнатах и перестанет дарить мне подарки. Но потом он простит меня, я не сделала ничего такого, за что меня можно подвергнуть жестокому наказанию!»

– Только моих рук, господин, я клянусь вам, он сегодня впервые заговорил со мной, а я не сказала ему ни слова...

Сумбурный поток оправданий остановил громкий смех мужа, прозвучавший в полутёмной комнате зловеще.

– Шахназ, ты как ребёнок, который придумал себе сказку и сам поверил в неё! Ты должна понимать: время не повернуть вспять; то, что произошло – уже случилось, и тебе придётся ответить за это.

Ибрагим прошёлся по комнате, заложив руки за спину. Его мягкие, почти неслышные шаги отдавались в ушах Шахназ ужасным грохотом. И она, всё ещё стоя на коленях, зажала уши обеими руками, губы и всё её тело дрожали, и она никак не могла унять эту дрожь.

– Твой любовник признался в прелюбодейной связи, существовавшей между вами, не сразу, но признался. Сегодня я должен сообщить об этом казию. Вас обоих ждёт суд шариата. Ты должна помнить, милая Шахназ, какое наказание предусматривает Шариат за прелюбодеяние.

– Нет! – Шахназ, до последних его слов с недоумением слушавшая мужа, сейчас словно очнулась и, вскочив на ноги, кинулась к солтану. – Ибрагим, выслушай меня! Между нами ничего не было, стражник оболгал меня. Я даже не знаю его имени, я никогда не разговаривала с ним...

Ибрагим отвёл цеплявшиеся за него руки.

– Тебе ли не знать, Шахназ, для того, чтобы совершить прелюбодеяние, не обязательно произносить слова, они иногда даже мешают!

– Мой господин! Выслушайте меня, это ошибка, это всё неправда! Какая женщина не любит слушать красивые слова?! Я только слушала, что мне говорил этот стражник, только слушала! Между нами не было ничего, прошу вас, поверьте мне!!

Она молила его, снова упав на колени, протягивала к нему руки в страстном желании доказать свою невиновность. Но взгляд Ибрагима был холоден и беспощаден.

Шахназ не знала, что стражник, уведённый нукерами в подвал, не сказал своему господину ни слова, потому что солтан зарубил его на месте, как только остался наедине с провинившимся. Ибрагимом владел даже не гнев, а простой расчёт. Уже несколько лет главной целью его жизни было желание стать наследником хана. Он был младше солтана Халиля всего на год, но выглядел старше его. Высокий, крепкий, пышущий здоровьем, отважный воин, любимый казаками и признаваемый карачи. Чем не будущий хан? Но отец упорно держался за хилого, больного Халиля, одним только этим обстоятельством заставляя Ибрагима тихо ненавидеть

старшего брата. Однако он не оставлял своей мечты. Медленно, но верно шёл Ибрагим к заветной цели, создавая в среде казаков, огланов и беков образ бесстрашного, удачливого во всех своих начинаниях солтана, того, кого после смерти хана Махмуда эта великая сила казанского государства могла избрать на трон. И вот образ, который он создал с таким трудом, мог в одночасье рассыпаться от недостойного поведения блудливой мангытки. Что станут говорить о нём, когда узнают, что жена путается с его собственным стражником, в то время как супруга Халиля славится всеми добродетелями, какие только могут украсить женщину? Придя этим утром в покои младшей жены, он уже знал, никакого суда шарията не будет! Он не предаст огласке этот глупый случай. Обо всём, что произошло вчера у ворот зимнего сада, знали, кроме него, только три самых верных и надёжных нукера. Они убьют любого, кто нелестно отзовется об их господине. Стражник, покусившийся на его честь, уже корчился в муках ада, где ему было уготовано место. Оставалась одна Шахназ, Шахназ, которая пыталась доказать свою невиновность, не зная, что муж уже приговорил её к смерти.

– Твои слова ничего не значат, Шахназ. – Ибрагим в очередной раз оттолкнул от себя цеплявшиеся за полу камзола руки жены. – Прав имам, говоривший, что все женщины – порождение Иблиса. Все вы лживы и изворотливы, как истинные дочери шайтанов! Сегодня твою судьбу решит казий, и толпа правоверных закидает тебя с любовником камнями!

Какое-то мгновение он с безразличием наблюдал за рыдавшей в его ногах Шахназ. Молодая женщина уже не в силах была оправдываться, её рыдания постепенно превращались в судорожные всхлипывания, больше похожие на предсмертную агонию. Однако в сердце Ибрагима не было жалости, Шахназ для него теперь не существовала, она была лишь препятствием на пути к казанскому трону, досадным препятствием, которое нужно было убрать.

– У тебя есть один выход, Шахназ, – медленно проговорил солтан.

Он увидел, как распухшие от слёз глаза молодой женщины с надеждой уставились на него.

– Этот перстень! – Он снял с пальца массивный золотой перстень с крупным изумрудом. – Я оставляю его тебе. Это очень просто, ты повернёшь камень и высыплешь порошок в своё питьё. Всё, что я могу сделать для тебя – одарить быстрой и лёгкой смертью. Так ты избежишь позора и мучительной смерти от острых камней. Ведь ты ещё не знаешь, маленькая Шахназ, как жестока бывает толпа правоверных, исполняющая решение суда шарията!

– Ибрагим, – еле слышно, распухшими губами взмолилась она.

– Мне очень жаль, Шахназ, но другого выхода у тебя нет. Укрепи же свою душу молитвой и решишь на этот шаг, чтобы не быть опозоренной навеки.

Уже на пороге он бросил:

– Я приду за своим перстнем через два часа... два часа жизни, моя дорогая, это не так уж и мало!

Кошева Нурсолтан, скрипя железными полозьями по сверкающему под ярким солнцем снежному насту, влетела во двор солтана Ибрагима в тот самый миг, когда Шахназ дрожащей рукой высыпала в стакан с шербетом порошок из перстня, оставленного супругом. Нурсолтан спешила по узкому коридорчику женской половины, даже не скинув шубы, она чувствовала, что тревога, щемившая её грудь, сейчас переросла в одну большую боль. Такую боль она испытывала только один раз в жизни, когда поняла, что навсегда потеряла Менгли. У дверей Шахназ дежурил не обычный евнух, а нукер с острой алебардой в руках, но загородить путь жене наследника он не посмел. Нурсолтан распахнула двери, шагнула внутрь и замерла от ужаса, ледяной рукой перехватившего её горло. Шахназ билась в судорогах на полу. В широко распахнутых глазах сестры она видела безмерное страдание, несчастная пыталась что-то сказать, но из её горла вырывался только хрип. Нурсолтан скинула мешавшую шубу, а следом за ней калфак с покрывалом, и упала на колени перед умирающей сестрой.

– Шахназ! Шахназ, сестрёнка моя, что с тобой? О, прошу тебя!

Вцепившись в плечи молодой женщины, она сорвалась на безумный крик, умоляла и стенала. Сердце, наполненное ужасом, исходило кровью от беспомощности при виде мучений сестры, которые Нурсолтан не в силах была прекратить. А глаза Шахназ, обращённые к выходу, вдруг наполнились страхом, и Нурсолтан невольно перевела взгляд туда. В дверях стоял солтан Ибрагим. Нурсолтан, как в замедленном сне бросилась к брату Халилю, её срывающийся голос превратился в хриплый шёпот:

– Табиба... Ради Аллаха, скорей пришлите табиба! Вы же видите, она умирает!

– Я это вижу, – ответствовал солтан Ибрагим, не сводя с неё пристального взгляда. – Но табиб моей жене ни к чему, она сама избрала свой путь. Это яд, от которого нет спасения.

Нурсолтан отшатнулась от мужчины, ещё не веря, что услышанное из жестоких уст, не мерещится ей. Она обернулась к затихшей Шахназ, покачнулась и упала в чужие мужские руки, подхватившие её. Ибрагим усадил ослабевшую женщину, склонился, не в силах оторвать взгляда от прекрасного лица, от пышных локонов, разметавшихся по парчовой обивке сидения. Не удержавшись, шепнул:

– Как ты прекрасна, Нурсолтан! Не зря во дворце отца превозносят твою красоту. И в этом моему брату повезло. Почему ему, а не мне?

Ибрагим опустил на колени, коснулся её тонких нежных пальцев. Даже он, дерзкий и необузданный в своих желаниях, не осмелился на большее, но как же он хотел этого большего! Его ноздри улавливали восхитительный аромат женщины, глаза наслаждались и не могли насытиться ослепительной красотой. И эта женщина не его, не принадлежит ему, не может принадлежать!

– Ах, если бы ты была на месте Шахназ, я простил бы тебе любой грех, или почти любой... Ты рождена быть повелительницей мужских сердец, а досталась жалкому Халилю. Наверно, он и лечь с тобой на ложе боится, боится потерять сознание от такой красоты! Аллах заставил его нести бремя непосильной любви, а он так слаб, что не в силах носить собственное платье.

Нурсолтан едва слышала и понимала, что он говорил, но оскорбления, наносимые Ибрагимом мужу, внезапно придали ей силы. С гневным презрением она оттолкнула солтана и вновь опустилась подле Шахназ. Искажённые страданиями черты сестры уже застыли, и Нурсолтан в странном оцепенении прижала к своей груди лицо покойной.

– Оставьте её, Нурсолтан. Вы же видите, Джебраил унёс её душу. Я пришлю рабынь, они сделают всё, что нужно.

Солтан шагнул к ней, но холодный, полный спокойного презрения голос остановил его:

– Убирайтесь, Ибрагим. Не оскверняйте её память своим присутствием. Как мудро решил повелитель, избрав своим наследником Халиля! Я не знаю, что будет с этим народом, если ханом станет такое чудовище, как вы!

Она не ведала, как точно и больно ударила его своими словами, она едва ли что-нибудь понимала и ощущала в эти минуты. Всё, что сейчас делала или говорила Нурсолтан, происходило с ней как во сне, страшном бесконечном сне, от которого не было спасения и который ей предстояло досмотреть до конца.

Глава 11

Весна пришла в Казань вместе с праздником Науруз. По-восточному узкие улочки города утопали в непролазной грязи. У заборов высились почерневшие сугробы, просевший снег разливался в огромные лужи. Но лужи эти не могли остановить празднично разодетые толпы весёлых шакирдов. Они ватагами спешили по дворам, распевали озорные четверостишия, начертанные на традиционных наурузных палочках. Гостеприимные хозяева в ответ наполняли полотняные мешки гостей самой разнообразной снедью: яйцами, кусками вяленого гуся и конины, глиняными кринками с душистым мёдом и маслом, печёными сладостями.

Солтан Ибрагим задумчивым взглядом проводил спешивших мимо него шакирдов. Молодые казанцы, разодетые в тёплые казакины из яркого сукна с накрученными на головы белоснежными чалмами, были такого же возраста, как и он, но солтана поразила беззаботность и безудержное веселье, царившее среди них. Они словно жили совсем в другом мире, мире, который был недоступен для него, могущественного солтана, рождённого жить в роскоши и славе. В другом месте и в другое время он и не вспомнил бы о них. Разве могли сравниться с ним, солтаном Ибрагимом, простые шакирды, перебивающиеся чёрствой лепёшкой и водой? Но сейчас он вдруг позавидовал им, их беспечности и радости, их умению сделать праздником любой день. Их головы не отягощали тяжёлые мысли, неотвязно мучившие молодого солтана, они были далеки от забот, непосильным бременем лежавшим на его плечах. Им не нужно было ежеминутно думать о том, как они выглядят в глазах карачи, казаков, и даже в глазах черни. Солтан Ибрагим должен был думать и помнить об этом всегда. Слишком долго и тщательно создавал он свой образ, немало препятствий убрал со своего пути. Что могут знать об этом беззаботные юнцы, месившие ичигами непролазную грязь на улицах. Им не приходилось быть всегда настороже, плести интриги и нещадно уничтожать всех своих врагов, как это приходилось делать ему.

При мысли об этом Ибрагим нахмурился, вспомнилась вдруг покойная младшая жена. Мысли о ней слишком часто беспокоили молодого солтана, но не потому, что его мучили угрызения совести или он чувствовал свою вину за то, что подтолкнул Шахназ к роковому шагу. Нет, его беспокоило другое. И этим другим была Нурсолтан. Вспомнил о жене старшего брата, и как по мановению волшебной палочки мир изменился в его глазах.

Тронув поводья своего коня, солтан Ибрагим уже не видел грязных луж и мокрых унылых заборов, возвышающихся по сторонам, в его глазах стояла безоблачная синь неба, такой пронзительной синевы оно бывало только в весенние дни. Такой же синевы были глаза Нурсолтан. Было просто удивительно, как могли меняться эти поразившие его сердце глаза: то становились сапфировыми, густой синевой своей напоминавшими драгоценные камни, то вдруг светлели, как весеннее небо, превращаясь в бирюзу. Не замечая больше ни молчаливых нукеров, следовавших за своим господином, ни весёлых, празднично разодетых людей, Ибрагим под мерную поступь арабского скакуна погрузился в сладостные воспоминания.

Вновь и вновь память возвращала его к тем мгновениям, когда он в роковое зимнее утро спешил на женскую половину своего дворца, едва узнав о неожиданном приезде Нурсолтан. Жена наследника могла спутать все его планы, а этого нельзя было допустить. Он опоздал, Нурсолтан успела войти в покои сестры раньше него, но спасти Шахназ это уже не могло. Ибрагим молча смотрел как корчилась в страшных мучениях младшая жена, но не испытывал при этом ни жалости к ней, ни сожаления по поводу случившегося. Лишь одна мысль лихорадочно билась в его голове: успела ли Шахназ поговорить со своей сестрой и если успела, то, что она сказала Нурсолтан. А через мгновение Ибрагим уже забыл обо всех своих тревогах и предосторожностях, это случилось, когда Нурсолтан поднялась навстречу ему, и он увидел её без покрывала. Такой, какой не мог видеть женщину посторонний мужчина, такой, какой её видел

только Халиль. Ибрагим замер покорённый совершенной красотой, которую не испортила ни смертельная бледность, ни ужас и смятение, царившие в прекрасных глазах. А потом, теряя сознание, она оказалась в его руках. Он помнил до мельчайшей подробности, как подхватил её на руки и понёс к канаве. Помнил, как близко были её губы, как билась голубая жилка на нежной шее. О, если бы он осмелился тогда прижаться к ней губами, успокоить её испуганное биение, ощутить нежность женской кожи, вдохнуть восхитительный аромат её тела...

В те мгновения он забыл, что за пропасть лежала между ними. Он забыл, что Нурсолтан принадлежит его ненавистному брату, что в нескольких шагах от них умирает женщина, которая была любимой сестрой Нурсолтан, и которую он приговорил к смерти. Что бы случилось, если вся правда открылась тогда, если бы умирающая Шахназ успела обвинить его в своей смерти?

В тот же день он допросил нукера, стоявшего на страже у дверей Шахназ. Преданный воин уверял, Шахназ не смогла произнести ни слова, но даже его уверения не могли успокоить Ибрагима. Его беспокоили обвинения, брошенные Нурсолтан ему в лицо, она говорила так, словно знала всю правду, начиная от смерти своей сестры и заканчивая его интригами на пути продвижения к трону. Она больно задела его своими жестокими словами, безоговорочно поставив Халиля выше него. Эта женщина лишилась зрения, если она не видела насколько он, Ибрагим, лучше Халиля. Но он ещё докажет ей это! Нурсолтан должна разглядеть в нём настоящего мужчину, ведь слабовольному и хилому Халилю так далеко до него. Когда-нибудь придёт день его триумфа, он сядет на трон Земли Казанской, и тогда Нурсолтан станет его женой. Ей не уйти от своей судьбы. Он заставит её взглянуть в глаза правде, он докажет, что не может быть лучшего хана, чем он, и Халилю не сравниться с ним. А пока он должен быть очень осторожен, и он должен выяснить, в чём подозревает его Нурсолтан и как она относится к нему сейчас.

Жена наследника, находясь в глубоком трауре, несколько месяцев не покидала женской половины дворца. Но сегодня, как доложили солтану, её обязали появиться на меджлисе, посвящённом Наурузу. Значит, был шанс встретиться на этом празднике с Нурсолтан и сжечь в душе последние сомнения, мучившие его. На этот праздник он и спешил, оставив загородный аул, где стояли на постое основные части казанских казаков.

Солтан Ибрагим не один месяц прожил вместе с простыми воинами, стремясь завоевать их популярность. Он уехал оттуда успокоенный, с твёрдой уверенностью, что казаки пойдут за ним в любые сражения и битвы, и они будут преданы ему. Это был ещё один очень важный шаг на его пути к казанскому трону.

На вечерний меджлис солтан Ибрагим прибыл один. Его супруга Фатима-солтан уже гостила у казанской ханум. Старшая жена хана Сэрби-ханум привечала Фатиму-солтан с тайной надеждой досадить Нурсолтан. Свою невестку она недолюбливала, а порой открыто ревновала, считая, что Нурсолтан отнимает у неё внимание сына и мужа. Вот и сейчас в Пиршественном зале она не отпускала от себя супругу Ибрагима, а Нурсолтан словно не замечала. Присутствующие на празднике женщины отметили это сразу. Покачивая остроконечными шпильями калфаков и склоняясь друг к другу, сплетницы взволновано зашушукались, смакуя подробности.

Нурсолтан в нерешительности остановилась в дверях, не зная, к кому подойти, она чувствовала холодок отчуждения, исходивший от знатных женщин, возглавляемых Сэрби-ханум. Сама старшая госпожа и мать наследника что-то нашёптывала на ушко Фатиме-солтан, та раскраснелась и выглядела вполне довольной похвалами ханши. Обе женщины не повернули голов в сторону Нурсолтан, хотя управляющий дворцом Аккубек зычным голосом возвестил о её прибытии в залу. Как никогда, Нурсолтан ощутила чувство одиночества, ей захотелось кинуться к Халилю, который понял бы её состояние. Но солтан был занят беседой с карачи, и она не посмела побеспокоить его. Выпрямив спину и стараясь не спешить, чтобы её уход

не был воспринят как бегство, Нурсолтан вышла в распахнутые двери сада. Свежий ветерок осушил брызнувшие из глаз слёзы, и она возблагодарила Аллаха за то, что никто не увидел её слабость. Она не услышала, сколько желчи и яда прозвучало в словах Сэрби-ханум, проводившей невестку злым взглядом:

– Эта степная гордячка слишком много возомнила о себе. Она считает, что может крутить мужчинами, как ей вздумается. Мой сын совсем потерял голову из-за неё, он и шага не может сделать, чтобы не посоветоваться с ней. Можете себе представить, дорогая Фатима-солтан, даже наш повелитель, хан Махмуд, советуется с ней! О Аллах, как он может спрашивать совета у девчонки, единственным достоинством которой является смазливое лицо?!

– О, как я вас понимаю, уважаемая ханум, – зашептала Фатима-солтан, отогнув край тонкого покрывала. – Должно быть, ваша невестка такая же бесстыдница, как её сестра, покойная Шахназ. Та не могла пройти равнодушно мимо мужчин. Если бы вы знали, почему она любила гулять по саду одна.

– О Аллах, возможно ли это?

Грузная Сэрби-ханум изнемогала от любопытства, и всё же понимала как много посторонних ушей вокруг.

– Давайте прогуляемся к фонтану, моя дорогая, хочу узнать всё, что известно вам.

– Известно мне немного, – в нетерпении зашептала Фатима. – Одна из служанок видела, как Шахназ заигрывала со стражниками. Как хорошо, что мой муж избежал позора, Аллах покарал бесстыдницу, не дав ей совершить тяжкий грех!

– Вы ввергли меня в омут печалей и забот, Фатима-солтан, кто бы мог подумать, что дочери Тимера способны на такое?! Теперь я понимаю, что за женщина досталась в жёны моему сыну. Не зря я с первого же дня невзлюбила её! Что касается солтанши Шахназ, то желудочная болезнь вовремя отправила её на тот свет, даже страшно представить какой позор пал бы на ханскую семью, если одну из невесток уличили в прелюбодеянии!

Праведный гнев горел в сердце казанской ханум, а Фатима-солтан лишь подлила масла в огонь.

– Они обе дочери прелюбодеяния. Известно, что яблочко от яблони далеко не падает. Будьте строже со своей невесткой.

– О! Я завтра же поговорю с сыном, и сама отныне глаз с неё не спущу! Вот скажите мне, дорогая Фатима-солтан, где она сейчас, когда все благородные женщины находятся в зале? Я видела, отправилась гулять по саду одна, как и её бесстыдница-сестра! А вдруг она там встречается с посторонним мужчиной? О Аллах, не допусти позора на нашу голову!

Сэрби-ханум даже представить не могла, как она недалеко от истины. Нурсолтан в эти минуты гуляла по саду одна, а по подсохшим дорожкам сада навстречу ей шёл солтан Ибрагим.

Глава 12

Нурсолтан остановилась около любимой скамьи. Сад после зимы находился в полном запустении. Прошлогодние листья почерневшей паутиной окутывали деревянное сидение и изящно выгнутую спинку скамьи. Следовало послать рабов, чтобы навели здесь порядок, но, похоже, казанской госпоже заниматься обыденными делами было недосуг. Нурсолтан вздохнула и решила отправиться дальше бродить по каменным дорожкам сада, но внимание привлекли ярко-жёлтые маленькие цветы, словно солнечные брызги рассыпанные у подножия раскидистого куста. Нурсолтан даже руками всплеснула, ну что за чудо! Снег ещё кое-где лежит серыми заледеневшими островками, а они такие маленькие, но такие отважные уже выбрались на свет, напоминая всему миру – весна пришла, весна! Молодая женщина присела на корточки, осторожно отгребла в сторону старые листья, освобождая крепкие тёмно-зелёные стебельки, гордо увенчанные золотистыми соцветиями, тронула тонкими пальцами пушистые шапочки цветов.

– Вы испачкаете своё платье, госпожа.

Голос, раздавшийся позади, заставил её вздрогнуть и стремительно обернуться. Она забыла о своей неудобной позе и упала бы, если б руки солтана Ибрагима не поддержали её, помогая подняться. Но даже когда она оказалась на ногах, солтан не разжал своих рук, так и держал её за плечи, не отрывая взгляда от женских глаз, единственного, что было открыто взору мужчины. Словно облачко набежало на безмятежное лицо Нурсолтан, она нахмурилась и резко отступила назад, движением этим стряхнув со своих плеч чужие руки.

Нурсолтан не видела Ибрагима с того самого дня, когда она потеряла любимую сестру и единственную подругу своей юности. Ей очень хотелось никогда больше не видеть этого человека, он напоминал ей о том, о чём она стремилась забыть. При дворе было официально сообщено о слабом желудке Шахназ-солтан, о её неумеренном аппетите, что якобы и стало причиной смерти. Никогда ещё Нурсолтан не слышала большей глупости, но все вокруг поверили в рассказы солтана Ибрагима, а она, чувствуя, что за всем этим кроется куда большее зло, промолчала. Нурсолтан хотелось, не торопясь, разобраться во всём самой, но всякий раз, вспоминая, как билась в судорогах умирающая Шахназ, она едва не теряла сознание. Всё, что происходило тогда в покоях сестры с момента её прихода и до самого последнего мига, было покрыто пеленой тумана, и лишь отрывочные воспоминания всплывали перед глазами молодой женщины. И тогда она видела перед собой застывшего в дверях Ибрагима. Его равнодушный голос звучал в её ушах. Она помнила, что солтан Ибрагим говорил о яде, который приняла её сестра. Ну, почему всегда такая жизнерадостная и счастливая Шахназ приняла яд, и что или кто её заставил это сделать? Как поступить, зная страшную правду о смерти сестры, потребовать разбирательства у самого хана или молиться, положившись на справедливый суд Всевышнего? Она и молилась и спрашивала совета у Аллаха, но всемогущий Судья молчал, ввергая её в пучину ещё больших сомнений. Как ни пыталась она бежать от своих воспоминаний, случившееся напоминало о себе с каждым разом всё сильнее.

Вот и сейчас перед ней оказался солтан Ибрагим, муж покойной сестры, и воспоминания, спрятанные Нурсолтан в самый дальний уголок сознания, всплыли вновь. Когда-то Шахназ уверяла Нурсолтан, что Ибрагим любит её. Но для любящего мужа, солтан, на глазах которого умирала жена, повёл себя более чем странно. А от воспоминаний о том, как Ибрагим вёл себя с ней, женой своего брата, Нурсолтан бросало в краску. Он едва не признавался ей в любви, и всё это в те мгновения, когда душа Шахназ отлетала к небу! Как ни старалась Нурсолтан, но не могла заставить себя оказать уважение солтану Ибрагиму, которого она в глубине сердца презирала. Она не желала ни говорить с ним, ни общаться, даже если того требовали правила приличия.

Отступив от Ибрагима, Нурсолтан обошла его, и направилась назад, к Тронному залу, но мужчина преградил ей путь.

– Не слишком вы ласковы с единственным братом вашего мужа. Отчего бы вам не поприветствовать меня, как это положено? Или в улусе вашего отца вас не обучали правилам хорошего тона?

– Уйдите с дороги, солтан, я не желаю говорить о приличии с человеком, нарушающим эти правила на каждом шагу!

Она опять попыталась обойти его, но Ибрагим, засмеявшись, легко пресёк её попытку.

– Когда вы сердитесь, в ваших глазах загораются такие воинственные огоньки. Ваш презрительный тон может отпугнуть кого угодно, но только не меня! Ведь у нас так много воспоминаний, Нурсолтан, и нам не помешает поговорить об этом, вам так не кажется, дорогая невестка?

– Что вы хотите от меня?!

– Немногого, Нурсолтан! Хочу, чтобы смотрели на меня ласковей и чаще беседовали со мной. Ведь нас объединяет одно горе – смерть нашей маленькой Шахназ...

– Не смейте! – Нурсолтан сжала кулаки. – Вам недостаточно того, что вы оболгали свою покойную жену, представив её в лице всего двора дикаркой, не отходившей от стола? Вы и сейчас готовы посмеяться над ней. Вы и в самом деле чудовище, Ибрагим, глядя на вас, трудно поверить, что вас родила женщина!

– Замолчите! – Солтан вцепился в руку женщины, даже не замечая, что делает ей больно. – Вы всё время оскорбляете меня, Нурсолтан, должно быть в этом вы ушли недалеко от своей сестры! Но придёт время, и я заставлю вас уважать себя, а иначе берегитесь!

Задыхаясь от ненависти, они глядели друг на друга.

– Вы обвиняете меня в том, что я сказал неправду о смерти вашей сестры. Да, Нурсолтан, я солгал! Но если я расскажу всю правду, то Шахназ, где бы она сейчас ни находилась, в раю или аду, проклянёт вас. Поверьте, для всех нас лучше, если смерть Шахназ будет выглядеть смешной, чем откроется позор, в который она ввергла нас всех!

– Позор?! О чём вы говорите, солтан? В чём ещё хотите обвинить мою бедную сестру?

– О, ваша бедная сестра провинилась в самой малости, Нурсолтан! Она была уличена в прелюбодеянии со стражником.

Если бы все молнии и громы небесные разом ударили в ханский сад, они не поразили бы Нурсолтан так сильно, как слова Ибрагима. Внезапно онемев, она глядела на солтана полными недоверия глазами, и в этих глазах он прочитал: Нурсолтан ждала объяснений. Солтан Ибрагим понял: здесь, сейчас и только от него зависит, останется ли смерть Шахназ тайной навсегда, или уже завтра сплетни разнесутся по двору. И тогда ему будут сочувствовать, заглядывая в глаза, а потом злорадно посмеиваться за спиной, смакуя подробности.

– О моя дорогая невестка! – Ибрагим вдруг услышал свой голос со стороны и поразился сам себе. Его голос звучал именно так, как он должен был звучать сейчас, это был голос страдающего человека, с трудом сдерживающего свою боль. – Я так любил Шахназ! Ради неё я позабыл Фатиму-солтан. Я дарил вашей сестре дорогие подарки, баловал и холил её, а она вонзила нож мне в спину! Она получала от меня всё, о чём только может мечтать женщина, но ей оказалось этого мало. Я должен признать: её любовник, этот Аллахом проклятый стражник, был очень красив. Смазливый юнец с такими же синими глазами, как и у вас, Нурсолтан. Должно быть, сам Иблис поставил этого мужчину на пути моей жены, иначе я не могу объяснить измены Шахназ.

– Вы говорите, такие же глаза как у меня? – Непослушными губами едва вымолвила Нурсолтан. – О Всевышний, этого не может быть! Она увидела в этом стражнике Хусаина... О всемогущий Аллах, почему ты допустил это?

Неслышные слёзы потекли по бледным щекам молодой женщины. Она плакала в безмолвном своём горе, ссутулив хрупкие плечи и желая только одного – умереть до момента, когда услышала о позорном падении своей любимой сестры.

Глава 13

А в Тронный зал дворца уже прибыли последние гости и с минуты на минуту должны были объявить о начале пира. Сэрби-ханум не находила себе места. В волнении она так дёргала свой роскошный золотой браслет, что, в конце концов, сломала его, пот градом тёк по тучному лицу женщины, оставляя тёмные бороздки среди слоя белил и румян.

– Фатима-солтан, дорогая, – наконец обратилась она к молодой женщине, не отходившей от ханум ни на шаг. – Я очень волнуюсь за солтана Халиля. Моей невестки до сих пор нет, а что если и в самом деле у неё в саду свидание с мужчиной? Я не могу доверить этого никому, вы же понимаете, как это важно, чтобы в подобных делах не участвовали посторонние уши и глаза. Прошу вас, Фатима-солтан, сходите в сад и приведите Нурсолтан в зал, если вы вернётесь вдвоём, это будет так естественно!

– Конечно, уважаемая Сэрби-ханум, вам не стоит так волноваться. Я сейчас же отправлюсь за вашей невесткой.

И ободряюще улыбнувшись пожилой женщине, Фатима-солтан направилась к дверям ханского сада.

В то же самое время солтан Ибрагим, не сводя напряжённого взгляда с бледного женского лица, продолжал свою речь:

– Перед вами стоит очень важный выбор, Нурсолтан! Вы можете открыть тайну смерти вашей сестры, но тогда покроете её имя вечным позором, а зловонная грязь сплетен коснётся каждого из ханской семьи, и в первую очередь вас! Вы всегда были очень близки. Что скажут люди, если узнают, что Шахназ была блудницей? Не обвинят ли в этом же вас?

– Солтан. – Голос, который прервал его пламенные речи, был слаб, но он услышал его и замолчал. – Прошу вас, скажите, кто заставил Шахназ принять яд?

– Как вы могли подумать, дорогая?

Он опустил на скамью рядом с молодой женщиной и осторожно взял её руки в свои ладони. Нурсолтан не отдернула их и воодушевлённый этой маленькой победой, он продолжал:

– Я не знаю, откуда у Шахназ оказался яд. Должно быть, она была очень напугана, раз решилась на такой отчаянный шаг. Она не знала, бедная моя девочка, что я не причиню ей вреда, что никому не сообщу об её измене. Конечно, не могло быть и речи о полном прощении. Она оскорбила меня и растоптала мою любовь! Я думал отправить её в загородное имение, пока не зарастёт рана, нанесённая в самое сердце. Но Шахназ решила иначе! Когда я вошёл в её покои и увидел, как жестоко она мучается, я окаменел. Не помню, что говорил и делал тогда, я был не в себе, и если в вашей холодности виновато моё поведение в тот день, прошу простить меня, Нурсолтан, но я не ведал, что творю.

В следующее мгновение солтан Ибрагим понял, что провёл блестящую партию и добился своего, потому что Нурсолтан, крепившаяся до этой минуты из последних сил, разрыдалась и упала в его объятия. Утешая, он прижимал её к себе всё теснее, шептал на ушко ласковые успокаивающие слова, гладил вздрагивающую от плача женскую спину, тепло которой, казалось, насквозь прожигало его ладони. «О Аллах, – думал он, наслаждаясь преступными ласками своими. – Эта женщина подобна жемчужине, разгоняющей в сердце печаль и горе, и заботу. Эта женщина может сделать безумным самого рассудительного. Ради обладания её красотой я сверну горы и уничтожу все препятствия на своём пути, и она станет моей, и мне всё равно, кто поможет мне в этом: Всевышний или сам Иблис!»

Оба они и не заметили Фатимы-солтан, притаившейся за густым кустом жасмина. Супруга Ибрагима едва не распласталась на земле, увидев мужчину, в чьих объятиях покоилась жена наследника. Кусая край покрывала, чтобы не закричать, женщина разглядывала лицо своего мужа. Закрытые глаза солтана Ибрагима и блуждающая на губах улыбка указывали

только на одно: её супруг трепетал от любовной страсти, охватившей его с такой силой, что он не видел и не слышал ничего вокруг. Весь его мир в этот миг крутился около женщины, которую он крепко прижимал к себе. Пригнувшись к сырой земле и пачкая ладони и свой наряд, Фатима-солтан поползла назад. Слезы текли по щекам молодой женщины, обжигали горевшее лицо. Фатима-солтан обтирала их ладонями, размазывала землю по щекам и даже не замечала этого. Ей хотелось только одного: добраться незамеченной до Сэрби-ханум и на груди ханши выплакать свою жгучую обиду.

– Мой господин, это неслыхано! Бесстыжая невестка навлечёт позор на нашу голову! А что будет с нашим мальчиком, с нашим Халилем?! Я умираю от одной только мысли, что ему станет известно о встречах Нурсолтан с Ибрагимом!

Сэрби-ханум выхватила из своих необъятных карманов шёлковый платок и шумно высморкалась.

– Сделайте же что-нибудь, мой муж, скажите, что вы накажете её. Я умоляю вас! Откройте же колчан вашей власти и вложите стрелу наказания в тетиву вашего гнева!

Мать наследника устала на молчавшего супруга. Она попросила аудиенции у него сразу, как только закончился праздничный пир. В атмосфере разгульного веселья она надела на лицо вымученную улыбку и желала лишь одного: добиться у мужа права наказать невестку.

Нурсолтан явилась из сада следом за солтаном Ибрагимом, она выглядела бледней, чем обычно, но мало кто обратил на это внимание. Не обратила бы внимание и Сэрби-ханум, если бы служанка не вызвала её на женскую половину, где казанскую ханум ожидала рыдавшая Фатима-солтан. С первых же её слов Сэрби-ханум схватила за сердце, и с трудом нашла в себе силы вернуться на пир. Она испепеляла взглядом ненавистную невестку, но, поймав недоумённые взгляды придворных, опустила глаза. Она с трудом дождалась, когда хан покинет празднество, и отправилась следом.

Сейчас Сэрби-ханум не отводила глаз от царственного супруга, она ждала от него немедленных действий, ждала бури возмущения и гнева, такой же сильной, какая пылала в её груди. Но Махмуд молчал, ставя своим непредсказуемым поведением в тупик жаждущую мести ханум.

– Дозвольте, мой господин, – не в силах выдержать пытки ожидания Сэрби-ханум придвинулась ближе к супругу. – Дозвольте, и я велю пригласить Нурсолтан в вашу приёмную. Не давайте ей время на то, чтобы придумать оправдание, мы должны потребовать от неё объяснений немедленно!

– Нет.

Тихий голос хана прозвучал как окрик, и женщина послушно замолчала, привычно опуская голову, но всё же искорясь одним глазом поглядывать на мужа. Хан Махмуд тяжело опёрся на резные подлокотники канапе.

– Этот день был труден для нас всех, Нурсолтан с Халилем уже удалились в свои покои, и я не хочу беспокоить их из-за обычных бабьих сплетен.

– О мой господин! – Сэрби-ханум даже покраснела от негодования. – Что вы называете сплетнями? То, что бедная Фатима-солтан видела своими собственными глазами?! Её отпайвали успокоительными настоями, а потом увезли домой, потому что солтанша была не в состоянии пойти на пир. Не забывайте, что она только недавно оправилась от родов! Какое это испытание для женщины, с достоинством исполнившей супружеский долг и принёсшей своему супругу крепких и здоровых детей. Солтану Ибрагиму вздумалось совращать жену своего брата на её глазах! А Нурсолтан открыто принимала его ухаживания! О Аллах, как можно называть подобное бабьими сплетнями, одумайтесь, муж мой, примите справедливое решение сегодня же! Может случиться так, что завтра будет уже поздно!

– Сэрби-ханум, я уже сообщил вам, что не желаю беспокоить наследника и его супругу сейчас. Я не желаю заниматься сегодня никакими делами, какими бы важными они вам ни казались. Я желаю, чтобы вы удалились к себе и позволили слугам приготовить меня ко сну!

И не удостоив свою супругу даже взглядом, старый хан рывком распахнул двери своих покоев.

Спустя час, лёжа на широком ложе, казавшемся слишком большим для него одного, Махмуд вернулся мыслями к тому, о чём сообщила Сэрби-ханум. Ему нелегко далось спокойствие и равнодушие, какие он разыграл перед женой. Слова старшей жены, словно кинжал, вонзились в его измученное сердце. Что же на самом деле произошло этим вечером в саду? Как он хотел бы знать правду! Правду, которая не покоится на домыслах и догадках истеричных женщин, а ту, настоящую, какой она была. Он не верил, что Нурсолтан могла изменить Халилю. Сердце хана чувствовало: девочка не способна на подобную низость. Но на это был способен Ибрагим! Хан знал: у его второго сына чёрная, завистливая душа, доставшаяся тому от матери. Как же он сожалел, что давно, когда мальчик был мал, не догадался оторвать Ибрагима от матери и воспитать его вдали от её злобных нащёптываний. Она успела внушить сыну, что Халиль отнял у него всё, что должно было принадлежать Ибрагиму. Она с раннего детства уверяла мальчика, что слабый Халиль не доживёт до совершеннолетия и нога его никогда не ступит на трон Казани. Она мысленно примеряла на своего сына Ханскую шапку, и даже теперь, проживая в отдалённом имении, куда повелитель услали интриганку, она тайно сносила с Ибрагимом и заклинала его любыми способами добиваться высшей власти.

Хан Махмуд знал об этом, его шпионы не раз доставляли ему письма Камал-бикем, письма, дышащие тленом ненависти и толкавшие Ибрагима на путь насилия. Знал хан, что и сам Ибрагим не смирился с решением отца. Младший сын мечтал о власти, он желал захватить после смерти отца трон Казани, отняв его у Халиля. А если он желает отнять трон у старшего брата, почему бы ему ни пожелать отнять и жену, тем более такую жену, как Нурсолтан. Старый хан прикрыл ладонью утомлённые глаза. Как тяжела ноша, которую он несёт! «О Всевышний, помоги справиться с этим делом, помоги не наделать ошибок, не допусти несправедливости!» Защемило сердце, и он осторожно переместил руку на грудь, боль не отпускала, захватывая бьющийся комок человеческой плоти в тесные тиски, и одинокая мысль пронеслась в голове: «А что, если я умру этой ночью в своей постели, что случится тогда с Нурсолтан, с Халилем, с Казанью?.. О, не допусти, всемогущий Аллах! Помоги мне пережить эту ночь!»

Глава 14

Сэрби-ханум всю ночь промучилась тяжёлыми сновидениями, а с утра отправилась в бани. В искусно продуманной атмосфере восточной бани, где всё было призвано очистить и расслабить тело и душу, старшая госпожа гарема надеялась позабыть о Нурсолтан и запретах своего царственного супруга. Непокойная ночь породила в голове почтенной женщины новые тяжёлые подозрения: «Почему великий хан так защищает невестку, даже теперь, когда ему представили доказательства вины в самом худшем из грехов, какому может поддаться женщина? Не означает ли это, что хан Махмуд сам влюблён в Нурсолтан?»

От этих мыслей в голове Сэрби-ханум вскипела кровь, она почти не помнила, как сопровождаемая эскортом прислужниц вошла в ханскую баню. Казанская госпожа сидела в предбаннике, тяжело опустив руки и почти не ощущая, как ловкие служанки раздевают её, как щебечут на разные лады, пытаясь развлечь хозяйку. Тонко скрипнула дверь, соединяющая раздевальню с большим залом, в предбанник вошла старшая служанка Нурсолтан Жиханара. Эту высокую смуглую женщину с раскосыми глазами казанская ханум сама приставила к своей невестке, и Жиханара исправно доносила могущественной госпоже обо всём, что интересовало Сэрби-ханум. И сейчас, едва завидев госпожу, Жиханара, склонившись в подобострастном поклоне, подобралась к её уху.

– О моя повелительница, ваша невестка с раннего утра пожелала посетить бани и сейчас находится в парильне.

Сэрби-ханум, словно очнувшись, поднялась со своего места и грузной ногой ступила в самое обширное помещение бани. Баня при ханском дворце была построена по проекту турецкого хамама²⁸, и напоминала ладонь с пятью расставленными пальцами. В каждом из помещений строго выдерживалась определённая температура, что служило постепенному привыканию тела к повышенным температурам. Сэрби-ханум, пренебрегая всеми правилами помывки, не задерживаясь в мион-сараях²⁹ шагнула в парильню. Пар окутал госпожу прозрачными клубами, перехватив дыхание, но это не остановило почтенную ханум. Нурсолтан находилась там, а рядом сустились прислужницы с керамическими баночками в руках. От баночек исходил густой запах мёда, настоящего на травах. Не сводя тяжёлого взгляда с невестки, Сэрби-ханум нетерпеливо щёлкнула пальцами и указала прислужницам на дверь. Тех сдуло как ветром. Даже в этом пышущем жаром помещении Нурсолтан ощутила огонь ненависти, исходившей от матери её мужа. Она давно предчувствовала, что недоброжелательность старшей госпожи гарема когда-нибудь выльется в открытую ссору. Нелегко было осознавать, что она так и не смогла найти общего языка с матерью Халиля, с женщиной, с которой они могли и должны были быть союзницами. В отношении Сэрби-ханум к ней нетрудно было разглядеть обычную ревность матери к сыну, а может и кое-что большее.

Нурсолтан поднялась со скамьи, стараясь быть спокойной, и доброжелательно произнесла:

– Госпожа, пусть Аллах позволит мне взять ваши печали. У вас очень усталый вид, вы хорошо спали сегодня?

Произнеси она любые другие слова, и то они не взорвали бы так Сэрби-ханум. Побагровев ещё больше, мать наследника возопила:

– Должно быть ты, исчадие ада, спала превосходно! За один день вкусить любви двух мужчин могла только такая блудница, как ты! Как смела ты после объятий Ибрагима предстать перед своим супругом с невинным видом, как могла без стыда смотреть в его глаза?!

²⁸ Хамам – особый тип бань, преобладавший в восточных странах.

²⁹ Мион-сарай – так именовался самый большой зал в хамаме, вмещающий в себя бассейны и фонтаны.

Нурсолтан молчала, оглушённая яростью старшей госпожи и обвинениями, заставшими её врасплох. Что скрывалось за этой тирадой Сэрби-ханум, о какой измене, о каком блюде она упоминала? Она не могла ослышаться, мать Халиля назвала имя Ибрагима! Ибрагим... И тут же всплыло воспоминание о вчерашнем вечере, его объятия, когда он пытался утешить её, захлабывавшуюся в рыданиях. Значит, кто-то увидел их в саду в тот момент и придал всему происходившему совсем иную окраску, а сейчас об этом стало известно и Сэрби-ханум. Нурсолтан невольно стиснула край холщового покрывала, туже стягивая его на груди, словно желала этим движением укрыться от ярости ханум, от сплетен ханского двора, добравшихся и до неё. О Аллах, а если об этом станет известно Халилю и самому хану? Как же ей быть, как вести себя, как доказать, что она невинна?!

А Сэрби-ханум, сотрясая горячий воздух парильни кулаками, всё продолжала кричать:

– Пусть гнев Всевышнего обрушится на твою голову, а блуд обернётся саваном для тебя. Будь проклята, дочь порока, будь проклята навсегда! Как слеп мой сын и великий хан! Они не видят, несчастные, кого допустили до своего сердца!

Сэрби-ханум неумолимо надвигалась на молодую женщину, протягивала вперёд жадно скрюченные пальцы, готовясь вцепиться в незащитное горло невестки. Она мощным телом перекрывала спасительную дверь, и испуганная Нурсолтан, вынужденная отступать под яростным натиском, спустя мгновение почувствовала, как спина упёрлась в покрытую горячими каплями стену. Мать Халиля с перекошенным от гнева лицом шагнула к невестке, зажатой в угол, замахнулась, и вдруг лицо побагровело ещё больше. Тучная женщина хватанула беззвучным ртом раскалённый воздух парилки и медленно осела на деревянные плахи, которыми был выложен пол.

Нурсолтан растерянным взглядом окинула распростёртое тело, но в следующее мгновение ноги уже несли молодую женщину к дубовым дверям. Она рассердилась, застав служанок за бездельем и сплетнями.

– С вашей ханум случилось несчастье. Не стойте же, как бесчувственные пни, бегите за знахаркой! А вы помогите мне вынести Сэрби-ханум, госпоже нужен свежий воздух! Да пошевеливайтесь, каждая минута дорога!

Нурсолтан вздохнула с облегчением, лишь когда в раздевальне появилась знахарка. Её уверенные распоряжения всех привели в чувство. Старшую госпожу обернули в покрывала и понесли на женскую половину, где больную ожидал таиб, допущенный до лечения ханской семьи. А Нурсолтан отправилась в свои покои. Там в тиши и спокойствии она хотела разобраться в свалившихся на неё несчастьях, но прежде отправила невольницу к Сэрби-ханум выяснить, как чувствует себя почтенная госпожа. Невольница вернулась с неожиданным сообщением: таиб сообщил, что Сэрби-ханум хватил удар, и она едва могла шевелиться и говорить.

Нурсолтан отправилась на поиски мужа, понимая, как необходимо ему сейчас участие и сочувствие. Она нашла солтана Халиля в саду. Наследник ханского престола показался ей тихим и спокойным, только печаль и тоска вновь засветились в его глазах. Ей был знаком этот отрешённый вид, эта устало согнутая спина, это нежелание жить и бороться. Сейчас солтан был похож на себя прежнего, того, каким он был полгода назад до встречи с Нурсолтан. Скрываясь за пышно расцветшими кустами, молодая женщина в отчаянии кусала губы. Неужели всё тщетно: долгие беседы, бесконечные приёмы, устраиваемые ханом-отцом, их общие усилия помочь Халилю обрести уверенность в себе, заставить мыслить как государственного мужа, будущего правителя. Стоило произойти очередному несчастью, как Халиль опять замкнулся в себе, в своих переживаниях.

Нурсолтан поймала себя на мысли, что не может выйти из убежища и предстать перед мужем. Обвинения, брошенные ей в лицо матерью солтана, словно пудовые гири, приковали ноги к земле. Что если и до Халиля дошли эти нелепые слухи, и из-за них, а не из-за болезни

матери, находится молодой солтан в таком состоянии. Хан Махмуд никогда не простит ей этого! Какой позор! Позор, в котором она совсем не виновата, а оттого не находит слов в своё оправдание. Нурсолтан так и не поняла, какая сила вынесла её навстречу Халилю, она опустилась на колени перед мужем. Сейчас молодая женщина сама отчаянно нуждалась в утешениях, какие он ждал от неё. Полными слёз глазами Нурсолтан глядела в лицо мужа, ждала проклятий, презрения или прощения... А Халиль вдруг опустился на колени рядом с ней и молча уткнулся в плечо жены. Она ощутила, как горячие слёзы смочили шёлковую материю кулмэка, а ухо обжёг торопливый шёпот:

– Нурсолтан, моя мама... она не умрёт?

Внезапное облегчение снизошло на молодую женщину, она притянула к себе лицо мужа, тихими поцелуями осушая его слёзы:

– Аллах не допустит этого, Халиль, мы будем молиться за неё!

А про себя думала другое: «О, благодарю тебя, Всевышний, за то, что грязные слухи не дошли до моего супруга. Прошу, будь милосердным ко мне и дальше! Не допусти, чтобы зло восторжествовало!»

Глава 15

Наутро Нурсолтан была приглашена в покои повелителя. Впервые она ступила на порог ханской приёмной со страхом в сердце. Что ждало её за этой дверью: град обвинений и оскорблений, таких же, какими наградила свою невестку казанская ханум, или душевная беседа дочери с отцом, какая происходила между ними до сих пор?

Старый хан встретил её, как всегда, радушно. Поинтересовался здоровьем. Нурсолтан отвечала еле слышно, боясь поднять глаза на правителя, и хан Махмуд сразу почувствовал эту перемену, произошедшую с невесткой.

– Тебя что-то беспокоит, дочь моя? Может быть, хочешь поговорить, прежде чем мы займёмся делами, ради которых я пригласил тебя?

Участливые слова старого хана заставили Нурсолтан ещё сильнее сжаться в канапе, словно она ожидала пощёчины. С великим трудом заставила она себя вскинуть глаза на отца Халиля.

– Повелитель... я...

Запутавшись в собственных словах, она беспомощно уронила край кисейного покрывала, который до этого нещадно теребила в своих руках. Нежданные слёзы хлынули из глаз, заставляя ощутить себя самым несчастным существом на свете.

Хан Махмуд с тяжёлым вздохом поднялся со своего места, заложил руки за спину, в задумчивости прошёл по своей приёмной, давая молодой женщине время справиться со своими слезами.

– Я не хочу ни о чём расспрашивать тебя, Нурсолтан, – остановившись рядом с невесткой, медленно проговорил он. – Однажды открыв перед тобой двери доверия, я не закрою их сейчас. Ты напрасно мучаешь себя, твои сомнения делают тебя слабой, а тебе нельзя быть слабой. Ты должна быть сильной вдвойне – и за себя, и за Халиля. Ты всегда должна помнить об этом, Нурсолтан! Ложь и клевета отравляют нашу душу. Они делают жизнь невыносимой, но ты должна быть выше этого. Посмотри на меня, девочка моя! – Хан властной рукой заставил Нурсолтан вскинуть залитое слезами лицо. – Я никогда больше не должен видеть этих слёз! Я приказываю тебе быть сильной!

И невольно подчиняясь властному голосу хана, Нурсолтан поднялась с канапе, ощущая, как начинает гореть лицо от внезапно высохших слёз. Она отёрла лицо руками, движением этим разом останавливая и дрожание губ, и всхлипы, вырывавшиеся из пересохшего горла.

– Скажите мне только одно, повелитель, как спастись от превратностей судьбы? Что мне делать, если слухи эти, подобно отравленному смраду, дойдут до супруга моего – солтана Халиля?

Голос её был взволнованным, и хан, стараясь успокоить её, взял руку Нурсолтан в свои узловатые твёрдые ладони.

– Халиль, моя девочка, совсем не глуп. Если слухи и дойдут до него, он никогда не поверит в эту ложь. А ты укрепи свою душу и не бойся ничего, – хан Махмуд кивком головы указал Нурсолтан на канапе, снова приглашая её присесть. – Сегодня утром я распорядился отправить солтана Ибрагима в инспекцию по даругам³⁰. Думаю, до конца года мы едва ли увидим младшего солтана в столице. И сделал я это не только ради того, чтобы пресечь сплетни, я желаю, чтобы Ибрагим был как можно дальше от Казани. Он слишком опасен для Халиля, он – сильный соперник! А я всё чаще чувствую дыхание смерти. Однажды ночью я могу не проснуться, и тогда Нурсолтан от тебя потребуются большая сила воли, чтобы довести всё задуманное нами до конца.

³⁰ Даруга – область, провинция.

– Но, мой хан, не слишком ли много вы требуете от меня, я всего лишь женщина.

– Ты будешь не одна, хочу познакомить тебя с твоим союзником. С человеком, в которого я верю, с человеком, который, как и я, желает видеть Халиля на казанском троне. И я думаю, что в вас обоих, если вы будете действовать сообща, есть сила, способная справиться с любым злом.

Нурсолтан, заинтригованная словами старого хана, поднялась со своего места.

– Кто же этот человек, мой господин?

Хан Махмуд улыбнулся:

– Ты должна его помнить, моя девочка. Хочу сказать, что по твоей вине он чуть не лишился головы и провёл некоторое время в опале. Но это не изменило ни его души, ни его верности мне и моему сыну Халилю.

Хан хлопнул в ладоши, призывая нукера, дежурившего за дверью приёмной:

– Пригласите моего гостя!

Во все глаза смотрела Нурсолтан на распахивающиеся створки дверей, а за ними оказался бек Шептяк. Она почувствовала, как подпрыгнуло её сердце в груди. Этого человека она когда-то винила во всех своих бедах. Это он, как чёрный коршун, явился за ней в Ногайскую степь и вырвал из рук Менгли. Это он решил, что дочь Тимера Нурсолтан должна стать женой солтана Халиля. Но она не могла не признать правоту слов хана Махмуда. Этот человек был предан Халилю, и он со своим изворотливым умом и силой воли мог стать надёжной опорой и будущему повелителю, и ей, будущей ханум.

Бек Шептяк поприветствовал своего господина и почтительно склонился перед Нурсолтан:

– Я счастлив видеть вас, дочь могущественного Тимера, в добром здравии.

Нурсолтан заставила себя улыбнуться:

– И я приветствую вас, уважаемый бек. Надеюсь, теперь мы будем видеться чаще.

Бек Шептяк огладил крашенную хной бородку, с удовлетворением отмечая изменения, произошедшие в Нурсолтан. Печальная красивая девочка, которую он привёз полгода назад из далёких степей, преобразилась в полную жизненных сил, уверенную в себе молодую женщину. Женщину, которая расцвела и похорошела ещё больше. Старый дипломат тонким чутьём угадал и лёгкую неприязнь прошлого за доброжелательной фразой молодой женщины и мирившееся с этой неприязнью желание стать его союзницей. Он ещё раз с почтением поклонился молодой госпоже:

– Я тоже надеюсь, госпожа, что мы будем видеться чаще. И наши встречи послужат во славу общего дела.

А про себя подумал, не отводя от Нурсолтан внимательных глаз: «И может быть, тогда чёрные тени прошлого отступят прочь! Открывши чернильницу милостей, в неё следует налить чернила доброжелательства. Прекрасная солтанша не может не понимать этого».

И Нурсолтан продолжала улыбаться беку:

– Я готова встретиться с вами в любое время, уважаемый Шептяк-бек. Мне хотелось бы больше узнать о наших врагах и друзьях. Коли волею судьбы я вовлечена в вашу борьбу, то желаю знать о ней всё.

– Пусть всё так и будет, прекрасная госпожа. – Царедворец склонился в новом поклоне. – Пусть наши враги окажутся в бездне, а мы наверху достойного положения.

– Так и будет, – тихо ответствовала Нурсолтан. Она оборотилась к задумавшемуся хану: – Повелитель, прошу разрешения удалиться. Я обещала моему супругу посетить с ним строящееся медресе. Это дело вы поручили солтану, и он очень ответственно относится к нему.

– Да, медресе, выстроенное на деньги солтана и при его горячем участии, поможет склонить на сторону Халиля духовенство, я очень надеюсь на это.

Хан заложил руки за спину и шагнул к стрельчатому проёму окна, украшенному богатой каменной резьбой. Из этого окна хорошо проглядывалась главная мечеть города, рядом с которой пристраивалось медресе.

– Ты можешь идти, Нурсолтан. Моему сыну не мешает заниматься делом, чтобы грустные мысли о болезни матери оставили его.

Боль, явственно прозвучавшая в последних словах хана, остановила молодую женщину у дверей приёмной. Она в нерешительности замялась, вновь почувствовав себя виноватой. Несмотря ни на что, Нурсолтан считала себя невольной виновницей болезни ханум, болезни, которая причинила боль не только Халилю, но и самому хану.

– Мой господин, – решившись, робко промолвила она.

Хан Махмуд оборотился к молодой женщине, нахмурился:

– Ты ещё не ушла?

– Повелитель, – набрав для смелости больше воздуха в лёгкие, Нурсолтан выпалила одним духом. – Несчастье, которое случилось с Сэрби-ханум, в нём виновата я. Как же мне дальше нести бремя вины?

– Я просил тебя, Нурсолтан, выкинуть из головы всё, что не касается благополучия моего сына. Я просил не вести счёт болячкам и упрекать себя за чужие ошибки!

Голос старого хана зазвенел и даже Шептяк-бек, ставший невольным свидетелем разговора, отступил в тень шёлкового балдахина. Нурсолтан склонила голову, но от хана не укрылось, что этим своим жестом она не выражала покорность, а лишь пыталась скрыть от властителя своё несогласие с его словами. Хан Махмуд шагнул к невестке, резким движением руки заставил её вскинуть голову, прищурившись, взгляделся в потемневшую синь женских глаз:

– Никто не смеет перечить мне, Нурсолтан! Я приказал тебе оставить свои сомнения, я желаю, чтобы ты думала только о Халиле...

– Но я и думаю о нём!

Высокий голос женщины прервал хана, и тот замолчал от неожиданности. За последние годы хан Махмуд не помнил, чтобы кто-нибудь посмел прервать его речь. Он не успел решить, что ему предпринять в этой непростой ситуации, а Нурсолтан, вновь опережая его мысли, продолжила:

– Халиль слишком привязан к своей матери. Сегодня мне целый час пришлось утешать его и уверять, что Сэрби-ханум выздоровеет. Но посмотрим правде в глаза, повелитель. Ханская баня в момент несчастья была полна народа. Я сама видела, с каким удовольствием прислужницы смаковали нашу ссору. Госпожа была так несдержанна. Думаю, её крики и обвинения достигли ушей самой последней рабыни. Я не могу быть уверена, что до Халиля не дойдут все эти сплетни. И я не уверена, что Халиль не обвинит меня в болезни своей матери. А если ханум умрёт, он может никогда не простить меня. Я не хочу слушать ваших утешений и уверений, что все сплетни до одной умрут в головах прислужниц, не выйдя на свободу. Я желаю знать: надёжно ли вы скрыли кувшин злоречивых сплетен или уже завтра ненадёжная глина разлетится на куски, и рой слухов вырвется на свободу? Пока я не буду спокойна на этот счёт, я не смогу вершить задуманные вами дела.

Шептяк-бек, чувствуя, как подкашиваются его ноги, неслышно опустился на край саке. «О Аллах всемогущий! – пронеслось в его голове. – Хан сейчас убьёт дерзкую или прикажет немедленно сослать её!»

И почтенный государев муж, за свою долгую жизнь не только преуспевший на поприще дипломатии, но и не раз водивший воинов в набеги, в жестокие кровавые битвы, закрыл от страха глаза.

В звенящей тишине лишь спустя какое-то время раздались тяжёлые шаги хана, а затем послышался его глухой, словно надтреснутый голос:

– Может быть, ты и права, Нурсолтан, я предпринял слишком мало для того, чтобы заткнуть десятки бабьих ртов, жадных до всяких скандалов. Одних моих указаний и приказов может быть недостаточно. В одном ты можешь быть уверена: ни одна из этих женщин не покидала пределы гарема. Такой приказ был дан главному евнуху.

– Если бы мой господин позволил мне высказать своё мнение, – тихо произнесла Нурсолтан, решившаяся, наконец, отойти от дверей.

– Говори, – не поворачивая к ней головы, коротко приказал хан Махмуд.

– Я бы просила отослать рабынь в отдалённые имения, туда, где до них не смогут добраться наши враги. Мы должны быть уверены, повелитель, что слова, которые они хранят в себе, не будут использованы нашими врагами. И ещё, всемогущий хан, прошу разрешения рассказать обо всём мужу. Я хочу рассказать солтану Халилю всю правду, потому что мне не в чем винить себя, кроме того, что я не смогла вовремя найти слов примирения с Сэрби-ханум.

– Но это невозможно, Нурсолтан, ты противоречишь самой себе!

– Нет, мой господин. Я просто хочу предупредить любые отголоски слухов, которые принесут с собой злую и коварную ложь. Я хочу, чтобы солтан Халиль умел выдерживать удары судьбы, в том числе клевету и ложь! Если солтану суждено стать правителем Земли Казанской, он не может вечно прятаться за нашими спинами. Поверьте, я всё сделаю для того, чтобы не ранить его. Я верю, Халиль всё поймёт, и тогда слова завистников и недругов, если они вдруг дойдут до него, превратятся в одну большую ложь, которую не примет ни его сердце, ни ум.

В приёмной хана опять воцарилось молчание. Нурсолтан всё ещё стояла, опустив голову в ожидании решения повелителя, когда казанский господин, коротко переглянувшись с беком Шептяком, наконец кивнул головой:

– Хорошо, я даю своё согласие и полностью доверяюсь в этом деле тебе, Нурсолтан. А теперь ступай, Халиль должно быть, заждался тебя.

Когда за молодой женщиной закрылась дверь, хан Махмуд повернулся к своему верному советнику:

– Не устаю восхищаться этой девочкой! Сколько в ней отваги, ума и рассудительности, а ей ведь только исполнилось шестнадцать! Что же за кладезь ума откроется в ней спустя десять, двадцать лет?

– Согласен с вами, мой повелитель. – Шептяк-бек склонился перед старым ханом. – С этой женщиной солтан Халиль сможет стать великим правителем!

Глава 16

Солтан Ибрагим инспектировал ханские даруги седьмой месяц, а хан-отец всё не спешил отзываться его в столицу. Ибрагим свирепел от одной только мысли, что он не имеет права вернуться в Казань без повеления отца. А между тем в столице ханства в любой момент могло произойти событие, которое он ждал много лет. Даже в самых отдалённых городках местные беки и мурзы поговаривали о том, что старый хан тяжело болен, и бывало, придворные не видели своего господина несколько дней. Ибрагим понимал, как важно в момент смерти отца оказаться в Казани. Только тогда он мог рассчитывать на успех, только тогда у него появлялся шанс надеть на свою голову Ханскую шапку. Если же он вернётся в столицу, когда карачи признают своим повелителем солтана Халиля, бороться с законным правителем будет гораздо сложнее. В такой битве легко потерять голову, а своей жизнью Ибрагим дорожил.

Желая смягчить упрямый нрав отца, Ибрагим слал хану Махмуду пространные письма-отчёты о своём пребывании в Алатуре, Чалыме, с неизменной просьбой в конце: прошу разрешить посетить Казань, чтобы увидеться с женой и детьми. Но ни видимая покорность Ибрагима, ни его просьбы не смягчали решения Махмуд-хана держать младшего сына подальше от столицы.

В конце осени скучавшему в Чалыме солтану пришёл приказ: посетить городок Мухши, где правили местные мордовские князья. И Ибрагим, скрепя сердце, отправился к северной границе ханства. В Мухши его застала слякотная осень и распутица, и он пробыл там ещё один долгий месяц. Солтан Ибрагим проклинал серую скучную провинцию, свою бездеятельность, от которой тупел ум, воспитанный в каждодневной борьбе и хитроумных интригах.

Как только установились зимние дороги, солтан направил своего коня в имение Ак-Таш, там проживала его мать – Камал-бикем. Ак-Таш находился в двух днях пути от Мухши, в землях, подвластных казанцам чувашей. Имение, подаренное ханом-отцом своей второй жене, окружали обширные угодья и два аула, в которых смешалось разноязыкое население Казанского ханства. Когда-то Камал-бикем похвалялась богатым даром своего мужа, но вскоре Ак-Таш стал для неё местом ссылки, откуда ей строго-настрога запрещалось выезжать. Так хан Махмуд наказал жену за её горячее желание сделать своего единственного сына Ибрагима наследником казанского трона в обход старшего брата Халиля. Но наказание не остудило амбициозных желаний бикем. Разлучённый с матерью в двенадцатилетнем возрасте солтан Ибрагим постоянно получал от неё письма. Опытная в интригах Камал-бикем слала свои письма двумя путями. Одни приходили в руки юного солтана через канцелярию хана – это были обычные послания заботливой матери, интересующейся здоровьем своего мальчика и его успехами в учёбе. Совсем иными были письма, которые подкидывались рукой неизвестных посланников под дверь солтана. В них Камал-бикем неустанно напоминала своему мальчику о его происхождении и претензиях на казанский трон. Когда Ибрагим стал старше, мать стала называть в своих письмах имена влиятельных вельмож, к кому мог обратиться молодой солтан, как к своим единомышленникам. Ни Камал-бикем, ни Ибрагим не знали, что часть этих писем перехватывались тайными соглядатаями хана, но даже те редкие весточки, которые доходили до молодого солтана, действовали как взрыв пороха.

Повзрослев, солтан Ибрагим неоднократно навещал свою мать. Он не докладывал об этом отцу, не желал вызвать его недовольства и категорического запрета. Короткие эти встречи влекли его с особой силой. Мать была для него путеводной звездой, она была самым верным союзником и единомышленником. Рядом с ней Ибрагим забывал об осторожности, он мог высказывать самые крамольные мысли, получая взамен живейшее участие и неординарные советы, которые так и роились в голове Камал-бикем. Тайная борьба, которую вёл солтан последнее время, отнимала слишком много времени, и у Ибрагима не было возможности часто

видеться с матерью. Последний раз он видел её полтора года назад, теперь же не мог не воспользоваться случаем навестить Камал-бикем.

Когда морозным зимним утром неуютный городок Мухши с низкими, приземистыми постройками, припорошенными первым снегом, остался позади, Ибрагим расправил плечи. Никому, даже себе он не мог признаться, как презирал и ненавидел этих местных князьков, в окружении которых вынужден был жить последние месяцы. Но и перед ними он вынужден был играть роль участливого, доброго господина, справедливо решающего все их мелкие споры и неурядицы. Теперь всё это было позади, а впереди его ждала встреча с матерью, с которой ему не нужно было притворяться. Мысль об этом согревала солтана всю дорогу.

На второй день пути перед людьми солтана встали изящные постройки Ак-Таша, дремавшего в окружении заснеженного сада. Солтан Ибрагим был удивлён отсутствием стражи, которая всегда встречала его у кованых ворот. Проследовав по занесённым снегом дорожкам к главному входу, солтан вошёл в дом. К покоям матери вела лестница, застеленная пёстрым бухарским ковром, обеспокоенный Ибрагим буквально взлетел по ней. Отсутствие людей и необычная тишина в доме пугали и беспокоили его. Но в комнатах бикем он услышал неясный шум и женские голоса. Распахнул двери и тут же оказался в объятиях матери. Камал-бикем властным окриком отослала прислужниц, упаковывающих кожаные сундуки. Ухватив сына за руку, мать как маленького потянула его за собой, вглубь комнаты.

– Мальчик мой, сам Аллах прислал мне тебя. Ты сможешь сопровождать меня до Казани?

– До Казани?! Я не ослышался, многоуважаемая бикем?

– Бикем? – Женщина презрительно дёрнула плечом. – Держи выше, мой дорогой Ибрагим-солтан, уже полмесяца как я – казанская ханум!

– О чём вы говорите, мама?

– Не знаю, откуда ты прибыл, мой любимый сын, но важные вести обошли тебя стороной. Пошёл двенадцатый день, с тех пор, как в столице скончалась Сэрби-ханум, и теперь я стала законной ханум. Смерть соперницы открыла мне двери, которые когда-то захлопнул мой муж. Законная ханум должна проживать в Казани, рядом со своим облечённым властью супругом. Хан Махмуд забыл меня об этом уведомить, но я сделаю ему подарок, появившись в Казани. Этот безмозглый оглан Агиш не пожелал повиноваться мне и сопроводить с почётной охраной в столицу. Мне пришлось прогнать верного пса моего супруга и пригрозить ему зинданом, как только я вступлю в свои законные права. Я всё утро ломала голову, как мне уехать из Ак-Таша без охраны, как наш всемогущий небесный Покровитель, вечная слава Ему, услышал мои молитвы и послал мне тебя. Под охраной своего сына-солтана я въеду в ворота Казани с особым почётом. Желаю, чтобы мой въезд был самым роскошным из тех, что когда-либо видели казанцы. Пусть видят все: я не просто казанская ханум, я – мать будущего хана!

– О мама, ваши слова слаще халвы! Давно я не слышал новостей столь радостных и приятных моему сердцу. Но я не так отважен, как вы. Хан не давал мне разрешения возвращаться в Казань. Как он посмотрит на то, если я появлюсь в столице?

Камал-ханум задумалась, постукивая ножкой в изящной парчовой туфле по толстому зелёному ковру. Наконец, она решительно потрянула маленькой головкой, увенчанной копной всё ещё густых и прекрасных волос:

– Ты верно рассудил, сын, не время ещё перечить хану! Я слышала, наш всемогущий повелитель болен и слаб, но карачи по-прежнему безоговорочно слушаются его. Видно, сказывается многолетняя привычка. Махмуду не трудно будет уничтожить тебя за непослушание, он всегда обладал сильной волей и был необуздан в своём гневе. Это просто счастье, что солтан Халиль не обладает и половиной характера моего дорогого супруга. Решено, сын, ты проводишь меня до Алатура. Местный бек обязан мне многим, он и даст мне охрану до Казани. А ты останешься в Алатурской крепости и будешь ждать моего гонца. Я буду слать тебе вести из ханского дворца. А когда пошлю тебе вот этот перстень, – Камал-ханум указала на массивный

перстень с кровавым рубином, украшавший её смуглую руку. – Ты должен будешь день и ночь, меняя коней, мчаться в столицу. От быстроты твоего приезда будет зависеть многое!

Госпожа поднялась, громко окликнула рабынь:

– Эй, бездельницы, подайте обед могущественному солтану и позаботьтесь, чтобы и его люди были накормлены. После полуденной молитвы мы должны отправиться в путь.

В конце месяца зуль-каада 870 года хиджры³¹ ослабевший хан Махмуд, не покидавший своего ложа, принимал свою супругу. Он не видел матери Ибрагима больше десяти лет, и нашёл, что время не пощадило новую хозяйку гарема. Тридцативосьмилетняя женщина погрузнела, потеряв стройность стана и юную округлость лица. Но неизменными остались чёрные раскосые глаза и густые брови, сросшиеся на переносице. И голос остался всё тот же – голос властной женщины, не терпящей узды. Годы ссылки совсем не изменили её души, и для этого хану совсем не обязательно было заглядывать в глаза второй жены и разговаривать с ней. Уже много лет он вёл с ней безмолвный разговор, когда читал очередное тайное послание Ибрагиму. Он упрекал свою жену за вероломство, за нежелание смириться с действительностью. Вспылив, он дважды пытался сделать заключение Камал более жёстким и невыносимым, но каждый раз останавливался, не желая причинять боли Ибрагиму. Она ничего не знала об этом, и не испытывала страха перед наказанием, которое не раз нависало над её неразумной головой. Как хотелось хану Махмуду швырнуть ей в лицо эти письма, хотелось взглянуть, как поведёт она себя, узнав, что он всё знает о заговоре, который возглавляет Камал. Но болезнь отняла последние силы, и хан ничего не желал, – только лежать, не двигаясь, пока терзающая боль не накинется на старое усталое тело.

Он молча слушал речи новой ханум, как всегда, полные яда и иронии. Камал нашла тысячу неполадок во всех порядках, какие царили в гареме при Сэрби-ханум. Для начала она желала перестроить комнаты, набрать новый штат евнухов и прислужниц и распродать наложниц, которые, с улыбкой заметила она, лишь напрасно едят лепёшки с ханского стола. Махмуд не желал спорить со сварливой женщиной, в запасе у которой всегда была сотня жалящих слов, на случай если ей начинали противоречить. Десять лет назад у него были силы призвать её к порядку, сейчас же он был слишком болен, а его измученное приступами сердце не позволяло даже повысить голоса. Он устало махнул рукой, позволяя ей навести свой порядок. Как бы он этому не противился, но Камал стала казанской ханум и имела право быть полноправной хозяйкой в гареме.

Новая ханум покинула покои повелителя с улыбкой на губах. Она приходила сюда с одной целью: узнать, так ли силен её венценосный супруг и каково истинное состояние его здоровья. Увиденное превзошло самые лучшие ожидания госпожи.

А хан, оставшись один, смежил опухшие веки. Ему хотелось только одного: «спать!». Жизнь превращалась для него в одну длинную, мучительную ночь, полную боли и кошмаров. Спустя ещё четыре дня ранним зимним утром гонец от Камал-ханум оседлал горячего жеребца и направил его к городским воротам, ведущим в Алатур. На груди гонца, в кожаном мешочке, находился перстень с рубином. Для Ибрагима-солтана этот знак означал одно: хан Махмуд отправился к вратам Аллаха, и ханум Камал ждала своего сына в Казани.

³¹ Декабрь 1466 года.

Часть 2

Глава 1

В морозное утро 15 дня месяца мухаррам 871 года хиджры³² всё население столицы, от мала до велика, высыпало на улицы. Народ ожидал грандиозного зрелища. На площади разожгли костры, чтобы желающие могли погреться. Но таких находилось немного, все боялись пропустить начало церемонии и, несмотря на крепчающий мороз, притоптывали на месте валяными галошами³³. В толпе среди простого люда, одетого в овчинные тулупы, нарядными бешметами выделялись купцы и владельцы аулов, сотнями приехавшие в эти дни в столицу. Среди доброжелательно настроенных людей можно было заметить мирно беседующего кузнеца с казаком, и степенного муллу, перебиравшего озябшими пальцами чётки, он благосклонно кивал в знак согласия восторженным речам уличного торговца. Вездесущие мальчишки, подставляя друг другу спины, обтянутые ветхими тулупчиками, ухитрялись забраться на высокие ограждения. Оттуда, щебеча, как стайка взбудораженных воробьёв, они громко объявляли обо всём, что открывалось их взору. А все вокруг обсуждали только одну, главную новость дня: сегодня наследник покойного повелителя солтан Халиль вступал в законные права хана Казанской Земли. И вскоре в главной мечети города должна была произойти церемония «хан кутэрмэк»³⁴.

Главная мечеть города уже наполнилась лицами духовного звания – хафизами³⁵, муллами и даншимендами³⁶. Среди их строгих белоснежных чапанов яркостью и богатством одежд выделялись знатнейшие вельможи ханства – беки и мурзы. От яркой радуги разноцветного бархата, шелков, дорогих мехов, искрящихся в свете многочисленных свечей, драгоценных камней, в изобилии усыпавших одежды знати, рябило в глазах. Нурсолтан, волнуясь, оглядывала стройные ряды будущих своих подданных, взгляд задержался на четырёх карачи, стоявших во главе праздничной толпы. Они – отпрыски знатных золотоордынских родов, решили на днях судьбу солтана Халиля. Они и сеид Мухаммад, взошедший в эту минуту на высокий помост, чтобы оттуда провозгласить праздничную хутбу³⁷. Нурсолтан оправила одежды, проверила, достаточно ли плотно прикрыто лицо. Сегодня она впервые с особой тщательностью выбирала свой наряд, ей пришлось приказать служанкам нанести больше белил на лицо, чтобы скрыть румянец волнения. Но содержимое никаких баночек и коробочек из москательной лавки не могло скрыть счастливого, победного блеска её глаз. Ощущение полного триумфа приводило её в такой восторг, что молодой женщине хотелось смеяться без умолку и делиться со всеми окружающими своим счастьем. Только ей и ещё Шептяк-беку было известно, каких невероятных усилий стоило то, что должно было произойти через несколько минут в главной мечети города.

В мыслях Нурсолтан всплыл весь этот суматошный бессонный месяц, месяц, начавшийся с кончины всемогущего повелителя. Ей не удалось достойно оплакать смерть близкого человека, с первого же дня пришлось вступить в жесточайшую борьбу с вездесущей ханум Камал. Направляемая Шептяк-беком, Нурсолтан заручалась поддержкой карачи, знатных вельмож,

³² Февраль 1467 года.

³³ Валяные галоши одевались поверх ичиг или же суконных или холщовых чулок (тула оек) в зимнее время.

³⁴ Хан кутэрмэк – букв: поднять хана. Церемония восшествия хана на престол, идущая из времён Чингиз-хана.

³⁵ Хафизы – профессиональные чтецы Корана.

³⁶ Данишменды – учителя, наставники.

³⁷ Хутба – проповедь.

сеидов и мулл. Одним обещались богатые дары, другим – земли, третьим – тарханные ярлыки для повзрослевших сыновей. Нурсолтан помогало то, что благодаря звериному чутью старого дипломата она всегда на один шаг опережала людей ханум Камал и солтана Ибрагима. Результатом этой скрытой и напряжённой борьбы стало последнее заседание казанского дивана, где трое из четырёх эмиров и сам казанский сеид избрали своим ханом солтана Халиля. И лишь один член дивана – карачи Абдул-Мумин заявил о своём протесте. Помогло солтану Халилю и то, что мнение большинства дивана сложилось ещё при жизни хана Махмуда. Покойный правитель за время своего двадцатилетнего царствования приучил карачи во всём соглашаться с его мнением. А хан Махмуд назвал своим наследником и преемником казанского трона солтана Халиля. Чувствуя за спиной незримую тень бывшего господина, члены дивана покорились воле покойного Махмуда.

Немалую поддержку оказал и казанский сеид Мухаммад. Почтенный старец не забыл заслуг молодого солтана, выстроившего на свои деньги ханаку³⁸ для дервишей и медресе при главной мечети. Сегодня Нурсолтан с благодарностью вспоминала мудрого повелителя, который поручил сыну эти угодные Аллаху и его служителям дела. Вспоминала она, как часто хан заставлял Халиля выезжать на улицы города, где солтан принимал от казанцев жалобы. С разбором дел не задерживались, жалобщики призывались во дворец, где молодой солтан вместе с супругой творил справедливый суд. Особо сложные дела отправлялись на суд главного кадия, а иногда и самому хану. И жалобщики, казанцы из бедных слоёв населения, благодарили наследника за отзывчивое и доброе сердце, радуясь уже тому, что жалоба достигла подножек трона и была услышана всемогущим повелителем. Сейчас этот простой люд, заповнивший площадь Кремля и все примыкавшие к ней улочки, выкрикивал бесконечные здравицы в честь будущего хана и наполнял сердца вельмож, толпившихся в мечети, уверенностью в правильном выборе. Халиль вступал на казанский трон, любимый простым народом и признаваемый всемогущими карачи.

Когда в мечеть в сопровождении ближайших родственников по мужской линии вошёл солтан Халиль, по обширному залу прокатился одобрителный гул. Будущий повелитель выглядел как никогда уверенным в себе и сильным. Он был невысок, но прямой стан и красиво посаженная голова компенсировали этот недостаток. Старейшие беки и мурзы, знававшие хана Махмуда в молодые годы, улыбаясь, с одобрением твердили друг другу:

- Он так похож на всемогущего повелителя!
- Благодарение Аллаху! Сын весь в отца...
- Аллах да пребудет с ним!

Нурсолтан от волнения привстала на цыпочки, чтобы разглядеть продвижение мужа среди толпы доброжелательно настроенных вельмож. Она не пропустила ни одного действия из церемонии избрания хана, гордилась и радовалась вместе со всеми. И уже с небольшого балкона, откуда все высокородные женщины наблюдали за церемонией, Нурсолтан видела, как четыре эмира золотоордынских родов подняли хана на золотой кошке над своими головами и понесли на площадь. Она услышала, как многотысячная толпа взревела от восторга. А вдали от неё над головами людей плыл избранный ими хан, осыпая головы своих подданных монетами.

По щекам Нурсолтан катились слёзы радости, которые она не в силах была сдержать:

– Благодарю тебя, всемогущий Аллах! Благодарю тебя, Земля Казанская! Благодарю за свершившееся!

За празднествами, длившимися целый месяц, начались будни. С приходом к власти нового хана ничего не изменилось в жизни Казанского государства. Повелитель Халиль во всём следовал политике отца. В ханстве царил мир, процветала торговля, и вельможи, избравшие Халиля ханом, остались довольны своим выбором. Первый гром прогремел ранней вес-

³⁸ *Ханака* – приют.

ной, когда перед казанским диваном встал вопрос о замужестве вдовствующей ханум Камал. Минул идда – срок, по истечении которого Камал-ханум могла выйти замуж во второй раз. По обычаям предков, вдову брал в жёны брат покойного. В случае с Камал-ханум это был младший брат Махмуда – хан Касим, правивший на Мещере. Казанский диван решил дать за ханум земли, находящиеся на границе с Касимовским княжеством. И дело было уже решено, но к общей досаде слово взял давний союзник Камал-ханум карачи Абдул-Мумин.

Когда поднялся этот сухощавый чернобородый эмир, Нурсолтан, присутствовавшая на том заседании, внутренне сжалась. Она не забыла, что карачи Абдул-Мумин единственный из всех членов дивана не поддавался на дипломатические уловки Шептяк-бека. Он с самого начала был против возведения на престол солтана Халиля и не скрывал своей неприязни к новому хану. Нурсолтан чувствовала, за его спиной незримой стеной вставали опасные соперники – вдовствующая ханум и солтан Ибрагим.

Эмир Абдул-Мумин, окинув присутствующих хитрым прищуром узких глаз, иронично произнёс:

– Мы забыли о главном, о почтеннейшие и мудрейшие сыны Земли Казанской. Мы отдаём хану Касиму вдовствующую ханум, потому что он является родным братом покойного хана. Но мы забыли, что хан Касим, как и хан Махмуд, – сын великого Улу-Муххамада. Когда-то, как младший сын, он вынужден был уступить казанский улус старшему брату и довольствоваться уделом, подаренным князем урусов, – голос эмира окреп. – Касим прожил в своём уделе двадцать лет, но от этого не перестал быть сыном хана Улу-Мухаммада, а значит претендентом на казанский трон. Если милосердный Аллах донесёт мои слова до ваших ушей, то услышите меня!

В Малом Круглом зале, где традиционно заседал казанский диван, прокатился недовольный гул. Каждый из присутствующих пытался вставить своё слово, выражая возмущение. Спор становился всё более бурным, но стоило хану Халилю предложить кому-либо дать ответ дерзкому эмиру, как сразу воцарилась тишина. Казанские вельможи опускали головы под вопрошительным взглядом молодого господина, никто не желал высказаться первым. Седобородый сеид отрешённо перебирал янтарные чётки, не поднимая глаз. Хан искал поддержки, но не находил её. Каждый из знатных вельмож думал сейчас об одном: эмир Абдул-Мумин во многом прав. Хан Касим, получив в жёны Камал-ханум, может не удовлетвориться землями, предложенными ему казанским диваном. Он вправе заявить о своих претензиях на трон Казани, и в ханстве найдутся силы, которые поддержат его. А это приведёт к неизбежному расколу в стране, которая почти двадцать лет не знала внутренних разногласий, ведомая твёрдой рукой хана Махмуда. Насколько тверда рука нового повелителя, не знал никто. Многие помнили о слабом здоровье Халиля, о его болезненных приступах и неуверенности в себе.

Нурсолтан беспомощно оглянулась в поисках Шептяк-бека. Тот, как всегда, неизменно примостился за спиной диванного писца. Взгляд старого дипломата, до того неподвижный и непроницаемый, при виде молящих глаз молодой ханум ожил. Шептяк-бек, привычно огладив ладонью рыжеватую бородку, поднялся со своего места:

– Аллах да не оставит вас, уважаемые и знатнейшие из вельмож, своею милостью! Позвольте же мне сказать. Вы решили отдать Камал-ханум в жёны хану Касиму, но ещё не пришёл ответ мещёрского господина, а уважаемый эмир Абдул-Мумин уже пугает вас претензиями хана, которых может и не быть. В одном он прав: хан Касим прожил в землях урусов более двадцати лет. Он ходил в походы с русским князем, он гостит при его дворе, он и думает, как урус. Зачем ему ханство, в котором совсем иные порядки? И зачем нам хан, привыкший поклоняться неверным? Если вы открыли для речей достойного эмира Абдул-Мумина одно ухо, то откройте второе – для моих скромных слов. Мы ждём вашего мудрого решения, высокочтимые вельможи.

Одобрительный гул пронёсся по залу. Слова Шептяк-бека, казалось, успокоили всех. Зачем думать о том, чего может и не произойти. Диван завершил своё заседание, и вельможи, гася в своей душе ненужные сомнения, отправились по своим дворцам и поместьям. Один лишь Абдул-Мумин свернул с пути в его богатое имение. Он отправился в загородный дом, где эмира дожидались Камал-ханум и солтан Ибрагим. А из окна дворца за выездом строптивого эмира наблюдал Шептяк-бек. Не скрывая своей тревоги, он повернулся к царственным супругам.

– Мы напрасно считали, что самое страшное позади. Сегодня эмир Абдул-Мумин показал, мы многое упустили из виду. Мой хан, мы боролись за трон с солтаном Ибрагимом и совсем забыли про вашего дядю.

– Но вы, бек, сказали, что хану Касиму не нужен чужой улус, – не отводя глаз от своего наставника, прошептал хан Халиль.

– Мои слова, господин, должны были успокоить вельмож, заседающих в диване, но не нас.

– Шептяк-бек прав, Халиль, – Нурсолтан дотронулась горячей ладонью до руки супруга. – Хан Касим едва ли откажется от претензий на ханство, которое больше и богаче его удела. А это значит, что у нас появится ещё один соперник. И хан Касим станет очень опасен, когда в Мещеру отправится Камал-ханум. И тогда... Помогите нам, Всевышний!

Глава 2

Очередной приезд богатого каравана из Хорезма принёс Нурсолтан неожиданную радость. В подарок казанской ханум преподнесли кожаный сундук с книгами. Нурсолтан приказала ханским мастерам переделать одну из комнат женской половины под книгохранилище, она пока ещё не знала, что с этих первых книг начнётся её неуёмная тяга к великим рукописным творениям. Чтение увлекало ханум с необыкновенной силой, унося в мир мечтаний и грёз, в мир, где царила любовь, и двое влюблённых соединяли свои сердца, пусть даже у края могилы. Хан Халиль поддерживал её тягу к искусству. Казанский двор наполнился поэтами и певцами, сказителями и мудрецами, среди которых нередко происходили состязания, длившиеся до ночи. В богословских беседах с хафизами и мудрецами повелитель забывал о государственных обязанностях, тяготивших его. И, встречаясь с Нурсолтан, он желал беседовать лишь о поэзии и возвышенных искусствах, забывая об опасности, нависающей над его головой. Придворным поэтам хан Халиль преподносил подарки один роскошнее другого. А когда Нурсолтан попыталась пожурить его за расточительство, он с улыбкой ответил:

– Прекрасная моя ханум, я не желаю остаться в сердцах своих подданных правителем, подобным султану Махмуду Газнеvidу³⁹.

– Что же такого сделал этот султан? – С удивлением переспросила Нурсолтан, которую всегда поражали обширные познания супруга в поэзии, истории и прочих науках.

– Присядь, Нурсолтан.

Халиль усадил жену напротив себя и передал ей роскошно оформленную книгу. На кожаной обложке, в узорах из драгоценных камней, красовалась арабская вязь.

– Шах-наме?⁴⁰ Я читала эту книгу, её написал бессмертный Фирдоуси.

– Всё верно, любимая, и он писал «Шах-наме» двадцать пять лет. А султан Махмуд Газнеvid за эту вершину поэзии, которой восхищается не одно поколение мусульман, велел выдать поэту нищенскую плату. Когда Фирдоуси возмутился, султан пригрозил затоптать его боевыми слонами. «Чего же ждать от потомка раба?» – сказал тогда бедный поэт, бежавший от произвола правителя в соседнее княжество. Его слова и стихи, в которых он высмеивал невежественного султана, разлетелись среди простого народа. И народ стал смеяться над Махмудом Газнеvidом, прадед которого и в самом деле был рабом. В старости Фирдоуси вернулся в родной город Тус и доживал там последние свои дни в полной нищете.

– Как же так, Халиль, и никто ему не помог?

– Таковы превратности судьбы, дорогая, поэт часто не имел на ужин чёрствой лепёшки, в то время, когда все восточные страны зачитывались его поэмой, а восхищённые люди заучивали целые главы наизусть. Но однажды уже состарившийся султан Махмуд слышал прекрасные стихи, которые с упоением читал его придворный. В стихах воспевалось мужество и сила храбрых воинов. Султан спросил, кто автор этих великолепных стихов. И услышал в ответ, что это Фирдоуси, доживающий свои дни в нищете, вдали от столицы. Устыдился тогда султан, и в тот же день отправил великому поэту в награду шестьдесят тысяч золотых монет. Но, как гласит предание, когда в одни ворота города Туса входил караван, везущий награду Фирдоуси, из других ворот выносили на погребальных носилках его тело. Великий поэт так и не дождался награды при жизни.

Глаза Нурсолтан горели, как две звезды, увлажнённые искрящимися слезинками, она протянула руки к Халилю, взяла его ладонь и тихо прошептала:

– Я читала слова, которые сказал Фирдоуси о своей поэме, ты помнишь их, Халиль?

³⁹ Махмуд Газнеvid – правитель Персии (Ирана), конец X – начало XI века.

⁴⁰ «Шах-наме» – «Книга царей».

– Да, – отвечал молодой хан. – Он говорил: «Я воздвиг своей поэмой высокий замок, который не сокрушат ни ветер, ни дождь. Годы протекут над этой книгой, и всякий умный будет её читать, я не умру, я буду жить, потому что посеял семя словесное...»

– О! Я не слышала слов более мудрых, мой господин. Он был провидцем, этот великий Фирдоуси! Но как много знаете вы! – С ещё большим восхищением добавила она.

Заражаясь вместе с ним атмосферой манящей поэзии, она окуналась в мир книг, которые преподносил ей хан. И уже поговаривала о всенародном состязании казанских поэтов, которое непременно следовало подготовить к празднеству Сабантуй.

В один из последних дней зимы Шептяк-бек вошёл к правящим супругам, полный решимости прервать идиллию, царившую в созданном ими мире.

– Повелитель, завтра необходимо созвать диван, ибо нерешённые дела переполняют вашу страну, подобно лопающемуся торсуку⁴¹.

Хан Халиль, занятый разглядыванием чертежей нового книгохранилища, которое он решил воздвигнуть в столице, с неохотой оторвался от этого увлекательного для него дела:

– Мы собирали диван месяц назад, уважаемый бек, и всё едва не окончилось сварой. Не хочу в очередной раз выслушивать нападки эмира Абдул-Мумина, он смущает сердца и мысли казанских карачи.

Краска бросилась в лицо старого дипломата, он с трудом сдержал резкие слова, уже рвавшиеся с его губ. Положение спасла молодая ханум. Она коснулась руки повелителя, привлекая к себе внимание, и тихим, но твёрдым голосом произнесла:

– Мой дорогой муж, мы должны прислушаться к словам уважаемого Шептяк-бека. Ещё никогда его советы не подводили нас.

Она поднялась, оправляя голубой шёлк одежд:

– Вы считаете, бек, что пора окончательно решить вопрос о замужестве Камал-ханум?

– Да, госпожа, время не терпит. От касимовского хана получено согласие на этот брак, и мы не должны медлить. Чем быстрее удалим вдовствующую ханум за пределы Казанского ханства, тем легче будет бороться с нашими внутренними врагами. Ханство подобно большому ребёнку, оно всё время требует забот и внимания, а повелитель уже несколько дней не разбирает прибывшие с гонцами бумаги. Я знаю, что в приёмной скопились бумаги, важные для государства и требующие безотлагательных решений.

– Это я виновата, уважаемый бек, – прервала возмущённый поток слов старого дипломата Нурсолтан. – Я слишком увлеклась делами, которые могут подождать, и увлекла ими своего супруга. О, простите мне это безрассудство, мой хан!

Нурсолтан опустилась на колени перед мужем. Она давно уже заметила, какое недовольство и гнев вызывают в Халиле слова Шептяк-бека. Но мудрый советник был прав. Она и сама замечала, Халиль избегает государственных дел, превращая Тронный зал в обитель поэтов и мудрецов. Он мог до хрипоты спорить о том, кто был наивеличайшим поэтом Востока, но не желал выслушать карачи Ахтям-Барына, ведающего сбором налогов в ханстве. Всё это можно было объяснить одним – страхом. Молодой хан боялся править уделом, доставшимся ему от отца, боялся сделать неправильные шаги, и оттого предпочитал не делать ничего.

– Уважаемый бек, не могли бы вы оставить нас наедине, – тихо промолвила Нурсолтан, по-прежнему не поднимая глаз на своего супруга.

Повисшая в комнате тишина говорила о том, что Халиль находится в замешательстве, и она решила удалить бека, пока из уст молодого хана не вырвались слова, в которых потом он мог раскаться. Дверь за откланявшимся беком захлопнулась несколько громче, чем обычно, и молодая женщина невольно вздрогнула и вскинула свой взгляд.

⁴¹ Торсук – кожаный мешок для воды.

– Халиль, всё, что говорил бек Шептяк – справедливо. Мы с вами уподобились детям, предоставленным своим играм и забавам. Разве для этого ваш отец боролся за ваше же наследие, чтобы сегодня вы уклонялись от государственных дел? Подумайте, повелитель, сколько наших врагов точат мечи своих языков, чтобы обвинить вас в неумении управлять ханством, в вашей несостоятельности. Я умоляю вас, не давайте им повода для этого, послушайтесь Шептяк-бека и сегодня же займитесь делами, которые ждут хана.

– Нурсолтан, – Халиль, как утопающий, ухватился за руки своей жены. – Я понял, что не гожусь в правители. Отец напрасно надеялся на меня! Быть может, мне стоит отказаться от трона в пользу своего брата Ибрагима.

– О нет! – Нурсолтан оттолкнула руки мужа от себя, взволнованно прошлась по комнате и прикрыла плотней дверь, боясь, что кто-нибудь услышит слова казанского правителя. – Вы не посмеете так поступить, Халиль! Трон принадлежит вам и только вам. Солтан Ибрагим подобен хищному зверю, поджидающему свою добычу. Если его допустить до власти, он может натворить немало бед, а если рядом с ним окажется и ханум Камал, то тогда... О всемогущий Аллах, спаси этот народ! Вы слышите, Халиль, вы не сделаете этого!

Нурсолтан осёклась, увидев глаза мужа, полные слёз.

– У меня слишком мало сил, Нурсолтан, – прошептал он. – Ибрагим прав, я недостойн быть правителем нашего народа. Я мечтаю пожить в покое, рядом с тобой, вместе читать строки бессмертного Хайяма, Низами...

– Я сейчас же приглашу бека Шептяка. – Нурсолтан не позволила себе кинуться к хану, чтобы утешить его подобно малому дитя. – Вспомни первые месяцы твоего правления. У тебя всё получалось, и я очень гордилась тобой! Неужели тебя так напугал эмир Абдул-Мумин? Но он силён, пока рядом с нами во дворце затаилась эта ведьма Камал-ханум. Стоит только удалить её, и мы усмирим бунтаря, поверь мне, Халиль! А пока ты не должен показывать своего страха перед ним, никто не должен видеть твоего страха, даже я, мой дорогой!

Она с облегчением заметила, как высохла влажная оболочка, покрывавшая глаза Халиля. Повелитель поднялся с широкого стула, отодвинув от себя чертежи книгохранилища.

– Мы займёмся этим немного позже, когда пройдёт заседание, – он с вопросительной осторожностью заглянул в лицо жены. – А что мне делать сейчас?

Нурсолтан мягко улыбнулась:

– Мы пойдём в вашу приёмную, светлейший хан, и разберём послания. Иногда подобные дела бывают гораздо увлекательней состязания певцов и поэтов. И я докажу вам это, мой господин.

Весна ворвалась в Казанское ханство разливом мощных рек и озёр, затопила прибрежные луга и дороги. Но люди, поднимая радостные лица к необъятной синеве небес, знали: вода скоро уйдёт, и настанет пора сева. Чёрный люд, проживавший на обширных землях ханства, томился предчувствием горячий, но счастливой для каждого земледельца, поры. Вот-вот настанет оно, долгожданное время, о котором мечталось долгими зимними вечерами. Земля, напитанная весенними водами, духмяная, жирная, раскинется перед кешелером⁴² как желанная женщина. Возьми её, вложи в её лоно семена жизни, и она щедро одарит тебя урожаем, с которым доживёт твоя семья до следующей весны, до следующего урожая.

Во дворце повелителя шли приготовления к отъезду ханум Камал в Касимов. На женской половине целый день не утихал властный голос вдовствующей госпожи, отдающей приказы своим рабыням и евнухам. Как доносили ханум Нурсолтан, изредка госпожа Камал прикладывала к глазам платок и принималась плакать, уверяя всех окружающих, что она глубоко несчастна. Но стоило ей заметить малейшие недостатки в сборах, как она сразу забывала о

⁴² *Кешелер* — земледелец, зависимый крестьянин.

слезах и накидывалась с бранью на провинившихся прислужниц. Нурсолтан улыбалась, живо представляя картину, нарисованную искусными рассказчиками. И всё же Камал-ханум уезжала из Казани. Уезжала, увозя с собой беспокойство, царившее в ханстве, беспокойство, семена которого посеяла вдова хана Махмуда. Эмир Абдул-Мумин затаился в своём пригородном имении, не появлялся даже на заседаниях дивана, которые неизменно проводились теперь под покровительством хана Халиля. Шептяк-бек мог вздохнуть свободно, повелитель сумел взять себя в руки, и, как замечали карачи, неплохо справлялся с управлением ханством. Жизнь шла своим чередом, пробуждая в душах и сердцах людей необыкновенную тягу к жизни, тягу, рождённую волшебной силой весны. Кто мог знать, что несчастье уже нависло чёрным крылом над ханским домом. Смерть не удовольствовалась жертвой, старым повелителем, забранным холодной зимой, она приготовилась нанести новый жестокий удар, чтобы омрачить бесхитростную радость людей, напомнить: вы все смертны, и смерть может прийти за вами тогда, когда так хочется жить.

Глава 3

После отъезда ханум Камал жизнь во дворце преобразилась. Хан Халиль был необычайно деятелен, полон новых планов. И нередко Нурсолтан с улыбкой приходилось останавливать его безудержную фантазию. Оппозиция, казалось, навсегда ушла в тень, не омрачая своим присутствием ханский дворец. По заказу повелителя началась постройка большого книгохранилища; на городском базаре Тапаяк достраивались новые ряды. От торговых караванов, идущих с разных концов света, не было отбоя. Купцы устремляли свои взоры на благодатные земли, более двадцати лет не знавшие войны и процветающие в мирном земледелии и торговле. Ханская казна пополнялась новыми поступлениями от именитых купцов, и главный казначей неизменно отмечал это на заседаниях дивана.

Этим необычайно тёплым весенним вечером в приёмной повелителя было шумно и многолюдно. Битикчи⁴³ Осман-бей, подоткнув под свёрнутые калачиком ноги маленькие подушечки, усердно раскладывал перед собой вороха грамот с болтавшимися по краям сломанными восковыми печатями. Младшие писцы, помогавшие ему, шуршали жёсткими свитками бумаг и шикали друг на друга, внося в рабочую атмосферу приёмной ещё больше шума. В углу Шептяк-бек спорил с бакши⁴⁴ Танатаром, прислужницы разносили фарфоровые чашечки с напитками. Нурсолтан пыталась старательно избегать взгляда солтана Ибрагима, приглашённого на этот маленький совет Халилем. Казанский хан всё чаще привечал младшего брата и свою неожиданную привязанность к Ибрагиму не объяснял никак.

Уже десятый день не спадало напряжение, царившее во дворце. В Казань, как только установились водные и сухопутные пути, одно за другим стали прибывать посольства иностранных государств. Князья и ханы соседних земель, с которыми издавна велась обширная торговля, желали знать, как повлияет смена власти в Казани на их проверенные временем отношения. Будет ли молодой хан придерживаться политики своего отца или последуют перемены, о которых желали знать отправившие посольства государи. Послы принимались каждый день, но накал напряжения не спадал. На завтра был назначен приём посольства от русского князя Ивана III, и к нему следовало отнестись с особым вниманием и осторожностью. Русские земли на обширной территории граничили с землями Казанского ханства. Ещё со времён Улу-Мухаммада они являлись данниками ханства, но это совсем не означало, что с русскими следовало поступать как со своими рабами. Княжество Ивана III ширилось и крепло, и со временем мирные соседские отношения могли принять иной оборот.

Этим вечером в приёмной повелителя шла подготовка к приёму русских послов. Битикчи, как лицо, облачённое особой властью, испросил согласие хана говорить. Он с торжественностью обвёл взглядом всех присутствующих, призывая их ко вниманию.

– От моих людей мне стало известно, с чем приехали урусы на этот раз. Они просят расширить торговые пути и позволить присылать в Казань больше торговых людей. Через наши земли, как и прежде, они желают держать путь в Ногаи, а оттуда в другие благословенные земли и города. Дабы наш государь взглянул благосклонно на их просьбу, урусы привезли богатые дары и дань за прошлый год. Не следовало бы, мой господин, дозволять всего испрошенного князю Ивану. Все его купцы – соглядатаи и доносчики, если их число увеличится, у начальника тайных дел Лачин-бека не хватит людей, чтобы следить за ними.

– Чем может повредить нашему ханству горстка купцов? Вы, как всегда, уважаемый Осман-бей, пытаетесь нагнать страху там, где его не может и быть!

⁴³ *Битикчи* – писец при ханском диване, исполняющий обязанности госсекретаря и обладающий значительной властью в ханстве.

⁴⁴ *Бакши* – посол.

Повелитель оттолкнул чашечку с шербетом, расплескав её содержимое на круглый столик, выточенный из рыбьего зуба⁴⁵. Нурсолтан и все присутствующие заметили: у казанского господина был нездоровый и усталый вид, и сейчас он с трудом пытался сосредоточиться на неотложных делах.

– Урусы всегда были исправными данниками с тех пор, как мой дед пленил отца нынешнего великого князя. Нам незачем выражать своё недовольство государю, который все эти годы был добрым соседом и исправно платил долги отца. К тому же товары, которые привозят урусы, пользуются большим спросом на наших базарах и ярмарках.

– Всё это так, мой дорогой брат, – осторожно вступил в разговор солтан Ибрагим. – Но великий князь Иван с каждым годом становится всё опасней. Он расширяет свои границы, копит силу. Вам известно, что недавно он присоединил к своим землям богатый удел одного из князей⁴⁶, а год назад ходил в Югорские Земли и брал с них дань. Не кажется ли вам, мой хан, что великий князь подбирается к нашим границам с юга?

– Каждый волен расширять свои владения. В наших интересах не допустить, чтобы урусы затронули земли правоверных мусульман, что касается земель неверных, я не вижу причин опасаться.

Халиль перевёл взгляд с брата на жену, молчавшую всё это время.

– Что скажете вы, ханум?

– Я согласна с вами, повелитель, очень мудро не нарушать добрососедских отношений, к тому же процветание торговли только прибавляет богатства нашему государству. – Нурсолтан на секунду осеклась, поймав насмешливый взгляд солтана Ибрагима, но нашла в себе силы, не меняя голоса продолжить свою речь. – Вам следует, мой господин, выслушать бакши Танатара. Он много раз бывал послом в русской столице Москве и не один раз видел князя Ивана.

Как только почтенный бакши вступил в разговор, Нурсолтан позволила своим мыслям отвлечься от всего происходящего в приёмной. Она не беспокоилась за речь бакши Танатара, давний друг бека Шептяка полностью поддерживал мирные отношения с урусами, беспокоил её только солтан Ибрагим. Он напоминал ей молодого коршуна, высматривающего добычу. За час до заседания он отыскал Нурсолтан в Тронном зале, где она следила за приготовлениями к приёму русских послов. Ибрагим вошёл в зал в тот момент, когда она отдавала распоряжение управителю дворца поразить послов необыкновенной роскошью. Нурсолтан услышала смех за спиной и резко обернулась, едва не натолкнувшись на солтана.

– Моя ханум, я вижу, вы желаете ослепить неверных блеском золота и драгоценных камней. Вы желаете показать, как велик и могуществен новый хан, но забываете и о другой стороне!

– О какой же? – сухо спросила она, стараясь не показывать перед Ибрагимом замешательства, которое она всегда испытывала в его присутствии.

– Урусы, увидев, какие богатства таит дворец повелителя, могут пожелать захватить его!

– Что за странные выдумки приходят вам на ум, солтан? С урусами заключён мир, который длится больше двадцати лет, и вам это известно.

Нурсолтан, стремясь избежать неприятного для неё общества, шагнула к дверям, ведущим на женскую половину, но могучая фигура солтана перегородила ей путь.

– Ханум, я не окончил наш разговор.

Удивлённая его дерзостью, она, резко вскинула голову, зазвенев золотыми монетками, украшавшими высокий калфак.

– Что вы от меня хотите, Ибрагим?

⁴⁵ *Рыбий зуб* – по некоторым данным так назывались останки мамонтов, которые казанцы находили по берегам рек. Московские купцы привозили на торг моржовые клыки, которые так же назывались рыбьим зубом.

⁴⁶ Здесь речь идёт о Ярославском княжестве, присоединённом Иваном III к Московскому великому княжеству.

– Пытаюсь убедить вас, прекрасная пери, что на завтрашнем приёме повелитель должен показать урусам мощь и силу своего ханства. Он должен указать, что великий князь Иван является всего лишь данником Казани и не может просить ни о каких милостях у нашего хана. И я прошу вас внушить всё это Халилю, ведь только этим вы и занимаетесь, сладкоречивая ханум, что диктуете моему братцу, как править государством!

Нурсолтан вспыхнула, как порох. Она всегда отличалась благоразумием и умела держать себя в руках, но младший брат Халиля умел находить в ней уязвимые места, и всякий раз при их встрече вызывал неудержимый гнев в молодой женщине.

– Солтан Ибрагим, вашим оскорблениям не счесть числа! Я удивлена желанием своего супруга приближать вас к ханскому трону. Повелитель порой бывает слеп, когда выбирает себе недостойных друзей! Но никто, даже сам хан, не заставит меня терпеть ваше присутствие и слушать речи, пропитанные ядом и желчью!

Выплеснув ярость и обиду в лицо ухмыляющегося мужчины, она бросилась к спасительным дверям, но её слух уловил брошенные вослед слова Ибрагима:

– Вы ещё убедитесь, кто правит нашим ханством, когда услышите речи моего брата. Они будут слово в слово повторять ваши мысли, прелестная ханум!

О, как прав был Ибрагим: речи хану она писала сама, не доверяя этого важного дела кятибам⁴⁷. Ханские писцы и дипломаты довольствовались поучениями мудрецов, используя при составлении речей правителя известные книги саджей⁴⁸. Нурсолтан обращалась к речам мудрых лишь в поисках вдохновения. Нужные слова сами собой находились в её голове, укладывались в складную речь, и, как говорил Шептяк-бек, оказывались неподражаемыми, необычными и непредсказуемыми для соперников.

Сегодня на заседании дивана с губ солтана Ибрагима, слушавшего речи повелителя, не сходила уничижающая насмешка. Хан Халиль твёрдо держался позиции Нурсолтан и бека Шептяка, несмотря на то, что брат, к которому он последнее время благоволил, пытался переменить его мнение. Нурсолтан словно кольнуло в сердце: «А может, солтан Ибрагим прав, мы навязываем Халилю свои мысли, свою волю, не позволяем ему внимательней прислушаться к другой стороне. Мы подавляем в нём все наклонности правителя, и, должно быть, поэтому Халиль предпочитает заниматься поэзией, потому что там он свободен!»

Она вновь взглянула на мужа. Молодой хан выслушивал бакши Танатара с равнодушным видом, изредка он кивал головой, показывая, что полностью согласен с доводами дипломата. Нурсолтан вновь поймала себя на странной мысли: «Слышит ли он его, или дух Халиля бродит совсем в других местах, неведомых и недоступных для нас». Она неслышно поднялась со своего места и подошла к окну. За приоткрытыми ставнями разливалась ночь, у ворот раздавались окрики караульных. «Надо дать хану поспать лишний час, – подумала она. – У него очень утомлённый вид. Я отдам распоряжение, как только мы выйдем отсюда». Она и сама чувствовала нечеловеческую усталость и впервые с раздражением взглянула на взявшего слово бека Шептяка: «Когда же закончатся эти бесконечные словопрения, как много любят говорить старики»!

Совет закончился далеко за полночь, но ханум нашла в себе силы предупредить управителя дворца не беспокоить повелителя утром, пока не поступит приказ от неё.

– Я пойду в свои покои, мой дорогой, – сказала она хану. – Нам обоим следует выспаться и отдохнуть.

Халиль взглянул на неё утомлёнными покрасневшими глазами и вдруг печально произнёс:

⁴⁷ *Кятибы* (катибы) – писцы, секретари, государственные чиновники.

⁴⁸ *Садж* – буквально «воркование», рифмованная проза. В этом стиле писались все речи и проповеди правителей. Существовало несколько известных книг саджей, составленных арабскими писателями.

– Ах, Нурсолтан, как бы мне хотелось, чтобы у нас был маленький домик в лесу. И мы жили бы с тобой вдвоём в тиши больших деревьев.

– Ты просто устал, Халиль, – она ласково провела ладонью по его лицу. – Как только закончатся приёмы послов, мы уедем в загородное имение и там отдохнём. А теперь спи.

Она неслышно коснулась губами его щеки, но хан уже ничего ей не ответил. Он заснул.

А наутро во дворец пришла Та, что разрушает дворцы и населяет могилы. Слуги, вошедшие в ханские покои, нашли молодого господина скорчившимся у подножия своего роскошного ложа. Табиб, осмотревший покойного, пришёл к мнению, что повелителя убил приступ падучей болезни, внезапно подкравшийся в ночной тиши уснувшего дворца. Никто не пришёл к нему на помощь, и хан Халиль окончил свои дни, по воле Аллаха не продержавшись на троне Казани и полугода.

Глава 4

Первые дни после кончины хана Халиля Нурсолтан провела в слезах и молитвах. В её покои, где, казалось, витал дух смерти, допускались только плакальщицы. Одни горевали о безвременно потухшей жизни повелителя, другие – возносили свои охрипшие голоса к небесам, нараспев зачитывали суры Священной книги⁴⁹. Она сидела в одном ряду со старухами, прикрывшись покрывалом скорби, а мысли бродили в беспросветной тьме. Нурсолтан винила себя в смерти мужа, и никто не мог разуверить её в этом. Почему в ту роковую ночь она не оказалась около Халиля? Ханум была уверена: он звал её, со страхом обращал свой лик в пустоту жестокой ночи. Он звал её, а она не пришла, не вырвала его из рук смерти, оставила умирать в жесточайших муках.

– О Всевышний, простишь ли ты когда-нибудь мой грех? – шептали её пересохшие губы, и одинокая слезинка сбегала из измученных, не знающих сна глаз.

В один из вечеров, когда её переполненное горем сердце рвалось из груди, она, как слепая, отправилась в сад, туда, куда звала её душа. Ноги сами привели к любимой скамье Халиля. Теперь она понимала, почему он так любил здесь бывать. Этот отгороженный деревьями и розовыми кустами уголок сада существовал вне всего мира, это была его мечта. Ослабевшие ноги не держали её, и Нурсолтан опустилась на край скамьи: «Ах, Халиль, ты так хотел жить в тиши и покое, вдали от всех людей, ты так звал меня с собой. Но я не поняла твоих стремлений. Твой отец очень любил тебя, Халиль, но он ошибался, избрав тебя в свои наследники. Ты не был рождён для трона, мой бедный Халиль, ты мог быть поэтом и странником. Мог идти с посохом дервиша по миру, глядеть на него глазами мудреца, и это была бы твоя жизнь! О, как поздно я это поняла! Но сейчас твоя душа, должно быть, обрела покой. Там, в садах Аллаха, ты найдёшь всё то, что так безуспешно искал на Земле».

Нурсолтан отёрла мокрое лицо и поднялась со скамьи. Она больше не могла плакать и проводить дни в бесцельных причитаниях. Для живых жизнь продолжалась, и она должна была жить дальше. Молодая ханум почувствовала это с огромной силой, когда возвращалась назад из сада. А сад буйствовал пышным цветением и неумолчным пением птиц, тёплый воздух полнился опьяняющими запахами. Нурсолтан не удержалась, набрала охапку цветов и так и вернулась в гарем, прижимая к груди яркое облако тюльпанов. Десятки плакальщиц спали по углам покоев, подсунув под головы атласные подушечки. Она хлопнула в ладоши, призвала прислужниц и евнухов:

– Дайте им вознаграждение и проводите с миром, – указала она на старух. – А после распахните окна, хочу всю ночь слышать запах цветущих яблонь!

Этой ночью ей приснился Менгли, впервые за долгие месяцы. Но ей не дано было знать, что крымскому солтану она снилась каждую ночь.

Ему снился один и тот же сон: огромная степь, покрытая буйно цветущими травами, пышущий жаром полдень и босые ступни девушки, осторожно ступающей по шелковистой траве. Он чувствовал, как гулко начинало стучать сердце, отдаваясь бешеными толчками в висках. Всем своим естеством ощущал Менгли приближение девушки, и вот она оказывалась рядом, склонялась над ним... И он, немея от восторженного возбуждения, вскидывал глаза, ожидал увидеть желанное, любимое лицо. Но жестокий сон, подаривший волшебные мгновения, внезапно прерывался. Он протестующе кричал, пытался разогнать быстро сгущающиеся клочья тьмы, которые скрывали дорогие черты. Он звал её, протягивал руки, разрывал своими криками непреодолимые оковы сна. Всё заканчивалось тем, что очередная женщина, делившая

⁴⁹ Священная книга – Коран.

с ним ложе в эту ночь, обеспокоенная, будила его. Солтан открывал глаза, но вместо пленивших его сапфировых глаз Нурсолтан видел чужое лицо, казавшееся ему в тот миг грубым и безобразным. Менгли отталкивал от себя ничего не понимавшую женщину, осыпал её бранью и угрозами, прогонял прочь из своих покоев. И лишь оставшись один, зарывался с головой в ворох атласных подушечек, давил рвущийся из груди звериный крик, полный тоски и отчаяния. Шёл третий год с тех пор, как он расстался с Нурсолтан, а боль разлуки всё не отпускала. С каждым днём она становилась лишь сильнее, не позволяла ему со всей полнотой отдаваться радостям жизни. Лишь несчастья, случившиеся в его жизни одно за другим, помогли ему, нет, не забыть, а только отодвинуть в глубину своего сознания образ любимой.

В 870 году хиджры⁵⁰ скоропостижно скончался его отец. Хан Хаджи-Гирей ушёл из жизни в самый неподходящий момент, когда солтан Менгли отправился с набегом в земли черкесов. Вернуться в Кырк-Ёр Менгли-Гирею было не суждено, там теперь господствовал старший брат Нур-Девлет. День его триумфа настал. Крымские беи, а среди них главнейший, из рода Ширин, с неохотой признали в нём повелителя. Но всё же Нур-Девлета подняли на кошке. А Менгли-Гирей не пожелал признать в старшем брате своего хана и господина и вынужден был покинуть земли отца. Путь молодого солтана лежал в Великое княжество Литовское ко двору князя Казимира IV.

Литовское княжество, некогда укрывавшее в своих землях хана Хаджи, дало приют и его сыну. На долгие месяцы Менгли-Гирей вынужден был обосноваться в мрачном замке Троки, где когда-то появился на свет его отец. Сюда же прибыл гарем солтана. Женщины бежали из Кырк-Ёра под охраной личной ханской гвардии, которая осталась верной шестому сыну Хаджи-Гирея. Ведь вопреки всему, многие в Крыму считали именно солтана Менгли достойным трона Гиреев. В окрестности Троки прибыли и верные солтану мурзы и огланы, которые опасались расправы Нур-Девлета. Но замок, похожий на холодный каменный склеп, не мог вместить в себя всех. Воинов Менгли разместил в окрестных деревнях для охраны подступов к крепости. А из Кырк-Ёра приходили тревожные донесения. Хан Нур-Девлет своё правление начал с казней и гонений. Никто отныне не чувствовал себя в Крымском ханстве в полной безопасности. Даже беи четырёх могущественных родов ощущали в своих обширных владениях тяготы диктаторского правления нового повелителя.

Тайные посланцы крымского дивана прибыли в замок Троки ветреным осенним днём. Вельможи заверяли молодого солтана, что хан Нур-Девлет не продержится у власти долго, и тогда на крымский трон позовут его, Менгли-Гирея. Заверения крымских эмиров дарили надежду, и только этой надеждой жили крымцы в чужом княжестве. Мрачный замок был не лучшим местом пребывания. Городок, который раскинулся неподалёку, жил своей, независимой жизнью. На него распространялось магдебургское право⁵¹. На кормление крымскому солтану были отданы окрестные поселения, не отличавшиеся богатством и изобилием. Тяжёлое положение солтанской семьи усугублялось непривычно холодным климатом, нехваткой вещей домашнего обихода и многими другими проблемами. В первую же зиму семья потеряла двух малолетних детей. От простуды зачахла и самая красивая наложница гарема, оставив сиротой маленькую дочь. Не лучше чувствовали себя и другие женщины. Изнеженные роскошью дворцовой жизни и тёплыми крымскими зимами, они с трудом переносили нынешние тяготы и леденящий холод. На помощь крымцам пришли местные знахарки со своими травами и снадобьями. И смерть отступила от женщин гарема.

Но жизнь, отодвинув одни заботы, ставила новые преграды. Воины, которых расселили по окрестным деревням, становились неуправляемыми. Ничем нельзя было перебить их стрем-

⁵⁰ В 1466 году.

⁵¹ *Магдебургское право* – самоуправление, освобождающее от власти местных панов и князей. Впервые это право было введено в городе Магдебурге, городу Вильно оно было дано в 1387 году, немного позже распространилось на Троки, Ковно, Луцк, Полоцк, Киев, Минск и другие литовско-польские города.

ление к набегам и захвату лёгкой добычи. От их действий страдали местные жители, всё чаще они роптали на произвол крымцев. Менгли-Гирей опасался, что жалобы эти дойдут до правителя Литвы, и тот, в свою очередь, может отказать крымцам в приюте. Приходилось всё время напоминать о дисциплине скучающим воинам. За повседневными заботами крымский солтан не упускал из виду и Кырк-Ёр, манивший его подобно земному раю. Он слал тайные письма крымским карачи и ждал, когда от них придёт долгожданное известие. Хан Нур-Девлет вёл себя как настоящий узурпатор и играл на руку своему младшему брату. Оставалось только выждать время, когда созреет заговор в Крыму, а потом повести свои отряды на Кырк-Ёр. Посильную военную помощь обещал великий князь Литвы, и Менгли-Гирей был вдвойне благодарен Казимиру. Когда-то суровая литовская земля укрывала в своих вотчинах деда Менгли – солтана Гиас-ад-дина. И сам Хаджи-Гирей в годы завоевания крымского улуса не раз укрывался в стенах замка Троки. Именно Казимир IV Литовский в назначенный день в Вильно вместе литовскими панями провозгласил хана Хаджи-Гирея правителем Крымским, и послал его на полуостров с войском, которое возглавлял маршалок⁵² Радзивилл.

В начале весны Менгли-Гирей был приглашён ко двору великого князя. Столица литовского княжества была основана ещё родоначальником великокняжеской династии Гедимином⁵³. Сам город Вильно мрачностью массивных строений из тёмного камня резко отличался от белокаменных городов Крыма, игравших яркой мозаикой и росписью стен. Как только въехали в столицу, Менгли-Гирей перевёл коня на неторопливый шаг. Так же медленно ехали вслед за ним его ближайшие огланы и телохранители. Около кафедрального собора, двускатную крышу которого поддерживали высокие колонны, возвышался запустелый языческий храм, называемый в народе башней Криве-Кривейто. Стая чёрных воронов с криком сорвалась с верхнего купола башни, пронеслась над самой землёй и скрылась из виду. Крымский солтан невольно замедлил шаг коня, опасливо покосился на языческое сооружение. Стены башни были испещрены старинными таинственными письменами. Менгли-Гирей слышал, что когда-то эту башню окружала дубовая роща, а у столетнего дуба день и ночь горел священный огонь, за которым присматривали девы-жрицы – войделотки. В самой башне жил главный жрец – прорицатель Криве-Кривейто и священные змеи. Ещё при Гедимине в Вильно пришла православная вера, но и язычество не находилось под запретом. Всё изменилось при отце нынешнего великого князя Казимира – Ягайло. Приняв католичество, а вместе с ним и корону Польши⁵⁴, Ягайло приказал погасить священный огонь в храме Вильно, срубить столетний дуб и уничтожить священных змей. Только на одно не решился Ягайло: уничтожить саму башню. Побоялся древнего предсказания, которое гласило: «Как выпадет из башни последний камень, пресечётся род последнего из великих князей». Вот и стояла башня нетронутой.

Великий князь Казимир принял крымского солтана ласково, расспрашивал о его заботах и тревогах. Пообещал прислать обоз с продуктами, но по-прежнему молчал о своём главном обещании. Он произнёс его, когда Менгли-Гирей впервые переступил порог Кревского замка, обещал дать воинов, как только это потребуется крымцу. Солтан провёл при дворе в Вильно всё лето и осень и, раздосадованный, вернулся назад в Троки. В замке его ожидали письма крымских карачи. Он зачитал их, поднявшись на открытую площадку круглой башни. Здесь никто не мешал думать, да и окрестности были видны со всех сторон, а солтана все эти месяцы не покидала тревога, словно ожидал подвоха от Нур-Девлета: посланного войска или тайных убийц. Пока читал послания из Крыма, пошёл редкий снег. Он и не замечал этого, искал хоть

⁵² *Маршалок* – главнокомандующий в литовской армии. Событие произошло в 1443 году.

⁵³ *Гедимин* – великий князь литовский. Умер в 1341 году. При нём был основан Вильно (будущий Вильнюс).

⁵⁴ Ягайло (1350–1434) – внук Гедимины, сын Ольгерда и тверской княжны Ульяны. К литовскому престолу он пришёл по крови своих родственников, убив дядю Кейстута и бросив в подземелье его сына Витовта, позже добившегося разделения Польши и Литвы. Надев на голову шапку Гедимины, Ягайло взял в жёны польскую королеву Ядвигу, пообещав за этот союз крестить жителей Литовского княжества по католическому обряду.

в одном из свитков заветные слова. Но в посланиях всё было, как и прежде: обещания скорых перемен, порою казавшиеся пустыми и призрачными. Менгли-Гирей прочитал последнее письмо беклярибека⁵⁵, выпростал руку из широкого рукава, протянул ладонь, поймав крупную снежинку. Но кристальная звёздочка не пожелала лежать на ладони, растаяла и исчезла без следа. «Вот так же тают и мои надежды», – подумал он с неожиданной болью и тоской.

⁵⁵ В Крыму, как и во многих других ханствах, на посту главного князя были беи из рода Ширин.

Глава 5

А вскоре солтану Менгли прибыло неожиданное известие из Казани. Письмо было от мурзы Хусаина, который гостил у сестры. Сердце солтана забилося, когда он дошёл до строк о Нурсолтан. Мурза Хусаин сообщал, что его любимая сестра овдовела и волею Аллаха спустя четыре месяца будет свободна для новых брачных уз. Весь мир перевернулся в тот миг в глазах Менгли. Как одержимый, перепрыгивая через ступеньки, он бросился искать Эсфан-оглана. Верного соратника солтан отыскал на обширном дворе, где тот обучал молодых воинов стрельбе из лука.

– Эсфан-оглан!

Менгли с трудом заставил себя замедлить шаг, чтобы не выглядеть смешным в глазах воинов. Они и так во все глаза уставились на своего господина, такого взволнованного голоса не слышали у него никогда.

– Эсфан-оглан, срочно готовьте посольство! Оно должно выехать завтра же, на рассвете.

Оглан, обманутый счастливым блеском глаз своего господина, обрадованно спросил:

– Что-то случилось в Кырк-Ёре? Посольство отправляется в Крым?

– Нет, Эсфан-оглан, посольство поедет в Казань. Я хочу просить у Земли Казанской в жёны вдовствующую ханум Нурсолтан. Собери самых верных людей, а во главе пусть едет Мазоф-бек.

Он ещё отдавал попутные распоряжения, но Эсфан-оглан не слышал его. С немым укором старый воин глядел на любимого господина. «Опять эта женщина! – горькой мыслью пронеслось в голове. – Солтан просто одержим ею, и это сейчас, когда он должен думать только о крымском троне. Что же будет, когда её привезут в замок Троки? Не уйдёт ли молодой солтан с головой в любовные игры, забыв обо всём на свете?!» Эсфан-оглан за свою долгую жизнь перевидал немало несчастных мужчин, смертельно раненых женщинами. О, эти женщины! Их взгляды и слова острее кинжалов! Любовь к этим порождениям Иблиса разъедает душу и сердца правоверных мусульман. Эсфан-оглан ненавидел весь женский род. Он считал, что женщины делают мужчин слабыми, и тогда те начинают цепляться за женский подол, перестают быть настоящими воинами и живут своими тихими семейными радостями. Рождённый для битв и сражений, оглан не понимал иного назначения мужчины. Его единственная жена умерла давно, как только родила сына Сармана. Оглан вырастил из мальчика настоящего воина, но десять лет назад потерял его на поле битвы в Ногайской степи. Эсфан-оглан не роптал на Всевышнего – сын ушёл из жизни, как уходят настоящие мужчины: с оружием в руках. Отныне семьёй оглана стал боевой конь и дорогая сабля в серебряных ножнах. Любовь к женщине никогда не посещала ожесточившееся сердце воина, он не мог понять чувств, овладевших сердцем своего господина. «Как прав был хан Хаджи, – думал Эсфан-оглан. – Неизведанная женщина может мучить воображение мужчины много лет, пока он не станет владеть ею. А потом она наскучит, как наскучили все другие женщины, как бы красивы они не были! Женщины, которые погрязли в мелких гаремных интригах, в бесконечных жалобах и борьбе за своего господина, становятся невыносимы! И этим непременно нужно воспользоваться». Эсфан-оглан вскинул голову, он прошёлся взглядом по узким, больше похожим на щели, окнам, где размещался гарем солтана. В одном из них мелькнуло белое женское лицо и едва удерживаемое слабой рукой яркое покрывало затрепетало на ветру. Эсфан-оглан не смог скрыть торжествующей улыбки. Сам Аллах подсказал ему верный ход. Младшая жена солтана – Михипир, вот на кого он поставит в этой игре! И тогда будет видно, как долго сможет царствовать ханум Нурсолтан в сердце потомка Гиреев.

– Вы меня не слушаете, Эсфан-оглан.

Голос Менгли-Гирея вывел оглана из лабиринта путаных мыслей.

– Мой господин, я думал о том, как лучше снарядить посольство. Дорога им предстоит трудная и долгая, а людей у нас немного. Думаю, в путь отправимся с полусотней воинов.

– Это ненадёжная охрана для госпожи!

– Но у нас мало людей, солтан, и вы это знаете. В любой момент вы здесь можете подвергнуться нападению воинов хана Нур-Девлета. Кто тогда защитит ваш гарем, ваших жён и наследников? К тому же не стоит беспокоиться о госпоже Нурсолтан. Казанцы не отправят свою ханум в дальний путь без должной охраны. Ей дадут сопровождение, достойное титулу. А сейчас я немедленно отправляюсь к Мазоф-беку исполнять ваши поручения. – Оглан почтительно поклонился и вскочил на коня.

Мазоф-бек со своими людьми проживал в одном из окрестных селений. Менгли-Гирей задумчивым взглядом проводил оглана, направлявшего своего коня к мощным воротам замка. Восторженное возбуждение, которое владело им с той минуты, как он прочёл послание мурзы Хусаина, спало, и солтан ощутил тревогу. Он с лёгкостью затеял это сватовство, как будто уже взойшёл на крымский трон и стал могущественным повелителем. Но всё было иначе. В глазах казанцев и самой Нурсолтан он был всего лишь изгнанник. Что он может предложить казанской ханум, привыкшей к почёту и роскоши? Как можно быть уверенным в её любви, если их разделило время, власть и мужчина, которому она принадлежала? Какие перемены произошли в душе этой совсем незнакомой ему женщины, женщины, в какую превратилась робкая девочка из улуса знатного мангыта? Та девочка была влюблена в него, но что могло стать с хрупкими ростками той любви, когда она оказалась в роскоши казанского дворца, рядом с любящим мужчиной? Вопросы рвали на части его душу. Безумие! Всё, что он задумал, – это безумие. Он – просто мечтатель, поверивший в близость счастья, а счастье это – призрачная дымка, рассеявшаяся, как только он прикоснулся к ней.

Менгли обхватил плечи руками, взглядом отчаявшегося человека окинул грязный двор, окружённый холодными каменными стенами. По двору взад-вперёд сновали его подданные, занятые каждый своим делом. Одежда на людях потрепалась, и на лицах была написана озабоченность. Как далеки были эти лица от счастливых, довольных жизнью людей, проживающих под защитой могущественного господина! Он не может дать достойной жизни даже слугам, а возжелал привезти в этот каменный мешок красивейшую и знатнейшую женщину. С такими невесёлыми мыслями Менгли отправился в свои покои. Он очнулся лишь тогда, когда его руки плотно закрыли массивную дубовую дверь, отделили его от всего мира. Руки сами нашли гладкую бумагу свитка. Менгли расправил письмо Хусаина, и глаза заскользили по строкам: «... волею Аллаха Всемогущего моя сестра потеряла своего супруга. Согласно законам шариата спустя четыре месяца Нурсолтан будет свободна для уз следующего брака. Спешу сообщить тебе об этом, мой друг!» Крымский солтан вскинул глаза, улыбка, словно дуновение капризного ветерка, коснулась уголков его губ. Он вновь недоверчиво пробежал по строчкам. Нет, он не ошибся, всё в письме мурзы Хусаина говорило о том, что Нурсолтан ждёт его сватовства. Мангыт не написал об этом прямо, но между строк явно читалось одно: «Она ждёт тебя, Менгли. Она тебя ждёт!»

– Я не отступлюсь, Нурсолтан! – Менгли разгладил рукой письмо Хусаина. – Для тебя я добуду крымский трон, для тебя я выстрою прекрасный дворец! Я создам великолепную оправу к твоей волшебной красоте. Никто не посмеет укорить меня в том, что из богатства и знатности я вверг тебя в нищету! Посмотри, Нурсолтан! – Он торопливо распахнул драгоценный ларец, стоявший на столе. – Посмотри, сколько здесь писем! Это написал бек из рода Яшлау, а это сам всемогущий беглербек Ширин. Они все поддерживают меня, они готовят переворот, и скоро Нур-Девлет будет убит или его вынудят бежать из Крыма. И тогда крымским ханом стану я! Его слуги станут моими слугами, подвластными моей руке! И клянусь тебе, я сделаю всё, чтобы удержаться на троне. Буду хитрей и изворотливей старого волка, буду мудрым и сильным, и добьюсь власти и могущества. И всё это положу к твоим ногам, любимая!

Солтан Менгли подошёл к окну, всматриваясь в дорогу, на которой вскоре должен был появиться Мазоф-бек. Он убедил себя в том, что до крымского трона ему остался один шаг. Теперь такой же уверенностью солтан должен был наполнить мысли своего посла, на которого возлагал самую важную миссию в своей жизни. Мазоф-бек должен был убедить казанский диван, что солтан Менгли-Гирей достойный претендент на руку вдовствующей ханум. И тогда дело оставалось за малым – за ответом самой Нурсолтан.

Глава 6

За спиной осторожно скрипнула дверь. Менгли-Гирей обернулся и нахмурился, когда в приоткрывшуюся щель скользнула женская рука, зазвеневшая десятком золотых браслетов. Дверь распахнулась шире, пропустила в покои закутанную в сиреневую шёлковую чадру женскую фигурку, принёсшую с собой аромат восточных благовоний.

– Что случилось, Михипир? Что за дело заставило тебя явиться ко мне без приглашения?

– Лишь из тоски по вам, повелитель души моей, осмеливаюсь нарушить ваше одиночество. – Женщина откинула чадру и, не отводя от солтана молящих глаз, подведённых сурьмой, опустилась на колени. – В этом замке так скучно и одиноко, а вы совсем забыли свою маленькую Михипир. Позвольте мне сегодня остаться с вами. Я помогу забыть все тревоги. Поверьте, я сумею справиться с вашей болью!

Михипир потянулась к рукам мужа, но только горячие губы женщины коснулись ладоней неподвижно стоявшего солтана, как Менгли-Гирей резко отдернул их. С трудом сдерживая гнев, солтан опустил на жёсткое сидение массивного кресла, крепко сжал потемневшие от времени подлокотники:

– Мне давно следовало поговорить с тобой, Михипир. Среди моих женщин ещё никогда не было такого капризного и избалованного существа, как ты! Глядя на тебя, можно подумать, что все османские женщины невоспитанны, безрассудны и никчёмны. Ты напоминаешь мне жадную до развлечений одалиску, которой всё равно, пригласит ли её господин на ночь или отдаст на забаву гостям!

Оскорблённая женщина, не веря своим ушам, глядела на своего мужа. Впервые за два года он так разговаривал с ней, и она не могла поверить, что его уста могут так больно ранить. На мгновение Михипир усомнилась, что всё происходящее реально. Она, как маленький ребёнок, зажмурила глаза и распахнула их вновь, желая увидеть сияние безоблачного утра и ласковые глаза мужа. Но солтан по-прежнему с суровым и надменным лицом восседал в старом неудобном кресле и продолжал говорить. А она, бледнея от унижения и незаслуженной обиды, вынуждена была слушать его звенящий, как кинжал, голос:

– Почему за эти долгие месяцы я ни разу не слышал жалобы старших жён? Потому что они – настоящие спутницы в испытаниях, что посылает нам Всевышний. Чем же занимаешься ты, Михипир? Ты проводишь все дни у сундуков с нарядами и скучаешь, боясь замарать свои руки чёрной работой. Османская госпожа, ты ошиблась в выборе мужа. Тебе следовало выйти замуж за самого султана, а не за опального принца, вынужденного жить в изгнании. Ты могла бы всю жизнь лежать на шёлковых подушках, вкушать халву и шербет и дожидаться, когда твой господин пожелает приласкать тебя!

Михипир резким движением поднялась с колен, высоко вскинула голову. Невольно солтан поднялся за ней следом. Женщина едва доставала головой до плеча мужа, но это не помешало ей с гневным вскриком кинуться на него. Её маленькие кулачки не успели коснуться широкой груди мужчины. Менгли-Гирей жёсткой хваткой перехватил хрупкие запястья жены и встряхнул её с такой силой, что на мгновение Михипир показалось, как будто голова отделяется от её туловища. Но, не желая сдаваться, она срывающимся от слёз голосом выкрикнула:

– Вы сами виноваты во всём, Менгли! Вспомните наши ночи, вспомните, как вы любили меня! Зачем вы шептали мне о своей любви, зачем выделяли среди других жён?! Почему сейчас вы холодней этих ледяных снегов, что покрывают наше, проклятое Аллахом, пристанище?!

Менгли оттолкнул женщину, и его кулак тяжело опустился на дубовую столешницу. Окажись перед ним хрупкий изящный столик, каковые украшали дворец отца, от него остались бы обломки, но массивная мебель литовского замка лишь жалобно скрипнула под его рукой, выдержав всплеск ярости солтана. Михипир забилась в угол, не сводя с мужа испуганных синих

глаз. Она не знала, что слова, произнесённые в запальчивости, спасли её от неминуемого наказания. Она вовремя вспомнила о полных страсти ночах, когда Менгли шептал ей все невысказанные слова, все нежные речи, которые берёт для Нурсолтан. Ночью, когда гасли светильники и евнухи приводили к нему закутанную в покрывала Михипир, он видел в ней Нурсолтан и, обманываясь сам, обманывал и Михипир. Отрезвление пришло спустя полгода. Младшая жена со своей красотой и необузданной страстью была всё же не той женщиной, которая могла заменить Нурсолтан. Он понял, что тоску по любимой женщине может утолить лишь любимая женщина. Его воображение, позволявшее так долго испытывать сладкие мгновения единения с желанной женщиной, иссякло, как источник, к которому он с жадностью припадал каждую ночь. Тогда он охладел к своей третьей жене, но Михипир не сразу поняла это. В те дни он отправился покорять племя черкесов, а потом ему пришлось бежать из Крыма. Его гарем выбрался из Кырк-Ёра под покровом ночи на следующий день после избрания ханом Нур-Девлета. А потом началась жизнь в литовском замке, залы и комнаты которого напоминали мрачные подвалы зиндана.

Зима была суровой, и женщины с трудом выживали среди бесконечных вьюг и морозов. Но только весеннее солнце растопило и подсушило дороги, как солтан отправился ко двору литовского владыки. И Михипир, так ждавшая этой весны, которая должна была возродить их любовь, опять осталась без мужа. Изредка солтан появлялся в замке, но его суровый, озабоченный вид держал младшую жену на расстоянии. Однажды ночью он пришёл к ней. Но как далеко было грубое насилие изголодавшегося мужчины от тех волшебных ночей, которые помнило её тело. Ей никогда не забыть страха, испытанного ею тогда. Солтан молча оделся, так и не произнеся ни слова, он ничем не оправдал своего поведения, и она ловила себя на мысли, что этой ночью приходил совсем другой мужчина. Лишь когда слабо звякнула сабля в серебряных ножнах, которую Менгли пристегнул к широкому поясу, она попыталась подойти к нему, чтобы получить прощальный поцелуй, которым он всегда одаривал её. Но холодный голос солтана остановил её на полпути:

– Я отправляюсь ко двору великого князя Казимира, вернусь нескоро, прощай Михипир.

Жалобно проскрежетав ржавыми петлями, захлопнулась дверь. И она осталась одна, дрогшая, стоя босыми ногами на ледяном полу. И такой же леденящий холод был в её сердце. Михипир не позволила себе страдать и плакать. Не прошло и недели, как она оправилась от нанесённого её самолюбию удара и стала готовиться к новым встречам с мужем. Но Менгли, вернувшись из Вильно, по-прежнему оставался глух к её красоте и соблазнительным нарядам. Он появлялся в её покоях только с одной целью, чтобы утолить голод плоти. Но молодая женщина не сдавалась, слишком велика была её любовь к этому мужчине, слишком сильно она желала возвращения ночей, оставшихся в их прошлом. Сегодня днём она отважилась сама отправиться к мужу, чтобы разбудить в нём любовь, но звёзды воспротивились её отчаянным попыткам, и сейчас Михипир, содрогаясь от слёз, видела перед собой руины некогда огромной любви.

– Простите, господин, – еле слышно прошептала она.

Менгли поморщился, словно у него внезапно разболелся зуб:

– Уходи, Михипир. Мне сегодня не до тебя. Отправляйся на свою половину и не смей больше являться без приглашения.

Не дожидаясь, пока женщина начнёт вновь умолять его, солтан выдернул её за руку из угла.

– Ступай к себе и умойся. – Он с отвращением взглянул в лицо младшей жены, на котором сурьма оставила чёрные разводы. Женщина открыла рот, пытаясь что-то сказать, но Менгли распахнул дверь и поспешно вытолкнул её за порог. Дверь захлопнулась, и по другую сторону заскрежетала железная задвижка.

– Нет! – Отчаянный вскрик родился в груди сам собой. – Вы не можете так поступать со мной! Пустите меня, мой муж, Менгли!!! – Михипир с размаху ударила кулаками о дубовую дверь, но лишь сильно ушибла их. Закричав от боли и отчаяния, женщина сползла по стене на сырой каменный пол. Сквозь поток слёз, брызнувших из глаз, она видела двоящиеся огни факелов, скупо освещающие коридор. В пламени факелов вставало её прошлое, недавние воспоминания о прекрасном времени, от которого её отделяли всего два года.

Глава 7

Михипир помнила до мельчайших подробностей тот солнечный осенний день, когда судьба впервые столкнула её с Менгли-Гиреем. Она гуляла со своими служанками по саду среди деревьев, увешанных тяжёлыми плодами золотистых померанцев и густо-красных гранатов, когда услышала стук многочисленных копыт у ворот. Будучи от природы страшно любопытной, Михипир раздвинула густые ветви цветущего куста, мешавшего разглядеть приехавших. В этом месте каменная ограда дома, где проживал высший сановник турецкого султана – адмирал Демир-Кяхья, слегка осыпалась, и, привстав на цыпочки, девушка вполне могла удовлетворить своё любопытство. Она увидела знатных, богато одетых всадников в сопровождении вооружённой охраны. По их запylённым и утомлённым лицам было видно – путь они проделали немалый. Торопливо подобрав концы длинной развевающейся чадры, Михипир, подобно метеору, пронеслась в дом. С отцом она столкнулась уже на пороге, и тот с радостным лицом на ходу сообщил ей:

– Михипир, девочка моя, к нам прибыл крымский хан. Он – мой давний друг; будь умницей: обрати внимание на его сына Менгли. Иди в потайную комнатку, я устрою солтана в Зелёных покоях, и ты сможешь хорошо рассмотреть его.

Михипир не стоило просить дважды, заинтригованная словами отца, она отправилась по узким переходам дома к Зелёным покоям. Они отводились тем гостям, за кем адмиралу хотелось скрытно понаблюдать. В потайной комнатке, расположенной по соседству, имелось замаскированное окошечко. Михипир устроилась на высоком сиденье и привычно припала к окошечку. Её взору открылась комната с расписанным в салатовый цвет сводчатым потолком, коврами, выдержанными в тех же тонах, начиная от нежной зелени и заканчивая густозелёными, почти чёрными узорами. В зелёные цвета комнаты удачно вплетался, оживляя его, небольшой беломраморный фонтан. Он выпускал в резную чашу тонкие, нежно журчащие струйки прозрачной воды. Фонтан этот служил прикрытием для тех, кто прятался в соседней комнате, заглушал своими звуками неосторожные движения наблюдателя. Дочь адмирала не первый раз оказывалась здесь. Отец, поклявшийся, что выдаст дочь замуж только по её согласию, в первый раз привёл Михипир сюда, чтобы она могла увидеть пашу из Трапезунда, посватавшегося к ней. Позже отсюда она наблюдала за одним из султанских советников, а потом за сыном бека, чьи владения располагались по соседству с имением отца. Ни один из этих весьма богатых и знатных мужей не привлёк внимания избалованной Михипир. По восточным меркам дочь адмирала давно перешагнула черту своего совершеннолетия, девушке исполнилось семнадцать лет, и Демир Кяхья стал побаиваться, что даже слухи о красоте его дочери не помогут, если женихи посчитают Михипир перезревшим плодом. Дочь и не догадывалась о тревожных мыслях, посещавших престарелого адмирала, она наслаждалась свободой, предоставляемой ей в этом доме, и не желала бы иной жизни, если б не томление созревшего тела. Будучи девственницей, она, тем не менее, знала всё об отношениях, существующих между мужчиной и женщиной, и любопытство толкало её познать любовь мужчины. Оставаясь одна, она обнажала своё тело, изучая, проводила по нему руками и с трудом могла сдерживать стон, рвущийся с губ, когда вдруг представляла, что это руки мужчины. Но женихи, до сих пор приезжавшие в их дом, не нашли отклика в жаждущем наслаждения воображении девушки. Ей показался смешным толстый неповоротливый паша, неприятным – пожилой советник, без конца перебиравший чётки, и уж совсем не приглянулся долговязый сын бека, говоривший со своим слугой только об охоте и лошадях. Других женихов, прослышавших о богатом приданом и необыкновенной красоте девушки, отец и не допускал до Зелёных покоев, кого за принадлежность к незнатному роду, а кого за недостаточное богатство.

Михипир пришлось дожидаться довольно долго, пока, наконец, её долготерпение было вознаграждено, и распахнувшиеся двери впустили в покои крымского солтана. Ей оказалось недостаточно короткого мгновения, пока она видела его. Менгли-Гирей быстрым взглядом окинул предложенные ему покои и вернулся в коридор, откуда донёсся его властный голос:

– Внесите мои вещи в покои, а я навещу отца.

Ещё битый час она вынуждена была наблюдать, как слуги молодого господина раскладывают его вещи, а после услышать голос любимца адмирала – янычара Арслана, приглашавшего гостей насладиться ужином в обществе хозяина дома. Михипир незаметно тенью выбралась из своего укрытия и отправилась на женскую половину. Неудовлетворённое любопытство не давало девушке покоя. Отказавшись от ужина, она приказала служанкам приготовить её ко сну, но, опустившись на мягкие подушечки, поняла, что не сможет сомкнуть глаз. Промучившись без сна до полуночи, Михипир решилась на дерзкий поступок, который даже любящий отец, прощавший ей многие шалости и проступки, мог посчитать недопустимым преступлением. Накинув покрывало, девушка, крадучись, по сонному дому отправилась в потайную комнатку. Едва Михипир откинула занавеску, скрывавшую оконце, как у неё перехватило дух. Крымский солтан занимался любовью с наложницей отца. Затаив дыхание, Михипир не могла оторвать взгляда от обнажённого торса молодого сильного мужчины, под телом которого металась рыже-волосая женщина. Михипир помнила эту наложницу. Отец отзывался о ней, как о холодной и никчёмной женщине, красота которой была так обманчива. «Я заплатил за неё две тысячи динаров, но она не стоит и сотой доли уплаченного. Эта женщина – льдина, которую не растопят и пески пустыни, – говорил о ней отец своему управителю. – Она, как начищенный медный кумган, блестит, словно золото, а прикоснёшься, всё та же презренная медь! Думаю продать её в Кафе, как только для этого представится случай». Теперь Михипир не могла поверить, что отец говорил именно об этой невольнице. Кусок льда плавился в объятиях молодого мужчины, и лицо женщины, полыхавшее огнём неземного блаженства, говорило об этом красноречивей всего. Дикая зависть кольнула сердце девушки. Она поймала себя на бесстыдной мысли, что больше всего на свете ей хочется сейчас лежать на ложе вместо этой глупой одалиски и отдаваться мужчине, лицо которого она даже не видела. Когда любовная игра господина была доведена до победного конца, он откинулся на подушки. Замирая от восторга, Михипир обнаружила, что уже любит это смуглое лицо с миндалевидными тёмными глазами, чёткой линией профиля и волевым подбородком. В её глазах он вдруг полностью совпал с тем идеалом мужчины, о котором она мечтала и которого ждала всю свою жизнь. Михипир не помнила, как она выбралась из своего убежища, как оказалась в постели, показавшейся ей холодной и неудобной. Она так и не уснула в эту ночь, проворочавшись с боку на бок, словно мягкий тюфяк был полон верблюжьих колючек. Михипир с трудом дождалась утра и отправилась к отцу. Адмирал после утренней молитвы просматривал почту, сложенную стопкой на его столе. Он с улыбкой поднялся навстречу дочери:

– Что привело тебя ко мне в столь ранний час, радость моя?

– Отец, – Михипир вдруг почувствовала, как внезапно пересохло горло, мешая ей прямо высказать, что так мучило её всю ночь. И всё же она сумела взять себя в руки. – Зачем вы просили меня присмотреться к нашему гостю?

Адмирал с интересом взглянул в лицо своей любимицы, услышав в голосе Михипир волнение, которое она не в силах была скрыть.

– Моя девочка, крымский хан Хаджи-Гирей мой давний друг, нас связывает очень крепкая дружба, но мне бы хотелось, чтобы нас связали и узы родства. Вчера в беседе со своим гостем я расспросил его о сыновьях, хан не очень тепло отзывался о старших солтанах. Но его речи о Менгли были полны любви и гордости. Тогда я сказал хану: «У вас, мой друг, есть любимый сын, у меня – единственная дочь. Не соединить ли нам сердца наших детей?»

– Что же ответил тебе хан?

Михипир вцепилась взглядом в лицо отца, побледнев и ожидая последующих слов, как своего смертного приговора.

– Хан сказал, что подумает над моими словами. «К тому же, – добавил он, – у моего сына уже есть две жены, которых выбрал я. Теперь хочу дать ему право выбирать самому». Таковы были слова хана Хаджи, но он пообещал, что свой ответ солтан даст до того, как покинет наш гостеприимный дом.

Адмирал успокаивающе коснулся похолодевшего лица Михипир:

– Хан подробно расспросил меня о тебе. Мне показалось, что его удовлетворило описание твоих прекрасных волос и синих глаз, моё дитя. Я знаю, мне не придётся краснеть за свои слова, ты у меня настоящая красавица.

И, поцеловав дочь в лоб, Демир-Кяхья ласково распрощался с ней. Лишь когда Михипир уже взялась за резную ручку двери, адмирал тихо спросил:

– Что же ты не противишься моему решению, доченька? Почему не возмущаешься тому, что я хочу решить твою судьбу... – Отец не успел закончить своей фразы, как был чуть не сбит с ног кинувшейся к нему на грудь Михипир.

– Вы не могли бы решить мою судьбу лучше, чем решили сейчас. О отец, я буду счастливей всех на свете, если этот брак состоится!

На следующий день крымский хан с торжественностью просил у своего друга в жёны солтану Менгли его единственную дочь Михипир. Дочь турецкого адмирала и не могла подумать, что сказать «да» этому браку молодого солтана заставили слова отца о прекрасных синих глазах невесты. Менгли-Гирей в очередной раз пожелал испытать судьбу, в надежде отыскать в девичьих глазах женщину, которую любил больше жизни.

Глава 8

Как сон, пролетел месяц подготовки к свадьбе. У Михипир почти стёрлись из памяти и путешествие в Кырк-Ёр, и подробности брачного ритуала. Она помнила гулкий стук сумашедшего сердца и безумное, невероятное возбуждение, овладевшее ею, когда она, наконец, оказалась в покоях молодого солтана. Нет, она не опустила покорно головы, когда Менгли-Гирей вошёл в дверь. Она вся трепетала от вида его широкоплечей фигуры с тонкой талией, подчёркнутой широким золотым поясом. Менгли шагнул к ней, в нетерпении срывая полупрозрачные покровы, спеша увидеть лицо женщины. Последнее из покрывал порхающей птицей опустилось к парчовым туфелькам невесты, и горячие пальцы солтана коснулись подбородка Михипир, приподнимая её лицо. На мгновение они оказались так близко друг от друга, что у девушки перехватило дыхание. Она, не отрываясь, глядела в глаза мужчины, покорившего её, но в этих глазах к её изумлению разливалось безмерное разочарование. Девушка, стоявшая перед Менгли, была красива утончённой, бесспорной красотой, но в её чертах он не нашёл того, чего желал найти. И даже синие глаза, те самые глаза, описание которых заставило его решиться на женитьбу, ничем не напомнили ему боготворимую женщину. Разочарованный, он оттолкнул от себя новобрачную, и не успела Михипир опомниться, как супруг покинул её.

Михипир зябко повела плечами. Воспоминания годовой давности всколыхнули в ней те чувства, что она испытала тогда: жгучую обиду, горькое одиночество и непреходящую боль одинокого сердца. Сидя на холодном полу у запертых дверей покоев солтана в замке Троки, она испытала их вновь.

Она помнила, что проплакала всю ночь, вскакивала с брачного ложа при малейшем шуме, всё ещё надеялась, что Менгли вернётся. А под утро Михипир, забывшуюся в полном кошмаров сне, разбудило прикосновение евнуха. Страж гарема пришёл за ней, чтобы увести молодую госпожу в покои, отведённые для третьей жены солтана. Но Михипир воспротивилась приглашению толстого евнуха. Она сжала маленькие кулачки и срывающимся от слёз голосом потребовала:

– Я хочу видеть своего господина и не уйду отсюда, пока не поговорю с ним!

Евнух выпучил глаза и испуганно замахал руками:

– Ваше поведение недостойно, госпожа! Солтан сам решает, хочет ли он видеть вас или нет.

– Низкий раб! – взвизгнув от ярости, Михипир хлестнула евнуха по жирной, заколыхавшейся как фруктовое желе щеке. – Как ты смеешь мне перечить? Я приказываю передать мою просьбу господину и, если не сделаешь этого, велю тебя выпороть!

Евнух коlobком выкатился из солтанских покоев. Несколько минут он стоял в раздумье, потирая горевшую огнём щеку. Он не знал, как ему поступить: подвергнуться возможному гневу солтана Менгли или вернуться с невыполненным поручением к этой разъярённой турецкой кошке, притаившейся за дверями. Раздумья прервал внезапно появившийся в коридоре солтан.

– Мой господин. – Евнух в испуге согнулся перед Менгли-Гиреем, сбиваясь и путаясь, передал просьбу молодой супруги. К удивлению евнуха солтан не рассердился, устало вздохнул, словно взваливая на плечи непосильный груз, и шагнул в свои покои. Михипир, не ожидавшая супруга так быстро, замерла у столика, где она с помощью полотенца и розовой воды пыталась привести себя в порядок.

– Ты хотела меня видеть, Михипир? – тихие слова мужа застали девушку, замершую от страха, врасплох. Она ожидала гнева, бранных слов и уже готова была дать отпор. Но мужчина, стоявший перед ней, не оскорблял её, он был просто чужим и отстранённым, равнодушным к её любви и страданиям. Она не знала, как потребовать отчёта о его странном поведении, как

заставить почувствовать вину. Михипир поспешно оправила одежду, вскинула голову, принимая неприступный вид. Она украдкой бросила взгляд на себя в зеркало и тут же сникла, увидев распухшее и покрасневшее от слёз лицо, растрёпанные волосы, помятые и оттого казавшиеся жалкими тряпками одежды. Какие чувства мог испытать к ней супруг в эти мгновения, если даже её блистательный вид накануне вечером не разжёт в нём огня желания! Внезапно осознав, какой жалкой она кажется Менгли сейчас, Михипир бессильно застонала и, закрывая опухшее от слёз лицо мокрым полотенцем, опустилась на пол. Она рыдала у ног мужчины, который отверг её, даже не познав, и... не ведала, что один только вид её сломленной фигурки заставил дрогнуть окаменевшее сердце солтана. Не так ли исходит в тоске и слезах Нурсолтан в далёком казанском дворце? Нежная девочка и суровый муж... Он шагнул к ней и коснулся рукой золотистой головки:

– Не плачь. Иди ко мне.

Она не поверила еле слышно произнесённым словам, но ноги сами без принуждения подняли тело навстречу мужчине, позвавшему её. Как во сне Михипир ощутила на своих губах ласковое прикосновение его пальцев. Она в изумлении распахнула глаза, когда эти сильные пальцы настойчиво и в то же время с нежностью притянули её лицо к своим губам. Закрыв глаза, он целовал её солёные от слёз губы, время от времени шепча: «Не плачь... не плачь... любимая». Она могла вспомнить ещё много ночей, наполненных такой же упоительной страстью. Ночей, заставивших её превратиться в рабу, молящую о любви. Как призывала она сейчас эти полные слепой страсти мгновения, когда закрывая глаза, он видел в ней другую женщину. О, если бы она догадывалась тогда, что служила лишь бледной тенью той, о ком Менгли не переставал мечтать ни дня...

Солтан стал отдаляться от неё, когда волею судьбы все они оказались в чужой стране, в замке, отведённом для них литовским правителем. Михипир посчитала, что в это тяжёлое время её самоотверженная любовь поможет ей возвыситься над другими женщинами мужа. Она считала, что её положение в гареме лишь упрочится. Но Михипир ждало горькое разочарование. Менгли-Гирей с головой ушёл в политические интриги, сопряжённые с борьбой за возвращение наследства отца. В этой жестокой мужской борьбе не оставалось места ни для женщин, ни для их нежностей и любви.

Михипир ещё раз тяжёло всхлипнула, только сейчас она ощутила, как замёрзла на сыром каменном полу. Чья-то тень неслышно склонилась над ней, крепкая мужская рука помогла женщине подняться на ноги. В темноте каменного коридора, скупо освещённого чадающими факелами, Михипир разглядела суровое лицо Эсфан-оглана.

– Госпоже не достойно лежать в грязи!

– Эсфан-оглан, – Михипир стиснула руки, умоляюще заглянула в глаза сурового воина, – почему он гонит меня от себя? Ведь я хочу только одного – помочь перенести испытания, которым Всевышний подверг его.

Лицо старого воина искривилось в брезгливой гримасе, но в следующее мгновение он с несвойственным ему участием закивал головой:

– Госпожа, вы напрасно беспокоитесь о солтане. Вскоре к нему прибудет женщина, которая поможет ему забыть обо всех невзгодах. Если вы заботитесь только о спокойствии своего мужа, то можете быть уверены – госпожа Нурсолтан утешит его!

– Нурсолтан?! – В немом изумлении Михипир смотрела на оглана. – Я не знаю женщины с таким именем.

– Вам неизвестно, госпожа, – с хитрой улыбкой на губах продолжал Эсфан-оглан, – Нурсолтан – вдова покойного казанского хана.

– Но это невозможно! Мой муж решил жениться в то время, когда мы все живём в этих ужасных условиях и больше похожи на странствующих нищих, а не на благородных женщин солтанского гарема!

– Госпожа Михипир, вы недавно появились в семье солтана и, должно быть, не знаете, что мой господин готов одной этой женщиной заменить весь свой гарем.

Михипир зябко поёжилась, попыталась плотней запахнуться в шёлковую чадру. Но изысканный наряд, в который она облачилась, чтобы очаровать своего господина, был слишком тонок и не давал желанного тепла. В её голове никак не укладывались простые слова, прямо высказанные старым огланом. Измученное страданиями ревности сердце никак не могло смириться с открывшейся истиной.

– Наш господин совсем не умеет любить, раз так часто меняет своих женщин, – она выпалила эти слова от досады и тут же замерла в страхе: «Аллах Всесильный, я потеряла рассудок, если осмелилась сказать такие слова. О, если они дойдут до Менгли...»

Но Эсфан-оглан как будто не обратил внимания на дерзость молодой женщины, огладил седеющую бородку и, глядя прямо в сверкающие сквозь чёрную сетку чадры глаза Михипир, произнёс:

– Это верно! Он не любит женщин. Всех! Кроме неё одной, кроме Нурсолтан.

Глава 9

Заряд зелья⁵⁶, заряженного в пушку, не разорвался бы так оглушительно, как слова оглана в душе Михипир. Она беззвучно двигала немеющими губами, словно хотела ещё что-то добавить или спросить, но Эсфан-оглан, небрежно поклонившись, уже удалялся от неё.

На следующее утро Михипир наблюдала из узкого, похожего на щель окна отъезд крымского посольства в Казань. Солтан Менгли лично провожал Мазоф-бека и его людей. Он был очень взволнован, и это не укрылось от глаз ревнивой женщины.

– Это неслыханно! – Михипир топнула ножкой о каменный пол. – Он и в самом деле желает заменить этой женщиной весь свой гарем. Он наносит оскорбление не только мне, но и другим своим жёнам! Что скажет Кёнсолтан и Махдумсолтан?

Михипир задумалась, произнеся имена двух старших жён солтана Менгли, она невольно натолкнулась на удачную мысль. Она терпеть не могла соперниц по гарему, но никогда не сходила до свар с ними, считая их недостойными своего внимания. Теперь же из этих глупых гусынь можно было сделать достойных союзниц, объединившись с ними в борьбе против казанской «захватчицы». Бороться с соперницей чужими руками всегда предпочтительней, а в глазах солтана она останется чистой и благородной. Решившись, Михипир поспешно накинула тёплое покрывало и отправилась в тёмный холодный коридор. Она направлялась в комнату старшей жены господина – Кёнсолтан. Михипир застала молодую женщину в покоях с малолетними детьми. Неуютную комнату почти на четверть занимал громоздкий камин, от которого пыхало жаром, но в дальнем углу покоев тепло уже не ощущалось. Ветер свистал в прохудившемся бычьем пузыре, натянутом на окно, задувал в комнату потоки холодного воздуха. Пламя свечей, вставленных в старый медный подсвечник, под порывами ветра угрожающе склонялось, каждый раз грозя погаснуть. Кёнсолтан – высокая худощавая женщина с неожиданно круглым лицом, узкими щёлочками чёрных глаз и пухлыми губами восседала на краю своего ложа, убаюкивая годовалую девочку. Двое мальчиков, пяти и трёх лет, укутанные одним одеялом, пытались отнять друг у друга политую мёдом ячменную лепёшку. Михипир скривила губы. Одного она не могла понять, как старшие жёны солтана могли опуститься до обязанностей нянек и пешекче⁵⁷. Как сама Кёнсолтан, будучи старшей женой господина, могла безропотно нянчить не только своего пятилетнего сына Мухаммада и сына Махдумсолтан – Сеадета, но и дочь наложницы, скончавшейся при родах! Кёнсолтан подняла на Михипир глаза; от удивления широкие редкие брови старшей госпожи, которые она забыла насурьмить, поползли вверх.

– Младшая госпожа?

Удивлению Кёнсолтан не было предела. Михипир жила обособленной жизнью, и никогда, даже во время их проживания в Кырк-Ёре, не навещала старших жён солтана. По прибытии в замок Троки, Кёнсолтан попыталась привлечь младшую жену к работе в тяжёлом хозяйстве, доставшемся им. Но османка воспротивилась решению старшей госпожи. Она выбрала для себя самую удобную и тёплую комнату, с довольной улыбкой заявила гаремным слугам, что господин, навещая её, не должен терпеть неудобств. А когда старшие жёны вынуждены были отослать своих нянек и прислужниц на кухню и для работ, связанных с содержанием скота и уборкой обширного двора, Михипир заявила, что её служанки останутся при ней. Кёнсолтан, пылая гневом, впервые попыталась показать свою власть заносчивой младшей госпоже.

– Мы живём не в Кырк-Ёре, не в удобном дворце нашего господина, Михипир! В этом замке вместе с нами проживает сотня воинов, которых нужно кормить. Один только гарем

⁵⁶ Зелье (устар.) – порошок.

⁵⁷ Пешекче – повар.

состоит из пятидесяти человек вместе с евнухами и рабынями. Сегодня на кухню отправились работать даже наложницы. Госпожа Махдумсолтан взяла на себя нелёгкий труд распоряжаться ими, у неё тысяча дел и ей не помешала бы твоя помощь, Михипир.

– Моя помощь? О всемогущий Аллах, эта женщина сошла с ума! Чтобы я – дочь высшего вельможи турецкого султана спустилась в грязную дымную кухню! А что скажет наш господин, когда от его любимой жены станет пахнуть не амброй и розами, а палёными гусями?

Кёнсолтан закусила полную губу:

– Хорошо, младшая госпожа! Я сама помогу Махдумсолтан, хотя и у меня немало дел, но вы сейчас же отправите на кухню своих служанок! Я думаю, насурьмить брови и набелить лицо вы сумеете сама.

– И не подумаю, Кёнсолтан, – насмешливо протянула Михипир, любуясь свежим цветом своего лица в ручное зеркальце. – Мои служанки останутся при мне, даже если вы лопнете от злости!

Кёнсолтан растерялась. По своей натуре она была женщиной доброй и не склочной и сейчас не знала, как противостоять откровенной наглости младшей жены. Единственный, кто мог поставить зарвавшуюся выскочку на место, был их господин – солтан Менгли. Но Кёнсолтан никогда бы не осмелилась беспокоить его подобными мелочами. Солтану нелегко приходилось сейчас, и она, старшая жена, должна была сделать всё, чтобы незаметно снять часть груза с его плеч, а не нагружать мелкими склоками. И Кёнсолтан отступила, оставив Михипир жить так, как она того желала.

Уже полтора года старшая госпожа безропотно несла на своих плечах непосильный груз, и ни разу её лицо не исказили злость и отчаяние. Солтан Менгли-Гирей видел её повсюду: и раздающую приказы слугам, когда ранним утром замок только отходил от ночного сна; и выводящую детей на прогулку; и принимающую возы, гружённые ячменём и просом от окрестных крестьян. Под плотной тёмной чадрой, столь непохожей на шёлковые покровы младшей госпожи, высокая фигура Кёнсолтан мелькала в загонах для скота и около амбаров, и везде звучал её твёрдый, спокойный голос, настраивавший людей на ровный лад обыденной работы. Кёнсолтан не стыдилась никакой работы, и лишь иногда в её сердце вспыхивала обида, когда она замечала гулявшую по цветущим холмам, окружавшим литовский замок, младшую госпожу в сопровождении своих служанок. Разодетая и беззаботная Михипир раздражала работающих женщин солтана до тех пор, пока сама Кёнсолтан не поставила в этом деле точку. Как-то вечером она собрала в своей тесной комнатке обитательниц гарема и, угощая женщин собственноручно приготовленным шербетом, сказала:

– Каждый должен делать своё дело. Сейчас мы слишком утомлены тяжёлой работой, чтобы привлечь к себе внимание нашего господина. В гареме должна быть хоть одна женщина, напоминающая ему о прошлом, пусть же этой женщиной будет госпожа Михипир. Она красива, хорошо одета, от неё не пахнет кухней, как от многих из нас, с нею наш господин найдёт истинное наслаждение.

Кёнсолтан чувствовала по взглядам женщин – не все были согласны с нею, но никто не попытался возразить. С того дня гарем солтана разбился на две половинки. В одной жили они – женщины, занятые повседневными заботами и домашней работой. В другой жила Михипир, незаметными заботами Кёнсолтан проживая прежней жизнью. В её комнату всегда доставляли дрова, у неё не было недостатка в еде, и если солтан желал навестить младшую жену, в её покоях его встречали тепло, уют и женская ласка. Михипир и не думала благодарить за всё это старшую госпожу. С присущей ей самоуверенностью она приписывала все эти блага положенными ей по статусу любимой жены. Теперь же впервые младшая госпожа переступила порог покоев старшей госпожи, и Кёнсолтан, не в силах скрыть своего наивного изумления, поднялась ей навстречу.

– Меня привело к вам беспокойство за нашего господина, – произнесла Михипир, в душе забавляясь видом старшей госпожи. Она придала своему голосу озабоченность и волнение, ставшее вскоре непритворным. – Не знаю, слышали ли вы о безумной затее нашего супруга: он отправил свадебное посольство в Казань к вдовствующей ханум Нурсолтан. Наш господин околдован этой женщиной! Он решил жениться на ней в то время, когда мы все прозябаем в нищете! Должно быть, чтобы приготовить для неё покои, он отберёт у нас всё самое лучшее. Я слышала больше, уважаемая старшая госпожа, солтан Менгли готов оставить свой гарем здесь, а сам бежать с новой женой в другие земли!

Последнюю ложь Михипир придумала на ходу, чтобы ввести старшую госпожу в ещё больший ужас. Но что-то не сработало в её плане, и Кёнсолтан вместо того, чтобы взорваться возмущением и проклятиями, продолжала спокойно укачивать лежавшую на её руках девочку.

– Вы слышите меня, госпожа? – осторожно переспросила Михипир.

– Да. Я слышу вас.

Кёнсолтан подошла к камину и, придерживая ребёнка одной рукой, другой поправила пылавшие дрова, умело работая массивной кочергой. Михипир заметила, какими грубыми и тёмными стали руки старшей госпожи.

– Что же вы скажете на всё это, старшая госпожа? Неужели вы допустите, чтобы наш господин подверг нас такому унижению, чтобы он бросил нас?

– Я не считаю, что всё так страшно, как вы это представили, Михипир. Взяв четвертую жену, наш господин будет относиться к нам, как и прежде. Я уверена, что этот брак не нанесёт нашему благополучию никакого урона.

Не веря своим ушам, Михипир не отводила глаз от Кёнсолтан. «На что надеется эта глупая гусыня? Менгли уже сейчас не смотрит на неё, а что же будет с ней, когда он привезёт Нурсолтан!»

– У вас ума, как у курицы, старшая госпожа! – не сдержавшись, выпалила она. – Вы со своими руками уже сейчас похожи на служанку. Хотелось бы мне взглянуть, с какой покорностью вы превратитесь в рабыню новой жены солтана!

Кёнсолтан нахмурилась, но в тот же миг складки на её лбу расправились, и улыбка превратила глаза госпожи в ещё более узкие щёлки.

– Может быть, мои руки и похожи на руки служанки, но не далее чем вчера наш господин целовал их. И я горжусь, что у моего мужа нет оснований называть меня белоручкой!

– Что ты сказала? – Михипир даже задохнулась от возмущения. – Наш господин целовал тебе руки? Да тебе это, видно, приснилось в волшебном сне!

– А тебе бы, Михипир, очень хотелось, чтобы это было неправдой, – послышался у дверей желчный голос Махдумсолтан.

Обернувшись, Михипир обнаружила вторую жену солтана, женщину гораздо более воинственную, чем покладистая Кёнсолтан.

– Тебе даже не может прийти в голову, что господин может целовать наши руки, раз они не такие красивые, как у тебя! Но, однако, наш муж вчера вечером был у Кёнсолтан и целовал ей руки, в то время как тебя он не посещал целый месяц, а вчера выставил за дверь!

На мгновение Михипир остолбенела, но в следующую минуту она, взвизгнув, кинулась на Махдумсолтан, чтобы вцепиться в это ненавистное, усмехающееся лицо. Но женщина ловко увернулась от младшей госпожи, и Михипир упала в задвинутое в угол корыто с замоченным детским бельём.

– О-о!

Подскочив на ноги, женщина беспомощно расставила руки по сторонам, с отчаянием наблюдая, как грязная вода потекла по её роскошной одежде. Махдумсолтан прыснула от смеха, а следом за ней засмеялись Кёнсолтан и два маленьких наследника солтана, до того молча наблюдавших за перепалкой женщин.

– Вы ещё вспомните этот день, неразумные! – вскричала оскорблённая Михипир. – Пожалее, что оскорбили дочь Демира-Кяхьи!

И молодая женщина выскочила прочь. Кёнсолтан перестала смеяться, озабоченно сморщила круглое лицо:

– Как отнесётся к этому наш господин?

Махдумсолтан спокойно поправила чадру:

– Нашему господину нет дела до Михипир, он давно остыл к ней. Пусть эта змея кусает саму себя, её яд нам не страшен! А я нашла свободную минутку, чтобы помочь тебе уложить детей, давай этим и займёмся.

Глава 10

Кёнсолтан с благодарностью взглянула на Махдумсолтан. Жизнь в изгнании сплотила их и сделала гораздо ближе. А были времена, когда две женщины не ладили меж собой. Убаюкивая хныкавшую девочку, старшая жена солтана и не заметила, как воспоминания нахлынули на неё. Она видела себя робкой девушкой, которую привезли в Кырк-Ёр из причерноморских степей. Она знала, что должна была стать первой женой крымского солтана. Кёнсолтан родилась в семье знатного рода Седжеутов, но в его захудалой, обедневшей ветви, потому для неё сватовство Гиреев было большой честью. В первый же вечер Кёнсолтан пригласила к себе валиде Асию – мать хана Хаджи-Гирея. Кёнсолтан робела в огромных дворцовых переходах, расписанных волшебными по красоте узорами, семенила следом за кривоногим евнухом и гадала, как встретит её великая валиде – госпожа над всеми женщинами Крымского ханства. Кёнсолтан была разумной девушкой, она никогда не хватала звёзд с неба и знала, что похвастаться ей, увы, нечем. Она была недостаточно богата, не очень красива и совсем не знала, как себя вести в этом роскошном дворце, полном вышколенных слуг и евнухов. Её сердце трепыхнулось от волнения, когда за одними из дверей, бесконечной вереницей распахивающимися перед ней, она вдруг оказалась прямо перед маленькой сухонькой старушкой, одетой с ханской роскошью. Валиде Асия, а это была она, с ласковой улыбкой разглядывала засмутившуюся невесту любимого внука. Кёнсолтан склонилась к ногам крымской госпожи и ещё больше смутилась, когда заметила богато разодетых женщин, бесцеремонно рассматривающих её. Оставаясь в поклоне, она расслышала над своей головой несколько нелестных отзывов. Чей-то капризный голос промолвил:

– Она совсем некрасива, госпожа. Как можно было выбрать девушку с такой внешностью в жёны солтану Менгли?

– И держаться она не умеет, вы заметили, она ходит, как неловкий гусёнок, только что появившийся на свет, – добавила другая женщина.

Кёнсолтан задрожала, чувствуя, как закипают слёзы на глазах, чьи-то руки ласково, но настойчиво потянули её с пола. Поднявшись, Кёнсолтан пришлось склонить голову, чтобы не казаться такой высокой и не оскорблять своим ростом достоинство валиде, смотревшей на неё снизу вверх.

– Не слушай этих глупых завистниц, их языки никогда не бывают намазаны мёдом. – Она поманила пальцем Кёнсолтан, заставляя её склониться поближе. – Сказать по правде, – лукаво зашептала престарелая валиде, – любая из них мечтала бы стать женой моего дорогого Менгли, ведь он такой красивый мужчина!

Валиде Асия желала утешить её этими словами, но вызвала ещё большую волну страха и неуверенности. Если так её встретили женщины гарема, то какое разочарование должно постигнуть солтана, когда он увидит девушку, выбранную ему в жёны. И Кёнсолтан захотелось броситься прочь из этого дворца, из Кырк-Ёра, назад, в свой привычный мир. А сухонькие, но цепкие пальцы старой валиде уже тянули её в приёмную, где они, наконец, остались одни.

– Ничего не бойся, моя девочка, у тебя есть гораздо больше достоинств, чем у этих тщеславных красавиц, которыми мой сын населил свой гарем. А сейчас я хочу познакомить тебя с матерью Менгли. Джанике-солтан больна и не могла выйти встретить тебя, но мы отправимся к ней сами.

В памяти Кёнсолтан навсегда остались полутёмные покои, где в спёртом воздухе перебивались запахи трав, благовоний и тяжёлый запах долго болеющего человека. Девушка со страхом вглядывалась в исхудавшее жёлтое лицо женщины, с трудом открывшей опухшие веки.

– Видишь, Джанике-солтан, – как издали услышала она твёрдый голос валиде, – это будущая жена твоего сына. Её зовут Кёнсолтан.

– Из какого ты рода?.. – вопрос этот был больше похож на шелест травы, но Кёнсолтан расслышала сказанные ей слова.

– Я из рода Седжеутов, а мать моя из Буджаков, наш улус кочует в южных степях.

– Ты... родилась в степи?

– Да, высокочтимая госпожа.

Кёнсолтан склонилась ближе к больной женщине.

– Она – именно та девушка, какую мы искали твоему сыну, Джанике, – пришла на помощь валиде Асия. – Она умеет доить кобылиц и делать кумыс. Наравне с мужчинами запрягает повозку и управляется с волами и лошадьми. Сможет поставить юрту, разжечь огонь и испечь вкусные лепёшки.

Валиде похлопала по руке Кёнсолтан, с удивлением взглянувшую на неё.

– Обо всём этом нашему послу рассказала твоя мать, она ни в чём не слухавила?

– Нет, госпожа, наша семья часто терпела лишения, и я научилась всему тому, о чём вы говорили.

Кёнсолтан застыдилась, склонила голову. Разве можно было гордиться тем, что девушка знатного рода сравнялась с женщиной из простой семьи. Но к её удивлению старая валиде выглядела вполне довольной и даже на восковом лице ханши Джанике появилась слабая улыбка.

– Это очень хорошо, – прошептала она.

Кёнсолтан долго не могла понять, почему и мать Менгли, и сама валиде с такой теплотой приняли её в свою семью. И только через полгода, когда решался вопрос о второй женитьбе солтана Менгли, Кёнсолтан удалось открыть завесу этой тайны. В этот раз наследнику в жёны искали девушку не только знатную, но богатую и красивую. И валиде Асия долго перебирала имена предполагаемых невест. Кёнсолтан, носившая под сердцем своего первенца, часто навещала престарелую госпожу. И в тот день она спешила к своей доброй покровительнице, чтобы показать ей расшитые шёлком крохотные рубашонки, работу над которыми недавно окончила. Евнуха, обычно дежурившего у дверей госпожи, не оказалось на месте, и Кёнсолтан толкнула дверь сама. Валиде Асия находилась в дальней комнате и беседовала там с одной из жён хана Хаджи. Кёнсолтан хотела закрыть дверь и подождать евуху, который должен был доложить о её приходе, но, внезапно слышав своё имя, не смогла удержаться от соблазна послушать, о чём говорили знатные женщины.

– Итак, вы решили, светлейшая валиде, и второй женой Менгли станет дочь мурзабека из рода Мансур – Махдумсолтан. Выбор совсем неплох, если девушка к тому же хороша собой, – говорила старшая жена хана.

– Нам описали девушку приятной внешности, – отвечала валиде.

– Я рада за солтана Менгли! Кёнсолтан совсем неплохая женщина, но красотой она не блистает, а мужчин в женщинах волнует только одно: красивое тело и хорошенькое личико.

– К чему солтану Менгли жёны-красавицы, уважаемая Гулзэ-ханым? Для этого существуют красивые наложницы. С ними мужчины могут удовлетворять желания своей плоти сколько угодно. А нашему солтану нужна жена, которая может в случае неудачи разделить с ним тяготы и лишения. Женщина, которая безропотно возьмёт на себя груз повседневных забот, если солтану придётся бежать из Крыма, как это не раз случалось с его отцом и моим сыном – ханом Хаджи.

– А как же считает сам солтан, светлейшая валиде?

– Мой внук всегда был умен и рассудителен. Он нашёл, что Кёнсолтан достойна быть его верной женой и надёжной опорой. Но сейчас, когда она ждёт ребёнка, Менгли следует жениться второй раз. И ему не мешает ещё одна женщина из степей, они не такие неженки, как османки или бухарки.

Валиде Асия хрипло рассмеялась:

– Если желаете знать, милая Гулзэ, я в молодости тоже не отличалась красотой, но мой муж, солтан Гиас-ад-дин очень любил меня. Я родилась в знатной семье, ела на золоте, носила шелка, но умела печь лепёшки, как заправская пешекче. Это моё умение пригодилось, когда мы скрывались в Литве, в Лиде и в замке Троки. В тех местах и родился мой первенец, мой Хаджи...

Девочка завозилась на руках, вырывая Кёнсолтан из плена воспоминаний. Женщина взглянула на круглое хорошенькое личико спящего ребёнка. Это была дочь одной из наложниц солтана, долгое время пользовавшейся расположением своего господина. Наложница была очень красивой женщиной. Кёнсолтан украдкой наблюдала за ней в ханских банях и испытывала чувство острой зависти. Как же отчётливо вспоминались тогда слова старой валиде, подслушанные когда-то: «К чему солтану Менгли жёны-красавицы, для этого существуют красивые наложницы». Кёнсолтан тихонько вздохнула. Такова жизнь! Красивые женщины всегда пользуются вниманием мужчины, а таким, как она, достаётся покорно сносить это. Но ей, Кёнсолтан, грех жаловаться на своего мужа. Он никогда не обижал её, а вчера вечером, о! этот вечер, когда Менгли внезапно навестил свою старшую жену, она не забудет никогда.

Солтан Менгли зашёл к ней после вечерней молитвы. Приласкав детей, которые встретили отца радостным визгом, он отвёл старшую жену в сторону и заговорил с ней:

– Я должен сообщить тебе, Кёнсолтан, что собираюсь жениться. Женщина, которую привезёт посольство из Казани, должна ни в чём не знать нужды. Я верю, что очень скоро мы все окажемся в Кырк-Ёре, и тогда весь Крым и его богатства станут принадлежать нашей семье. Но пока этого не случилось, я очень надеюсь на твою помощь, Кёнсолтан.

Солтан говорил, не глядя в глаза своей жене, и она чувствовала, что он испытывает неловкость оттого, что вынужден обратиться к ней с такой просьбой. И в то же время что-то необычное в голосе мужа, когда он говорил о женщине, которую желал назвать четвёртой женой, заставило Кёнсолтан отнестись к этой просьбе с особым вниманием. Она на мгновение задумалась, решая поставленную перед ней задачу. Но в следующую минуту мягко улыбнулась настороженным глазам мужа:

– Мой господин, в конце коридора есть очень большая и удобная комната. В ней никто не живёт, потому что она находится в отдалении от других покоев. Если вы прикажете прислать мастеров, то комнату вполне можно привести в порядок к приезду новой госпожи. А я поищу, чем можно будет обставить и украсить эти покои. Не беспокойтесь, мы справимся!

Солтан улыбнулся, взглядываясь в озарённое особым светом лицо Кёнсолтан:

– Ты очень помогла мне, дорогая.

И Менгли взял в свои ладони руки старшей жены и вдруг прижал их к губам. Кёнсолтан застеснялась, вспомнив, в каком состоянии её руки, но господин, казалось, не замечал этого, покрывая загрубевшие пальцы тихими поцелуями.

– Благодарю тебя, моя жена! Наша дорогая валиде не могла подыскать мне супруги лучше, чем ты. Она никогда не ошибалась, и я рад тому, что у меня есть ты!..

Кёнсолтан уложила заснувшую девочку и поднесла пальцы к свету свечей. Какие ужасные, с потрескавшейся, грубой кожей руки! А он целовал их, и ей это не снилось, как кричала об этом Михипир. Он целовал не её нежные белые ладони, а руки Кёнсолтан, и она знала, за что он благодарил её, и была счастлива осознанием этого.

Глава 11

Беклярибек мангытов Тимер постарел. Его некогда могучее здоровье сразила старческая немощь. Речь стала неспешной, еле слышной. То была речь старика, к словам которого мало прислушиваются горячие джигиты. Тимер-бек передвигался по своему стойбищу, поддерживаемый под руки почтительными сыновьями, теми, кто ожидал от него справедливого раздела улуса. Но слова старика, диктующего свою волю, были неслышны за громopodobными раскатами голоса Шагибека. Старший сын Тимера наложил властную руку на все стада, косяки, на владения постаревшего отца.

– Аллах свидетель, – говорил Тимер-бек, отирая слезившиеся глаза, – если при жизни моей Шагибек взял всё, чем владел я долгие годы, то где же мои младшие сыны? Где их нукеры и степные джигиты, для которых справедливое дело превыше жирного куска, поданного на пиру моим жестоким наследником?

Младшие сыновья, слышав слова старого отца, вскидывали головы. Многие из них собирались открыто выступить против Шагибека, но наследник был подобен молниеносной кобре. В юртах мурз ещё только рождались заговоры, а Шагибек уже бросал своих нукеров на бунтовщиков. Родная кровь лилась ручьями...

Хусаин отдалился от главного стойбища отца. Жил в юрте табунщика Журмэя, укрываясь в дальнем степном углу обширного улуса отца. Сюда тайком прибывали джигиты, желавшие встать под знамёна борьбы с Шагибеком. Но силы были неравны, и молодой мурза всё чаще задумывался о том, чтобы покинуть улус отца.

Этим вечером задумавшийся Хусаин сидел у костра, разложенного старым табунщиком. Палкой ворошил угли, вспыхивающие красными искрами, подобными глазу змеи. Нукеры тянули долгую, неторопливую, как степная дорога, песню. Кто-то, обхватив обеими руками колена, задумчиво взирал на завораживающую пляску огня. Кто-то занял руки попутным делом: точил кинжал или строгал стрелу. В степи одиноко заржала лошадь. Привязанные у коновязи жеребцы заволновались, отозвались на одинокий призыв. Хусаин настороженно вскинул голову. Джигиты сжали рукояти кинжалов и сабель. Двое привстали, чутко прислушиваясь к сгущавшейся тьме, отошли от костра. Вернулись вскоре, ведя под уздцы каурюю лошадку. На ней восседал юноша в лисьем малахае. Один из нукеров вскрикнул радостно:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.